

АНУШАВАН ЗАКАРЯН

АЛЕКСАНДР КУЛЕБЯКИН
И
АРМЕНИЯ

ՀԱՅԱՍՏԱՆԻ ՀԱՆՐԱՊԵՏՈՒԹՅԱՆ
ԳԻՏՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԻ ԱԶԳԱՅԻՆ ԱԿԱԴԵՄԻԱ
Մ. ԱԲԵԴՅԱՆԻ ԱՆՎ. ԳՐԱԿԱՆՈՒԹՅԱՆ ԻՆՍՏԻՏՈՒՏ

ԱՆՈՒՇԱԿԱՆ ԶԱՔԱՐՅԱՆ

ԱԼԵՔՍԱՆԴՐ ԿՈՒԼԵԲՅԱԿԻՆԸ
ԵՎ
ՀԱՅԱՍՏԱՆԸ

*ԴԴ ԳԱԱ ակադեմիկոս
ՎԱՐԴԳԵՍ ՄԻՔԱՅԵԼՅԱՆԻ
խմբագրությամբ*

ԵՐԵՎԱՆ – 2003

НАЦИОНАЛЬНАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ
ИНСТИТУТ ЛИТЕРАТУРЫ ИМ. М. АБЕГЯНА

АНУШАВАН ЗАКАРЯН

АЛЕКСАНДР КУЛЕБЯКИН
И
АРМЕНИЯ

Под редакцией
академика НАН РА
ВАРДГЕСА МИКАЕЛЯНА

ЕРЕВАН – 2003

УДК 947 + 941 (479.25)
ББК 63.3 (2 Р) + 63.3 (2 Ар)
З — 183

Печатается по решению ученых советов
Института литературы им. М. Абегамяна НАН РА
и Военного института МО РА им. В. Саркисяна

Закарян, Ан.

З — 183 Александр Кулебякин и Армения. —
Ер.: Авторское изд., 2003. — 238 с.

А. Кулебякин — известный русский военачальник, терский казак, поэт и общественный деятель начала XX в., участник военных действий на Кавказском фронте первой мировой войны, в Западной Армении.

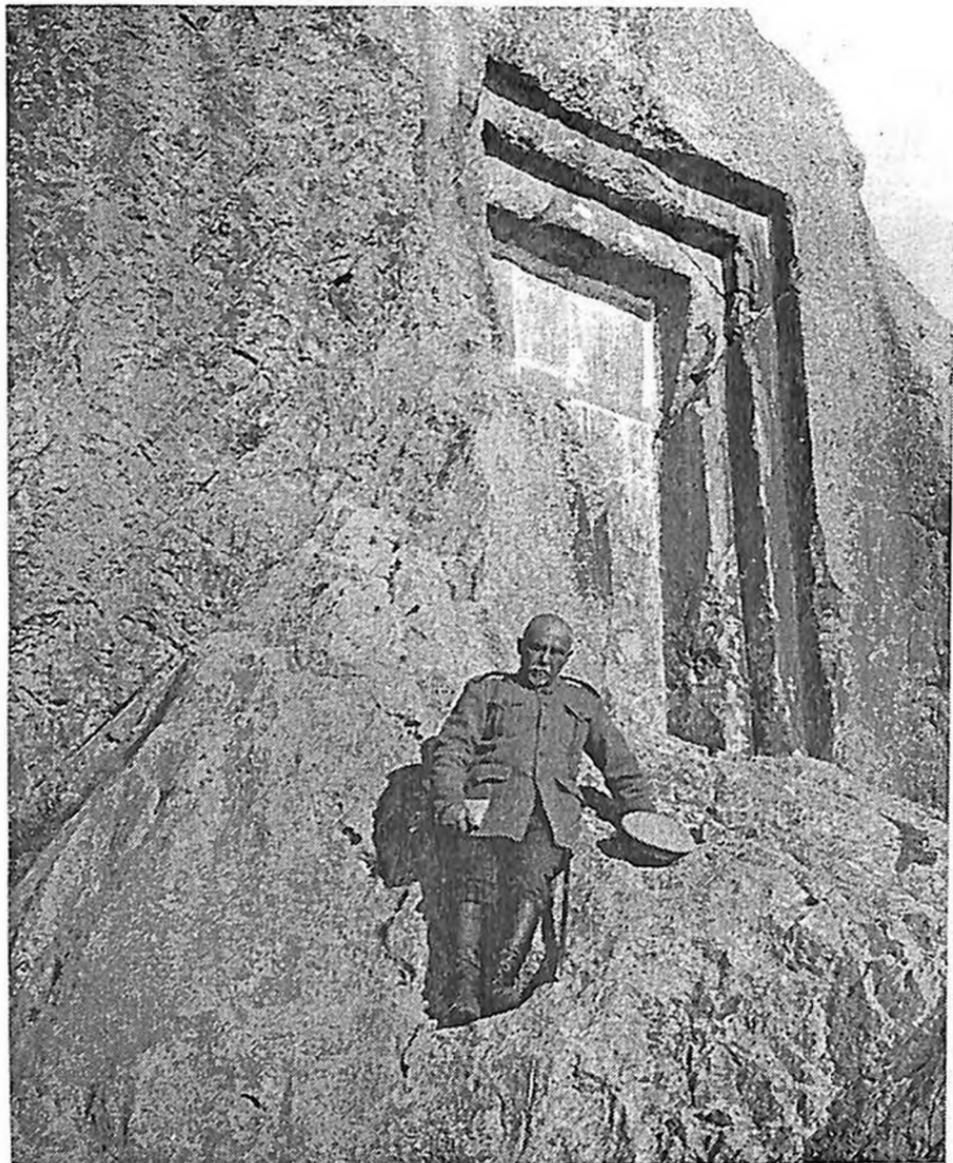
Впервые на основе разностороннего фактического материала показаны тесные связи А. Кулебякина с Арменией и армянским народом, приводятся материалы из его военной, литературно-общественной деятельности, представлено творческое наследие генерала-поэта с середины 10-х годов XX века.

Книга рассчитана на филологов, историков, а также широкий круг читателей.

ББК 63.3 (2 Р) + 63.3 (2 Ар)

ISBN 99930 — 4 — 096 — 7

© Ан. Закарян, 2003 г.

Генерал-майор А. Кулебякин
перед "Дверью Мехера" (Ван, 1915 г.)

К ЧИТАТЕЛЮ

На Кавказском фронте Первой мировой войны, в военных действиях, развернутых русской армией, с первых же дней активно участвовал военачальник родом из терских казаков Александр Парфенович Кулебякин (1871 – ?), под командованием которого сражались плечом к плечу против заклятого врага – турок – русские солдаты и армянские добровольцы. А. Кулебякин стал очевидцем трагических событий в Западной Армении, которая на его глазах была превращена в руины и армянское население которой было подвергнуто геноциду. Он восхищался героизмом армян, их неукротимой волей к борьбе, преклонялся перед историей, культурой, природой Армении, все это образно отобразив в своих поэтических, публицистических и исторических произведениях. После войны, оставшись в Закавказье – в Тифлисе, Кулебякин принял непосредственное участие в решении ряда волнующих армянскую общественность вопросов и проблем.

Многогранная деятельность А. Кулебякина до сих пор практически не исследована: нет целостной работы – будь то статья или книга, – посвященной поэту-генералу, несмотря на то, что как военная, так и литературно-общественная деятельность его представляет значительную историко-фактографическую ценность, являясь своеобразными летописными страницами армянской действительности 10-х годов XX в. Настоящая работа, написанная на основе архивных материалов и данных периодической печати, призвана восполнить этот пробел.

Несомненный интерес, на наш взгляд, вызовут сочинения, переводы, письма, доклады А. Кулебякина, которые в основном публикуются впервые. Сюда включена и книга генерала-поэта "Дверь Мехера. Отзвуки Вана", опубликованная в начале XX в. и ныне фактически представляющая библиографическую редкость. В настоящем издании сохранены структура, художественное оформление книги, примечания даются без изменений, в авторском изложении.

Г Л А В А I

ПОЛКОВОДЕЦ А. КУЛЕБЯКИН В ЗАПАДНОЙ АРМЕНИИ

Об А. Кулебякине имеются сведения в изданной в 1915 г. библиографии известного русского историка литературы, критика, библиографа и педагога С. Венгерова (1885—1920), где читаем: "Кулебякин Ал-др Парф., сотр. "Терс. Вед.", полк. 2 горско-моздок. п. 1912 г."¹. В 1920 г. арменовед, искусствовед и общественный деятель Левон Лисицян (1892—1921) писал: "Полководец Кулебякин, сам будучи терским казаком, питал всегда большую симпатию и интерес к армянскому народу, чувствовал и уважал его стремления и боль, и известен был как человек бескомпромиссной мысли и светлой души"².

С первых дней войны А. Кулебякин в чине полковника командовал Карадербентским отрядом, который обслуживал левый фланг Сарыкамышского отряда. Под его руководством доблестно сражалась "3-я армянская дружина под начальством Амазаспа Сервастьяна [Срвандзтяна]"³. 4 ноября 1914 г. дружина прибыла в с. Делибаба, где в то время находился штаб русского отряда. 6 ноября дружина перешла в подчинение полковника Кулебякина, в отряде которого и получила

1 Проф. С. Венгеров. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых (от начала русской образованности до наших дней). Второе, совершенно переработанное, иллюстрированное издание, т. 1 (вып. 1—3), Пг., 1915, с. 432.

2 Центральный государственный исторический архив Республики Армении (далее — ЦГИА РА), ф. 428, оп. 1, д. 77, л. 2—3. См. также: Ա. Հ. Չ ա թ ա թ յ ա ն. Գեներալ Ալեքսանդր Կուլեբյակինի մասնակցությունը Համաշխարհային պատերազմում հայ ժողովրդի կրած վնասների քննիչ հանձնաժողովի աշխատանքներին. — «Հայկական բանակ», 2002, №1—2, էջ 155-161:

3 Մ. Գ. Ն ե թ ա ի ս յ ա ն. Խրիմյան Հայրիկի դիմումը Նիկոլայ Երկրորդին (1907թ.) և արխիվային այլ ցյուրեր Հայկական հարցի ու հայ կամավորական շարժման մասին (1912—1915թթ.). — «Պատմա-բանասիրական հանդես» (այսուհետև՝ ՊԲՀ), 1993, №1—2, էջ 179:

первое боевое крещение в бою против курдов. 25 декабря 1914 г., будучи уже начальником Башкейского аръергарда, полковник А. Кулебякин направил донесение командиру 1-го Кавказского армейского корпуса генерал-майору Пржевальскому: "Сегодня 3-я Армянская дружина временно выбывает из состава вверенного мне отряда для реорганизации и пополнения своей убыли в Кагызмане. По долгу службы и совести считаю себя обязанным засвидетельствовать самую добросовестную, усердную и беззаветную работу всей дружины и особенно ее начальника Амазаспа"⁴. А. Кулебякин особо отмечает роль Амазаспа в преобразовании дружины, состоящей из русских и турецкоподданных армян, в отряд, отличающийся железной дисциплиной, стойкостью и порядком. По словам русского военачальника, во всех боях армянские дружинники "беззаветно шли на явную смерть" и "честно умирали" как "настоящие герои", проникнутые глубоким чувством к родине. Кулебякин с удовлетворением отмечает, что армянские бойцы выполняли все его требования "радостно и усердно", а сам Амазасп показал себя "настоящим вождем" своего отряда, "беззаветно храбрым, самоотверженным и твердым... исполнителем" указаний начальства, "беспощадным и стремительным" в бою, "справедливым и милосердным" к побежденным врагам. Русский полковник считал Амазаспа "достойным всякого поощрения" и был бы рад его возвращению с обновленной им дружиной в состав своего отряда.

Особым приказом командира 1-го Кавказского армейского корпуса генерал-майора Пржевальского от 27 декабря 1914 г. выносятся благодарности "за честную и доблестную службу" начальнику дружины Амазаспу Срвандзтяну и его дружинникам⁵.

А. Кулебякин был участником и свидетелем общего наступления русской армии весной 1915 г., ее отступления, создавшегося тяжелого положения, оборонительных боев в Ване. "Восстание ванцев было вызвано систематическими

4 ЦГИА РА, ф. 121, оп. 1, д. 5, л. 20.

5 У. Ф. Ы т р и ф у ж б. Указ. раб., с. 179.

преследованиями армян, не скрывавших своего тяготения к России..., — пишет он. — Турки стремились к ослаблению во всей стране армянского элемента путем экономического разорения, равно как и посредством единичных убийств видных армянских деятелей и массовых арестов и избиений. ...Так, например, в районах Абага и Беркри в марте 1915 г. было поголовно вырезано все население... Очередь доходила до Вана и его окрестностей. ...Осведомленные о кровавых событиях, разыгравшихся в Абаге, Беркри, Тимаре, Арчаке, Агбаке и т.д., и убежденные в неизбежности и близости такой же участи и для себя, они (ванцы. — Ан. З.) в отчаянии взялись за оружие с решением: или погибнуть с честью, или освободиться. Искрой, зажегшей буйный огонь восстания, послужили два происшедших одновременно события: предательское убийство Ишхана, крупного деятеля, и арест Врамяна, выдающегося политического вождя армян всего Ванского вилайета, члена турецкого парламента"⁶.

События стремительно развивались на глазах А. Кулебякина, и он имел возможность по достоинству оценить действия армянских добровольцев. Вот что пишет русский полковник о них: "В связи с известиями о восстании в Ване настроение армян-дружинников было напряженное: все они с нетерпением ожидали утра, с началом которого должен был начаться и первый бой. У всех взоры и мысли и чувства были обращены в сторону Вана. Занятие Вана стало яркой мечтой армян-дружинников, из которых многие были уроженцами гор. Вана и окрестностей. Никакие трудности не могли ослабить порыва вперед, который охватил армян"⁷.

С 17 ноября 1915 г. генерал-майор А. Кулебякин уже начальник Ванского отряда. В составе его находились также 1-я Армянская дружина под командованием Андраника и 3-я Армянская дружина, возглавляемая Амазаспом. В "Дневниковых протоколах первой Армянской добровольческой дружины" писаря полководца Андраника Вардгеса Агароняна, охватывающих действия дружины на Кавказском фронте в

6 ЦГИА РА, ф. 121, оп. 1, д. 6, л. 4—5.

7 Там же, л. 6.

период с 25 декабря 1915 г. по 18 марта 1916 г., есть интересные подробности о первой встрече А. Кулебякина и Андраника.

Еще во время встреч с генералом Чернозубовым, 13—14 декабря 1915 г., Андраник выразил беспокойство в связи с находящимися в тылу русской армии вооруженными курдами. На вопрос армянского полководца, как относится Чернозубов к данному обстоятельству, русский генерал отвечает, что их следует разбить.

"25 декабря Андраник, — читаем в дневниковых протоколах В. Агароняна, — представился начальнику Ванского отряда генералу Кулебякину.

Андраник. — Я уже говорил с генералом Чернозубовым о курдах, и он одобрил очищение нашего тыла от вооруженных курдов. Надеюсь, Чернозубов уже сообщил Вам об этом.

Ген. Кулебякин. — Нет, об этом мне ничего не сообщено. У Вас есть какое-либо письменное распоряжение от генерала Чернозубова?

Андраник. — Нет, генерал поручил мне идти на Арчеш и очистить наш тыл от вооруженных курдов.

Ген. Кулебякин. — Это все равно, что он ничего не сказал. Это на него похоже"⁸.

Затем генерал Кулебякин зачитывает для Андраника основные пункты телеграммы Верховного главнокомандующего о курдах: всячески постараться привлечь курдов на нашу сторону; не трогать мирных курдов; пользоваться их услугами и попытаться пробудить в них интерес к торговле; получать сведения посредством их о врагах; однако пользоваться вооруженными силами курдов только в тех случаях, когда можно быть уверенным, что они нас не предадут; не позволять курдам нападать на армян и персов; всячески стремиться примирить курдов и армян. А. Кулебякин подчеркивает, что именно этими принципами следует руководствоваться. От них можно в случае необходимости и

⁸ «Հայաստան», 16–17 հունիսի 1917: См. также: Հր. Սիմոնյան. Անդրանիկի ժամանակը. Երկու գրքով. գիրք Ա, Երևան, 1996, էջ 493–494:

отклониться. Андраник заявляет полководцу, что русские могут считать курдов своими друзьями, однако армяне не могут примириться с ними, так как все попытки армян к сближению с курдами в течение 20–25 лет ни к чему не привели; они, кстати, добавляет Андраник, нападают, также на казаков и солдат, что известно и русскому генералу. На это Кулебякин отвечает: "Я лично с вами согласен и не верю курдам (в пример приводит изменнические в отношении русских действия Бахри-бека из Хошаба. — Ан. 3.). ... К сожалению, я многого сделать не могу, так как моих сил мало. Пока моя задача — очистить ущелье Зилана от курдов и наладить связь с 4-м корпусом через Патнос"⁹.

Именно в этот день генерал Кулебякин отдал приказ Арчешскому отряду, куда входила и дружина Андраника, 27 декабря наступать на Зилан-дзор¹⁰.

И впоследствии Андраник телеграммами многократно обращался к Кулебякину относительно действий против курдов. В середине января 1916 г., опять же в связи с вопросом "о тыловых курдах", Андраник послал начальнику Ванского отряда Кулебякину подробное донесение о том, что если русское

9 «Հայաստան», 17 հունիսի 1917:

10 Там же. По другим данным это наступление "было выполнено 30 ноября". Так, в документе "70. Из исторической записки генерала Кулебякина о боевых действиях добровольческой дружины Андраника в составе Арджишского и Битлисского отрядов [конец 1915 г. — февраль 1916 г.]" читаем: "Район Зилан-Дараси, населенный воинственным курдским племенем (Зилан), был превращен турками в лагерь, куда стекались вооруженные курды. Под руководством турецких, а также нескольких немецких офицеров курды усиленно подготовились к операциям, которые намечались турецким командованием. ... Необходимо было прогнать назойливого врага дальше ущелья реки Зилан-Дараси-Су. Тогда генерал Кулебякин приказал войсковому старшине Александрову (в состав отряда которого вошла 1-я дружина Андраника. — Ан. 3.) снарядить экспедицию против курдов, что и было выполнено 30 ноября" ("Андраник Озаян. Документы и материалы". — "Вестник архивов Армении", 1991, №1–2, с. 195. Ср.: Մ. Կ շ ր ի լ ի թ ի յ Ն. Հայկական կամավորական խմբերը և ազգային գումարտակները Կովկասյան ռազմաճակատում (1914–1917 թթ.). Երևան, 1999, էջ 239).

командование не уничтожит курдов, то продвижение вперед "никогда не может развить полного успеха"¹¹. По приказу Кулебякина Андраник 20 января 1916 г. приступил к очищению от курдов северных и западных районов вдоль побережья оз. Ван до Ахлата.

Как видим, боевое содружество двух видных военачальников — Кулебякина и Андраника — имело крепкую основу. Именно этим можно объяснить лестные высказывания русского генерала об Андранике, связанные, в частности, с обороной Эрзерума. Прибытие сюда армянского героя, по словам Кулебякина, наполнило надеждой сердца защитников города, вселило уверенность, что Андранику удастся силой своего авторитета и популярности укрепить их боевой дух. Этому способствовали и личные качества генерала, поистине легендарная слава, всеобщая любовь к нему народных масс¹².

Интересные сведения о деятельности А. Кулебякина в Ване и встречах с ним опубликовал уполномоченный Союза городов Аш. Атанасян. По сообщению газеты "Мшак", 11 марта в Тифлисе — в литературно-художественном салоне Т. Назаряна — состоялся доклад только что возвратившегося из Вана Аш. Атанасяна на тему: "Настоящее и будущее Вана"¹³. Сообщается также, что в подробностях доклад будет напечатан в газете. И вот в номерах с 15 по 20 марта печатается цикл статей "Три месяца в Ване (впечатления и факты)". В IV статье цикла значительное место уделено А. Кулебякину. Поскольку в ней есть достаточно примечательных подробностей, приведем эту часть статьи полностью: "...Наше второе посещение было генерала К[улебякина], который жил в бывшем русском консульстве. Генералу 46 лет, он статен, с уже седеющими волосами, с приятным лицом; он принял нас с присущей ему любезностью, сообщив, что наш отряд (медицинско-санитарный и сиротский отряд,

11 ЦГИА РА, ф. 121, оп. 1, д. 8, л. 35.

12 «Հայկական կորպուսն ընդդեմ բուրջական զորքերի (1917 թ. նոյեմբեր — 1918 թ. հուլիս), գեներալ Թ. Նազարբեկյանի հուշերը», Երևան, 1994, էջ 112:

13 «Մշակ», 13 մարտի 1916:

который был направлен Союзом городов в Ван. — Ан. З.) ждет давно, что позволит облегчить его ношу — оградить войско от эпидемии, обеспечив медицинскую помощью население. Далее генерал сообщил, что тревожные сведения, данные нам из надежных источников в Джульфе — Хое (о возможном наступлении турок и отступлении русской армии. — Ан. З.), ничем не обоснованы, что, наоборот, наши войска ныне надежно держат фронт и т.д. ... Разговор существенно развеял наше подавленное настроение.

Не менее значительным было отношение генерала к ванским армянским национальным историческим святыням и драгоценным церковным реликвиям, которые были попорчены, разграблены, пропали благодаря ... попустительству армянского церковного управления; он удивлялся, что наши высшие духовные власти с самого начала войны не посылают ... ученых-священнослужителей, чтобы они по продвижении армии вперед тотчас же бывали в монастырях, церквях с целью спасения церковных и исторических ценностей от всякого рода грабежей и хищений.

Мы, краснея, слушали справедливые замечания обаятельного полководца и кое-как оправдывали ошибки Эчмиадзина присутствием служащего Императорского Археологического общества г. С. Тер-Аветисяна и миссией, однако генерал утверждал, что, к сожалению, эта миссия сильно запоздала: "Ныне боюсь, что г. Тер-Аветисян соберет лишь остатки и, возможно, десятую часть тех драгоценных вещей, которые можно было спасти еще 3 месяца назад"¹⁴.

С наилучшими впечатлениями мы распрощались с генералом, который тут же пригласил весь наш отряд назавтра на русское Рождество к себе в гости и на обед.

Затем, во время трехмесячного моего пребывания в Ване,

14 В связи с изложенным приведем интереснейшие факты. В Тифлисе, в зале Географического общества, 15 марта состоялось заседание членов Кавказского отделения Императорского Московского археологического общества, на котором С. В. Тер-Аветисян сделал доклад о своей поездке в Ванский вилайет. Он подробно

я пользовался самым дружеским расположением этой приятной, сердечной и талантливой личности до такой степени, что когда ... зашел к нему попрощаться, мне казалось, что я прощаюсь с самым любимым другом-товарищем, с которым имел так много незабываемых встреч и поэтический дар которого в скором времени обогатит русскую литературу рядом прекрасных произведений, темой которых был разрушенный, но богатый ценными древностями и поэтическими традициями Васпуракан"¹⁵. Как увидим ниже, пути – дороги А. Кулебякина и Аш. Атанасяна впоследствии пересекаются: они вместе работают в "Бюро по установлению потерь армян от Всемирной войны" в 1918-1919 гг.

В середине июля 1916 г. генерал-майор А. Кулебякин возглавил Соуджбулагский отряд. 28 июля по приказу командира корпуса, он объединил под своим началом Соуджбулагский и Тавризский отряды. Сохранился архивный

представил существующее положение, что косвенно подтверждает высказывание А. Кулебякина (об этом см.: "Кавказское слово", 19 марта 1916 г.). Продолжением этой темы явилась публикация в "Мшаке" от 17 марта 1916 г. под названием "Новый случай". В ней говорилось о том, что действующая в районе Вана группа русских военных вместе со своим священником недавно официально обратилась в Эчмиадзин, к Католикосу всех армян, с запросом относительно получения Эчмиадином 2 пудов серебряной церковной утвари и украшений, которые были найдены этими военными в прошлом году в Ванской цитадели после ухода турок и после тщательного взвешивания, по списку были отправлены с одним известным армянином, пообещавшим доставить их непосредственно в Эчмиадзин. Не имея до сих пор сведений, доставлены ли ценности в Эчмиадзин, военные просят католикосат подтвердить получение. Из Святого престола отвечают, что никаких ценностей не получали и не имеют никаких сведений об этом. По мнению газеты, безотлагательно Эчмиадзин должен назначить расследование, и поскольку получившая эти ценности личность небезызвестная, потребовать от нее сдачи вещей, чтобы религиозные чувства честных русских военных и священнослужителя не были под ударом. Этот вопрос имел интересное развитие (об этом см.: «Աշխ», 26 մարտի 1916). По всей вероятности, среди указанных в статье военных был и А. Кулебякин.

15 «Աշխ», 18 մարտի 1916:

материал (от 15 августа 1916 г.) с подробным описанием генералом боевых действий этого отряда во время Бокано-Саккизской операции с 24 по 31 июля 1916 г. и участия в ней 4-го и 6-го Армянских стрелковых батальонов¹⁶.

При взятии г. Саккиз, 31 июля 1916 г., генерал Кулебякин наблюдал атаку 4-го Армянского батальона, во время боя прислал ряд благодарственных телефонограмм. После взятия армянскими стрелками высоты 1027 он прислал подполковнику Осепянцу следующую телефонограмму, высоко оценивающую боевые действия и воодушевляющую сражавшихся в составе русских войск армян: "Поздравляю батальон с первым боевым крещением и первой победой. Благодарю за отличную боевую работу. Сегодня лично был на взятой вами неприступной позиции и на месте оценил труд и доблесть одолевших ее армян-стрелков. 553. Кулебякин"¹⁷.

А. Кулебякин, как представитель высшего командного состава, при каждом удобном случае воодушевлял и ценил сражавшихся в составе русских войск армян. Это обстоятельство в свое время отмечал и великий армянский поэт Ов. Туманян: "Военные власти, четко видя находящееся в своей... армии армянство, оценили его самоотверженность и... всегда проявляли хорошее отношение; армянский народ, со своей стороны, служил ей [армии] и любил ее, как родную, и до настоящего дня ни одного недоразумения и недовольства не случилось между армянским народом и русским воинством, и сегодня... молодежь и русский солдат и казак, плечом к плечу, вместе сражаются... против врага России с истинным вдохновением"¹⁸.

Боевые действия на Кавказском фронте, как известно, характеризовались не только наступлениями русской армии и сражавшихся под ее началом армянских дружин, но и, к

16 ЦГИА РА, ф. 121, оп. 1, д. 21, л. 2–7.

17 Там же, д. 18, л. 14.

18 Հ ն Վ հ. Թ ու ի ն ն յ ա ն ն. Երկերի լիակատար ժողովածու (далее – ԵԼԺ), տասրդ հատորով. հ. 7, Երևան, 1995, էջ 482:

А. Кулебякин (в первом ряду, в центре) с командным составом
русской воинской части (Ван, 1915 г.).

сожалению, немотивированными, непонятными отступлениями. А. Кулебякин не мог не отреагировать на этот весьма пагубный, в частности, для судеб армян факт. Генерал в своем "специальном труде" следующим образом отзывается о вынужденных или тактических отступлениях русской армии, в результате которых мирное население оказывалось в бедствии. Он пишет, что необходимо было "надежным образом всеми средствами и способами укрепить уже занятые территории и не на них проводить стремительные маневры, которые, не будучи в достаточной мере подготовленными и укрепленными с тыла, обычно столь же стремительно переходили в отступление, оставляя на произвол судьбы не поспевающее за маневрирующим войском армянское население. А за отошедшими войсками появлялся озлобленный враг и самым варварским способом сводил счеты с теми, кто не успел уйти, т. е. вырезали тех же несчастных армян... Повторяем, что русское командование должно было заранее предусмотреть все это, поскольку для такого предположения оно имело все данные, все примеры"¹⁹.

1 июня 1917 г. генерал-майор А. Кулебякин — командир 4-го Кавказского армейского корпуса. При корпусе действовали 1-й, 2-й, 5-й Армянские стрелковые батальоны²⁰.

Но вскоре, после ухода русской армии с фронта, положение армян осложнилось. "Великие победы на Кавказском фронте привели к занятию большей части Турецкой Армении; с уходом же армии с фронта решилаась участь не только Турецкой Армении, но и всего Закавказья, сводились к нулю все завоевания, освященные беспримерным героизмом, доблестью кавказской армии, ее неисчислимыми жертвами, — с горечью писал генерал-майор Кулебякин. — Особенно тяжело было положение армянского народа, мечта которого

19 Ձ. Ս. Կ ի Ր շ Կ ն Ս յ ն. Առաջին համաշխարհային պատերազմը և արևմտահայերյունը 1914–1916 թթ., Երևան, 1965, էջ 403: Рукопись указанного труда генерала Кулебякина, как пишет Дж. Киракосян, забрал с собой в Париж в 1919 г. М. Пападжанян, после чего, насколько известно, она утеряна (там же).

20 Ս. Կ շ Ր շ Կ ն Ս յ ն. Указ. раб., с. 164–165.

об освобождении от векового зверского турецкого владычества уже почти совсем осуществилась; и теперь приходилось серьезно думать об организации обороны занятых кавказской армией армянских областей на случай ухода русских. Вставал грозный вопрос об единоборстве армян с турками, т.к. на грузин и татар Закавказья надежда была плоха, что впоследствии и оправдалось"²¹.

Любопытен также документ 1919 г., в котором русский генерал дает следующую картину своей деятельности в Западной Армении в годы войны. "20-го октября 1914 года, — в частности, пишет А.Кулебякин, — я с русскими войсками перешел русско-турецкую границу и находился на театре военных действий вплоть по ноябрь месяц 1917 года, последовательно занимал должности с командира полка до начальника дивизии включительно, причем 5 месяцев, в 1917-м году временно командовал четвертым Кавказским корпусом.

В Турецкой Армении лично посетил Ванский вилайет, был в Муше, Сурб-Карапете, Копе, Ахлате, Ардануше, Баязете, Каракилисе — Алашкертской, Эрзеруме и Пассинской долине.

Во многих местах лично видел следы разгрома и избиения армян. Насколько помню, зверства эти чинились, главным образом, курдами... Видел много трупов женщин и детей, избитых, как мне говорили жители-армяне, курдами... Я посетил в 1915 и в 1916 годах Варацкий монастырь, все армянские церкви города Вана, Ахтамарский монастырь и Сурб-Карапет. Все эти церкви начисто разрушены и ограблены, особенно дикую картину самого варварского разгрома я нашел в монастыре Сурб-Карапете и Варацком монастыре. Здесь все было дочиста ограблено и сильно разрушено. Свои впечатления я изложил в стихотворениях "Старый Ван", "Оборона Вана", "Гибель Вана", "Аванц", "Ахтамар" и др., помещенных в сборнике "Отзвуки Вана". Вообще все армянские церкви, которые я посетил, носили следы разгрома и разрушения. Города Муш, Ван, Каракилиса, Ахлат,

21 ЦГИА РА, ф. 121, оп. 1, д. 15, л. 8.

Коп, Мелязгерт я застал в состоянии полного разрушения. — В Мелязгерте остались, в буквальном смысле, одни камни. У меня имеется четыре снимка с разрушений: два снимка монастыря Сурб-Карапет, и два снимка Ахтамарского монастыря, которые я храню для своего литературного труда об Армении²².

Как убедились, А. Кулебякин, будучи непосредственным участником боевых действий в Западной Армении и свидетелем неисчислимых бед армянского народа, сумел впоследствии четко изложить все происходящее в своих исследованиях и наблюдениях, показывающих его незаурядную способность к трезвому анализу событий той тяжелой военной поры.

22 ЦГИА РА, ф. 200, оп. 1, д. 199, л. 151 и об.

Г Л А В А II

АРМЕНИЯ В ПОЭЗИИ А. КУЛЕБЯКИНА

В свое время С. Венгеров писал: "Я считаю совершенно ненаучным изучать литературу только в ее крупных представителях... Бывает даже так, что мелкий писатель... сплошь да рядом ярче характеризует ту или другую эпоху, чем писатель крупный"¹.

Сказанное полностью можно отнести и к А. Кулебякину.

Армения, армянский народ, его трагедия, духовная культура были близки А. Кулебякину. Активно участвуя в военных действиях, он находит время для изучения истории и культуры армянского народа. Под непосредственным и каждодневным впечатлением от увиденного и пережитого он одновременно создает волнующие душу стихотворения, увлекается армянскими народными легендами и эпосом. Его лирика проникнута глубокой любовью к Армении, ее богатой культуре. Творчество А. Кулебякина не оставило равнодушным армянского читателя. Результатом этого явилось то, что "Армянский Комитет "Верашинутюн" на своем заседании от 24 февраля 1916 г. выслушал предложение вице-председателя комитета А. Аракеляна об издании в пользу пострадавших от войны на средства комитета поэмы А. Кулебякина "Дверь Мехера" ("Дверь Мехера" является обработкой легенды о Давиде Сасунском и маленьком Мхере из эпоса "Сасунские безумцы", в которой воспевается героическое и историческое прошлое армянского народа) и цикла стихотворений "Отзвуки Вана". Комитет под председательством Д. Б. Аван-Юзбашяна, вице-председателя Б. Навасардяна, секретаря С. Малхасяна постановил издать "поэтическое произведение генерала А. П. Кулебякина в

¹ Проф. С. Венгеров. Указ. раб., с. XIV—XV.

количестве 3000 экземпляров и весь доход обратить в пользу пострадавших от войны"².

На заседании комитета, состоявшемся 9 марта 1916 г., А. Аракелян доложил, что "поэма русского поэта Александра Кулебякина под названием "Дверь Мехера", которую решено было напечатать, уже сдана" в типографию³.

Издаваемый в Москве журнал "Армянский вестник" о Кулебякине и о его поэме писал: "Русский генерал Кулебякин во время своей поездки по Васпуракану изучил армянские легенды и, в частности, легенду о "Давиде Сасунском и двери Мехера", с несколькими вариантами, которые переведены покойным Г. Халатянцем (из произв. Г. Срвандзяна). Ген. Кулебякин написал поэму на русском языке в стихотворной форме, под названием "Дверь Мехера. Ванская легенда". Узнав об этом прекрасном и поэтическом труде от Сиб. Тер-Аветисяна, который привез с собой рукописное произведение ген. Кулебякина, и принимая во внимание, что "это поэтическое произведение дает цельное понятие русскому обществу, чтобы и глубоко понимать, и переживать красоту той поэзии, которую дала эта многострадальная страна (Армения)", как пишет автор, "Комиссия по восстановлению Армении" решила издать на свои средства это прекрасное произведение ген. Кулебякина. С разрешения автора мы в другой раз приведем предисловие автора"⁴. Кстати, это предисловие было напечатано в "Мшаке" (16 марта 1916 г.), а "Армянский вестник" перепечатал ее: "В обработанной мною поэтической легенде "Дверь Мехера" описан вид вдохновившего меня памятника, величественного и прекрасного, в своей суровой таинственности, а содержание

2 Кстати, именно к этому комитету (имеющему основной целью оказать всестороннюю помощь армянскому народу в эти трудные годы) обратился в первой половине августа 1918 г. председатель Общества армянских писателей Ов. Туманян, прося выделить 50 тысяч рублей обществу для открытия кооператива и 20 тысяч рублей Совету Союзов Центрального Совета армянских землячеств "для устройства своих важных начинаний в помощь армянскому народу в эти тревожные дни" (Հ ո Վ հ. Թ ու ճ ա ճ ի յ ն ն. ԵԼԺ, հ. 10, Երևան, 1999, էջ 294-295).

3 «Աշխ», 12 նոյեմբ 1916:

4 "Армянский вестник", 1916, № 7, с. 20.

Старший хранитель Археологического отдела Кавказского Музея С. Тер-Аветисян (внутри слева) в церкви на острове Ахтамар (Ахтамар, 1915 г.).

взято из известных уже на армянском языке печатных текстов, записанных С. Айкуни и Г. Срванцтяном, и слышанных мною кратких рассказов. Эти тексты по моей просьбе лично переводил мне в Ване с армянского старший хранитель Кавказского музея С. В. Тер-Аветисянц, а я записал за ним"⁵.

⁵ Там же, № 9, с. 19. Заметим, что предисловие, напечатанное в журнале, отличается от помещенного в книге, где небольшая часть его дана в примечаниях.

Лишь в начале августа 1917 г. книга А. Кулебякина "Дверь Мехера. Отзвуки Вана" вышла в свет в Тифлисе⁶. С. Городецкий, русский поэт, живший и творивший в те годы в Тифлисе⁷, откликнулся содержательной рецензией в газете "Кавказское слово" (11 августа 1917 г.). Поэма А. Кулебякина "несомненно, представит большой интерес, особенно теперь, когда Россия начинает узнавать и любить Армению", — пишет С. Городецкий. Говоря о важности обработок народного творчества, рецензент делает в то же время ряд замечаний. Суть их сводится к тому, что при обработке легенд или сказаний следует с первых же строк как бы ввести читателя "в древность и рассказать легенду изнутри ее, а не снаружи".

Эта художественная позиция, несомненно, была затронута в беседах с Туманяном, с которым, как увидим далее, Кулебякин поддерживал тесные дружеские отношения. Заметим, в произведениях самого армянского поэта, написанных по мотивам народного творчества, мы видим "рассказ изнутри". В "Парване", "Ахтамаре", "Проклятой невестке" народное сказание, легенда, эпос осмысливаются как бы из глубин вековых дум о человеческом бытии.

Отмечая однообразие стилистического и языкового строя поэмы Кулебякина, как и в произведениях из цикла "Отзвуки Вана", Городецкий в то же время оговаривает легкость и звучность его строк, которые "всегда честны и грамотны". Считая рассказ "снаружи" недостатком и стихов, посвященных природе, Городецкий добавляет, что это прискорбно по той причине, что "в чем-чем, а в искренности чувства А. П. Кулебякину отказать нельзя никак.

Он умилен и природой, и стариной Вана. Часто он бывает трогателен в своем умилении, например, когда говорит о разбитых иконах Варагского монастыря:

6 «Հորիզոն», 4 օգոստոսի 1917:

7 Об этом подробно см.: Ա. Գ. Չ ա ր ա ղ ա ն. Ռուս գրողները Անդրկովկասում և հայ գրական կյանքը (1914–1920). Երևան, 1984, էջ 93–187, Ա ն Յ ա կ ա ղ ան. Русские литераторы и армянская действительность (10-е гг. XX в.). Ереван, 1994, с. 80–127.

*И с иконы обветшалою,
Тайны прошлого храня,
Ты с улыбкою усталой
Грустно смотришь на меня"⁸.*

Эти слова, безусловно, относятся к почтенному человеку, чья книга, цикл стихов "Отзвуки Вана (1915 – 16 гг.)", примечания к ним (трудно представить, как за столь краткий срок ему удалось так много узнать об Армении, дать столь богатый и содержательный комментарий!) представляют несомненный интерес при воссоздании событий, происходивших на Кавказском фронте и, особенно, на Ванском направлении. "Ванские стихотворения написаны мною под непосредственным впечатлением виденных мест и слышанных рассказов. Я был в Ване с ноября 1915 по март 1916 года. Невыразимо тяжелое настроение навеивает этот догга разоренный, насыщенный смертью край, но природа его скрашивает даже ужас запустения и гибели... Везде отпечаток величия и древности. И развалины, развалины без конца"⁹, – писал А. Кулебякин в предисловии к "Отзвукам Вана (1915 – 16 гг.)" 25 марта 1916 г.

Указанный цикл стихов отличается искренностью, цельностью – стихи тематически связаны и дополняют друг друга. "Одно имя "Ван" уже много говорит тем, кто любит и знает историю, особенно же тем, кто в нем пережил и выстрадал войну, не говоря уже о детях того народа, который теперь ценою долгих страданий и жертв дожид наконец до счастья освобождения от векового гнета турок. Бог даст, сгладятся следы пережитого тяжелого времени и настанут более счастливые дни освобожденного Россией края, но тем поучительнее тогда будет оглянуться на пережитое и ярко представить себе те картины разрушения и смерти, которые породила нынешняя мировая война в этой древней стране,

8 С. Г о р о д е ц к и й. Об Армении и армянской культуре. Составл. и коммент. И. Р. Сафразбекян. Ереван, 1974, с. 55.

9 А. К у л е б я к и н. Дверь Мехера. Отзвуки Вана. Тифлис, [1917], с. 43.

овеянной дыханием неразгаданной красоты"¹⁰, — пишет А. Кулебякин.

Поэт-генерал в своих произведениях сочувственно описал трагедию народа, зверства турецких варваров ["Старый Ван", "Гибель Вана (июль 1915 г.)", "Аванц", "Слепая" и др.]. Стихи прозвучали одой скорби по невинным жертвам геноцида... Так, "Оборона Вана (апрель 1915 г.)" проникнута чувством уважения к армянам, которые "милости не просят" и героически борются за "свое существование" в ожидании русских войск:

*Жизнь поникла в древнем Ване,
Гнев пылает, слезы льются.
Из последних сил армяне
В ожиданьи русских бьются.*

*Бьются с злой турецкой силой
За родное достоянье,
За поля отчизны милой,
За свое существованье¹¹.*

В стихотворении "Торжествующий Ван" Кулебякин передает радость ванцев, ликующих по поводу взятия Эрзерума русской армией. Радость обездоленного, разоренного народа велика — Россия спасла армян:

*Из стен Эрзерума восходит свобода
Россией спасенных армян,
И день окончания рабства народа
Празднует Ван.*

*Пред этой картиной геройской отваги
Молчит человеческий ум.
И только колышутся русские флаги:
Взят Эрзерум!!¹²*

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же, с. 54.

¹² Там же, с. 96.

А. Кулебякин особо отмечает русскую ориентацию армян. Говоря о том, какое воодушевление у ванских армян вызвало взятие Эрзерума русскими войсками, Кулебякин в примечаниях к ванским стихотворениям писал: "Нужно было быть на месте среди ванских армян, чтобы видеть их радость по поводу падения Эрзерума. Этим кончилось их многовековое рабство. Восторг народа не имел границ: люди буквально плакали от счастья. Ликовала толпа обездоленного, разоренного народа, потерявшего все свое состояние, множество самых близких родных. Взятие Эрзерума сразу вселило в них уверенность в окончательном торжестве над исконным врагом"¹³.

А. Кулебякин был очарован Арменией и воспел ее дивную красоту, редчайшие памятники зодчества, достопримечательности Вана ("На Ванском озере", "Ванская скала", "Вечер над Ваном", "Ардамет", "На лодке по Вану", "Варагский монастырь").

Изучив армянский народный эпос, легенды и сказания, А. Кулебякин представил их в своей обработке в произведениях "Дверь Мехера" и "Ахтамар". Уже замечено, что хотя они не отличаются оригинальностью творческого замысла и художественным мастерством, однако "имеют познавательное значение, знакомя русского читателя с памятниками армянского народного творчества"¹⁴. "Нужно быть на месте действия этих легенд, нужно самому видеть эти древние памятники, эти полустертые следы отжитой культуры, эту величественную и загадочную природу, нужно в самом очаге местной жизни наблюдать характерные черты ее быта, сохранившего много древних форм, чтобы глубже понять и почувствовать красоту поэзии, порожденной этой многострадальной страной"¹⁵, — писал А. Кулебякин в Ване 8 января 1916 г.

13 Там же, с. 108.

14 О. Г а н а л а н я н. Армения в творчестве русских поэтов. Ереван, 1988, с. 21. Об этих поэмах и стихах см. также: М. Д. А м и р х а н я н. Русская поэзия и Ван. 2825. Ереван, 2002, с. 6—20.

15 А. К у л е б я к и н. Указ. соч., с. 3.

Г Л А В А III

А. КУЛЕБЯКИН И ОВ. ТУМАНЯН

После ухода русских войск из Закавказья А. Кулебякин обосновывается в Тифлисе, где в то время сильны были антиармянские настроения. В этой связи уместно привести высказывание С. Городецкого: "Еще сильнее зашипели черносотенцы из подворотни Русского клуба. Страшно смотреть, до чего дошла общественная рознь... Русский клуб играет крайне мрачную роль в Т[ифлисе]. Оттуда ползут слухи о предстоящих погромах. Там куются крылатые слова вроде: "недорезанный народ" (про армян), и создаются государственные истины вроде той, что "нам нужна Армения без армян". Усы Вильгельма торчат из Русского клуба, и именно оттуда раздаются вздохи о непобедимости германцев и праздности борьбы"¹.

Вот в такой атмосфере общественно-политической жизни Тифлиса разворачивалась литературная деятельность А. Кулебякина. Он принимал активное участие в деятельности "Цеха поэтов", созданного и возглавляемого С. Городецким. Цех был одним из отделений объединения "Артистериум", созданного в конце марта 1918 г. при журнале "Арс". Участники собирались каждую среду — главным образом в музыкальной студии виолончелиста Н. Бендицкого, на квартирах С. Городецкого и А. Кулебякина², читали свои произведения, слушали интересные лекции на различные литературные темы. На "средах" всегда было многолюдно: кроме самих участников, бывали и гости — профессор консерватории Ф. Гартман, музыкант Н. Черепнин, грузинские

1 "Армянский вестник", 1917, № 1, с. 15.

2 "— Ц е х п о э т о в . Сегодня очередное собрание на квартире А. Кулебякина, Коргановская, 18, кв. 2, в 7 ч. веч." ("Слово", 1 октября 1919; 15 октября 1919; 5 ноября 1919; 19 ноября 1919).

поэты Т. Табидзе, П. Яшвили, В. Гаприндашвили, тифлисские футуристы во главе с А. Крученых. Сохранились интересные сведения об участии в них и Ов. Туманяна³. Вот что пишет о Кулебякине в своих воспоминаниях поэтесса Р. Погосян: "Во время очередного собрания ("Цеха поэтов". — Ан. 3.) с чтением своего стихотворения об Армении выступил поэт-генерал Александр Кулебякин — очень уважаемый человек, который, несмотря на возраст, был одним из активных членов "Цеха"⁴. А. Кулебякин был в числе членов "Цеха", подписавших письмо в защиту С. Городецкого от клеветнических нападок Г. А. Харазова⁵.

А. Кулебякин поддерживал дружеские отношения со многими представителями армянской культуры, литературы, общественно-политическими деятелями. Особенно близкие отношения сложились у него с великим армянским поэтом Ов. Туманяном. По всей вероятности, их дружба зародилась еще в ноябре-декабре 1914 г., когда Ов. Туманян вместе с писателем Ал. Ширванзаде, инспектором тифлисской школы Нерсисян Овсепом Хунунцем, священником Никогайосом Бавояном, юристом Смбатом Хачатряном, епископами Месропом и Хореном выехал на фронт: целью их выезда на место военных событий были встречи со сражающимися на фронте армянскими добровольцами, ознакомление с общим положением дел. Ов. Туманян с подобной же миссией был, в частности, в Ване и в июне 1915 года, вместе с Овсепом Хунунцем и доктором философии Ервандом Франгяном⁶.

Нововыявленный нами фактический материал свидетельствует, что, приезжая с фронта в Тифлис, поэт-генерал часто встречался с Туманяном, поддерживал с ним переписку. Заметим, кстати, в воспоминаниях "Об Ованесе

3 О "Цехе поэтов" более подробно см.: Ա ն. Չ ա թ շ ը յ ա ն. Ս. Գորոդեցկու հիմնած Թիֆլիսի «Բանաստեղծների համաթորությունը» և նրա «Ակնն» ժողովածուն.— ՀՄՄՀ ԳԱ «Լրաբեր հասարակական գիտությունների», 1982, №12, էջ 44–56:

4 Հ. Պ ն դ ն ս յ ա ն. Արձագանք. Երևան, 1973, էջ 49:

5 "Закавказское слово", 15 февраля 1919.

6 Լ. Կ ա թ ա պ ե տ յ ա ն. Հովիաննես Թումանյանի հասարակական գործունեությունը (դրվագներ). Երևան, 1992, էջ 113–155:

Туманяне" известный армянский писатель Дереник Демирчян писал: "Его (Туманяна. — Ан.З.) дом был местом встреч даже в те дни, когда он отсутствовал из дома или города. С ним имели дружеские или иные связи политические, культурные деятели, торговые люди, не говорю уже о представителях искусства и литературы. Хватало в последние годы и военных. К нему обращался полковник, не то генерал, Кулебякин, который на Ванском фронте стал знакомиться с армянскими древностями и с армянами начал писать поэмы из жизни Вана"⁷.

До нас дошел рукописный "подстрочный" и "дословный" перевод сочинения Туманяна "Последний день"⁸. С большой долей вероятности можно предположить, что перевод сделан или самим А. Кулебякиным, или же по его просьбе, так как текст находится в общей папке материалов, которые 20 июня 1986 г. дочь поэта Тамар Туманян передала в дар Музею Ов. Туманяна. 10 января 1917 г. полководец с дарственной надписью ("Ованесу Туманьяну поэту Армении от сердца автора Александра Кулебякина. 10/1 1917 Тифлис") подарил Ов. Туманяну свою книгу "Гребеничка в плену. Казачья старина" (Владикавказ, 1913)⁹.

Как известно, В. Брюсов в 1916—1917 гг. побывал в Закавказье — в Тифлисе, Эриване, Эчмиадзине и Баку, прочитал ряд лекций, в частности, об армянской поэзии. Вся закавказская интеллигенция была под впечатлением этих выступлений¹⁰. В конце февраля 1917 г. печать сообщала о предстоящем приезде в Тифлис В. Брюсова и Ю. Веселовского и чтении ими лекций¹¹. Ов. Туманян 24 февраля телеграфирует В. Брюсову: "Правление общества писателей

7 «Թումանյանի ժամանակակիցների հուշերում», Երևան, 1969, էջ 37:

8 Музей Ов. Туманяна, Книга поступлений (далее — КП) №1073/2751.

9 Там же, личная библиотека, 8/767. См. также: «Հովհաննես Թումանյանի անձնական գրադարանը Երևանում: Մատենագիտական նկարագրություն», գիրք 2, ռուսերեն գրքեր, մաս 1, А — М, Երևան, 1989, էջ 380:

10 Об этом подробно см.: Ա. Հ. Ջ ա ր ար յ ա ն. Վալերի Բրյուսովը Անդրկովկասում և հայ գրական կյանքը. — ՊԲՀ, 1983, №2—3, էջ 74—88, А н. З а к а р я н. Указ. раб., с. 43—79.

11 «Հորիզոն», 22 փետրվարի 1917:

о кеш. М. Мадриш Атраш
 прабуду не карме 3-4 урвакел.
 Канешы не кривеши пошу-
 машь М. В. Бривола, а мааш
 Будоме жорго! кривт да-
 шей семье. Мена канешы
 шам.

Мекрешо шам, Анушевша

Р. С. Причалаш еше вв
 можи перевадова ир Вилера
 Кладша, которые мышише аша.
 внаб у себя: проешине 10 фуронис
 китис переиснал их да фав на
 машини, да котис кады журад.
 ил которате ир Шити перевадова
 канеше. В мшиш, переидате мурше
 А. А. Гривонис 1, 2, 4, 6, 7, 8, 9,
 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17. И. Д. свирьотешы.
 канеш переидти М. М. мш: 12, 13, 14, 19, 20,
 26, 17, 16, 55, 1, 3, 13, 34, 11, 28.
 А.

Многочисленности

Ванес Вадневид!

Ка днаш в научили кобыо кшичу
 "перидеис: мурис XV вв." ир
 претричичаго в Машево болшого
 ишданя: "... кемичини муровот
 тимеранура": пошешо дичу
 кшичу Вайи для протешя,
 канеш, што ота Вайи зашине-
 ресушты, еши не по досточной-
 вайи, то по савертаню и иде.
 Ст удоволешившеш пошданя-то
 в Вайи, но в соединяше пош
 ишад не маат водбран Френчи.
 Забура кагу падти на пошданя.
 Вегер. Море Сверхини, гшя в
 мшот, сабтешеша арадемане;

Батуми) посвятил Туманяну. Беседы с Александром Кулебякиным также носили чисто литературный характер. Однажды Туманян прочитал переведенного им "Утопленника", не сообщив, что это "Утопленник" Пушкина. Кулебякин, не знавший армянского, прослушав 2—3 куплета, сразу же сказал:

— Это "Утопленник" Пушкина.

Он, конечно, это понял по размеру, ритму и соответствующему произношению. Затем беседа продолжалась вокруг Пушкина. Туманян говорил, что русские не имели более талантливого поэта, чем он, до сих пор. Кулебякин был согласен, что Пушкин действительно великий поэт, но был и более великий, чем он, и, кажется, ждал, что мы отметим более великого, чем Пушкин, поэта. Мы не догадались, на кого намекает Кулебякин, и он отметил неизвестного автора созданной в XII веке поэмы "Слово о полку Игореве".

Забыл сказать, что и Кулебякин со своей стороны мастерски продекламировал стихотворение, посвященное пляске "Камаринская" или "Трепаку", которые своим ритмом, тактом напоминало мелодию этого танца: сам же во время чтения своей мимикой и движениями, казалось, танцевал сидя¹⁷.

Вспомним также свидетельство дочери поэта Нвард Туманян: "Утром (13 января 1919 г. — Ан. З.) к отцу зашли французский консул Поль Дюбуа и генерал Кулебякин"¹⁸.

В феврале—марте 1919 г. торжественно отмечается 50-летие со дня рождения Ов. Туманяна. Общественность Тифлиса — армяне, русские, грузины — широко, с воодушевлением и любовью празднует юбилей великого гражданина города¹⁹. Весьма активное участие в чествовании принял и А. Кулебякин.

17 «Թումանյանը ժամանակակիցների հուշերում», էջ 409:

18 Ն . Թ ու մ ա ն յ ա ն . Հ ու շ էր և գրույցներ, Երևան, 1987, էջ 173:

19 См.: Ս . Հ ո վ հ ա ն ն ի ս յ ա ն . Հովհաննես Թումանյանի հոբելյանը 1919 թվականին.— «Թումանյան: Ուսումնասիրություններ և հրատարակումներ», 5, Երևան, 1998, էջ 125—143:

Юбилейные торжества начались 20 февраля. В этот день, ранним утром, на Вознесенскую улицу к квартире поэта направились деятели литературы и искусства, учителя, учащиеся. В их числе была и делегация "Цеха поэтов" — С. Городецкий, А. Кулебякин, Ю. Данцигер, Н. Бел-Кон-Любомирская, вручившая юбиляру поздравительный адрес²⁰.

26 февраля состоялось 24-е заседание "Цеха поэтов", посвященное 50-летию Ов. Туманяна. Поэты читают свои стихи, написанные в его честь. А. Кулебякин посвятил Туманяну трогательное стихотворение — "Ованнесу Туманяну. 20-го февраля 1919-го года. Сонет акrostих", в котором армянский поэт был представлен как гражданин, разделяющий горе и радость родного народа. Обращаясь к Туманяну, Кулебякин вопрошает:

*О чем грустишь, задумчивый поэт?
В твоих глазах мы видим тень укора.
Армянский барг! Ты грустен, что не скоро
Народам Бог пошлет покой от бег.*

Стихотворение пронизано верой в будущее армянского народа:

*Нет! не померкнет солнце Айастана!—
Яснеет галь: ты видишь, Ованнес?...
Не умолкай: нам нужно Туманяна!!²¹*

Присутствовавший на вечере Туманян был избран почетным членом "Цеха". Выступив со словом благодарности,

²⁰ "Закавказское слово", 22 февраля 1919.

²¹ Музей Ов. Туманяна, КП №1072/2744; Музей литературы и искусства им. Е. Чаренца (далее — МЛИ), ф. Ов. Туманяна, №1299. В МЛИ хранятся два экземпляра машинописи стихотворения с подписью Кулебякина. На одном из них карандашом в верхнем углу страницы написано: "Л. С. Лисициану автор. 27/II". Внизу, также карандашом, приписано: "Прочитано автором юбиляру на заседании тифлисского цеха поэтов 26 февраля 1919 г. в честь О. Ф. Туманяна, где ему было поднесено звание почетного члена цеха. А. Кулебякин. 27/II".

он приглашает поэтов "Цеха" следующую встречу провести у него дома²².

4 марта на литературно-художественном вечере, организованном культурным обществом армянских студентов в Артистическом клубе в честь Туманяна, С. Городецкий прочел свое стихотворение "Ангел Армении" и оду А. Кулебякина, посвященную Туманяну²³.

Нвард Туманян писала: "Вечером (24 декабря 1919 г. — Ан. З.) было много гостей — проф. Тотомян, Лисицян, Городецкий с женой, Кулебякин и др. В этот вечер отец прочитал несколько своих новых четверостиший. Впечатление было сильное, всем понравилось. Затем он сам стал говорить о четверостишиях"²⁴. Возможно, именно подобные встречи и беседы Кулебякина с Туманяном способствовали проявлению искреннего, неподдельного интереса к малым поэтическим формам — четверостишиям, переводом которых он впоследствии, как увидим, занялся всерьез.

* * *

А. Кулебякин довольно активно занимался также переводческой деятельностью. Так, в первом номере (1918 г.) ежемесячника искусства и литературы "Агс" были в его переводе опубликованы стихотворение Нико Бараташвили "Конь", а также семь четверостиший Омара Хайяма²⁵. Интересно отметить, что 66 четверостиший персидского поэта Кулебякин перевел еще в 1917 г. Так, 29 января в адресованном Туманяну вышеуказанном письме русский генерал говорит об этих переводах, упоминает, что высылает их вместе с письмом²⁶.

22 "Закавказское слово", 28 февраля 1919.

23 «Աշակ», 6 մարտի 1919, "Закавказское слово", 6 марта 1919; «Հալիւզ», Թիֆլիս, 8 մարտի 1919:

24 Ե. Թ ու ի ճ ի յ ի յ ի. Указ. раб., с. 216.

25 "Агс", Тифлис, 1918, №1, с. 30 — 31.

26 Перевод четверостиший с посвящением — "Ованнесу Фадеевичу Туманяну от уважающего автора. А. Кулебякин. 29/1 1917 г." — см.: Музей Ов. Туманяна, КП № 1072/2741.

Под редакцией С. Городецкого в 1919 г. батумское армянское издательство выпустило сборник "Джейран", в который вошли стихотворения Ов. Туманяна "Поэтам Грузии", Даниэла Варужана "Первый грех" в переводах С. Городецкого, а также произведение А. Кулебякина "Нанэ (Ахлатская поэма)", посвященное Ов. Туманяну²⁷.

Перу А. Кулебякина принадлежит также ряд рассказов. Так, в художественно-литературном и юмористическом журнале "Радуга" (1919, №1) был напечатан "рассказ А. Кулебякина с иллюстрациями О. Шарлемана..."²⁸. Кстати, известный художник Осип Адольфович Шарлеман (по происхождению француз) в то время жил и творил в Тифлисе. Он был автором рисунка герба Грузии²⁹.

...

В конце апреля 1919 г. усилиями С. Городецкого в Тифлисе был издан первый поэтический сборник членов "Цеха поэтов" "Акмэ". Книга вобрала в себя произведения 22 поэтов, в нее вошли три стихотворения А. Кулебякина — "Аракс", "Я видел сон...", "Сквозистый лес...", направленные против войны и насилия. В стихах раскрывается тонкий поэтический мир Кулебякина, его переживания за "маленький уголок" земли — Армению и ее гордый народ. В стихотворении "Аракс" отображен весь кровавый кошмар пережитого:

*Из сумрака времен события встают,
Немые тени оживают,
И кажется порой, что камни вопиют,
А волны кровь переливают*³⁰.

27 "Джейран", Батуми, 1919, с. 13—31. Два экземпляра сборника хранятся в фонде печатных изданий (библиотеке) МЛИ: ф. С. Городецкого, № 50; ф. Ов. Туманяна, № 1775 (иллюстрационный отдел).

28 "Слово", 23 сентября 1919.

29 С. Г о р о д е ц к и й. Герб Грузии и автор рисунка к нему Осип Шарлеман. — "Закавказское слово", 8 февраля 1919.

30 Акмэ. Первый сборник тифлисского Цеха поэтов. Тифлис. 1919, с. 36.

Крестъ Масиса ^(*)

Две легенды.

I

Мелниково мрачно и прекрасно
 Съ юга концы снѣгоного Масиса,
 Онъ вдаль покинул на великана,
 Коши груди вгрудившаго въ землю.
 Онъ савитъ долину заимкаетъ.
 Но бокаи ея два гробика лавы,
 Какъ это протянутая рука.
 Широты его пролегалъ пещи,
 Страшно груди почила израта,
 Головою шло придавило,
 Шлеми-вершина на брови надвинута.
 Изъ пады шлема изъ алей закротакъ
 Светилахъ слезъ и стагники струдителъ
 И свѣтаишь рѣчкии серебряистой
 Между рѣкъ, простертая надъ долинай.
 Радилъ съ нимъ похище малой конусъ -
 Только шлеми другого испойма. ^(**)

Но додучи наини
 седеви сѣдасамъ
 возмудрени: Ахали
 Сабаквону Мисиса
 в рѣчкѣ ашотъ.
 Ов. Туманянъ
 9 1919. Кизилъ.

Факсимиле сочинения А. Кулебякина "Крест Масиса. Две легенды"
 с дарственной надписью Ов. Туманяну.

Река Аракс нередко выступала в литературе как символ армянского народа. Этот символ использован и А. Кулебякиным, хорошо знавшим историю и судьбу армянского народа.

На Кавказском фронте русский военачальник испытывает глубокое потрясение от увиденного. Красноречивое свидетельство тому — стихотворение "Я видел сон...", в котором поэт предсказывает, что человечество исчерпает человечность, дарованную богом:

*Я видел сон: ушли в туман года.
Весь рог людской истаял понемногу,
Изжив себя и опостылев Богу,
И зверь вошел в пустые города³¹.*

Читая стихотворение, невольно вспоминаешь картины "Мертвого Города" из "Дантовой легенды" Е. Чаренца, который также был очевидцем событий на Кавказском фронте:

*Был город пуст. Во мраке ни крупницы,
Ни капли света, все огела тьма...
Уставив вверх ослепшие глазницы,
Молчали разоренные дома...
И мы вошли в какой-то темный дом...
Вошли... Пред нами, кровью истекая,
С открытым ртом, как будто хохоча,
Лежала женщина полунагая,
Но раны на груди и у плеча,
Рот, замерший в последнем согроганье,—
Все говорило здесь о поруганье...³²*

В "Мертвом Городе" Чаренцем описан Ван, разрушенный, оскверненный, с дымящимися от пожаров домами и садами.

31 Там же, с. 37.

32 Е. Ч а р е н ц. Стихотворения и поэмы. Л., 1973, с. 273.

В этом городе он побывал солдатом-добровольцем, а Кулебякин — одним из командиров русской армии. Такими же впечатлениями, переживаниями проникнуто и стихотворение "Я видел сон..." Кулебякина. Видя во сне пустые города, населенные зверьми, автор восстает против человеческой жестокости, и победу он видит без воинствующего человека-зверя, вечно молодом и красивом мире:

*И, рдея жизнью вечно молодою,
Земля без нас мирам иных планет
Сияла той же светлою звездою³³.*

Г Л А В А IV

А. КУЛЕБЯКИН И АРМЯНСКИЕ ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ

28 мая 1918 г. родилась Первая Республика Армения. Новосозданное государство вызвало подъем национально-патриотического мышления.

В этом плане примечательно, что в период подготовки Парижской мирной конференции возникла необходимость представить также сведения об участии армянского народа в первой мировой войне и понесенных им потерях. 21 ноября 1918 г. (подготовительные работы начались с октября) Совет Союзов Центрального Совета армянских землячеств на общем собрании сформировал "Бюро по установлению потерь армян от всемирной войны", председателем которого был избран Ов. Туманян¹. В протоколе состоявшегося 24 ноября 1918 г. общего собрания Управления земляческих союзов (более 30 представителей), во втором пункте повестки был доклад Ов. Туманяна о созданном Бюро, его деятельности, об организационных вопросах². На состоявшемся 4 декабря заседании Совета Союзов Центрального Совета армянских землячеств был заслушан доклад Туманяна о деятельности Бюро и "решение принято к сведению"³. В письме поэта от 14 декабря 1918 г., адресованном полководцу Андранику,

¹ О создании, деятельности Бюро подробно см.: А н . З а к а р я н . Поэт-генерал Александр Кулебякин и Армения. — "Историко-филологический журнал", 2001, №3, с. 115—126. Ա . Հ . Չ ա թ ա ղ յ ա ն . Գ Ե Ն Ե Ր Ա Վ Ա լ Ե Ր Մ Ա Ն Ի Ղ Կ ո լ Ե Ր Յ Ա Կ Ի Ն Ի մ ա ս ն ա կ ց ու թ յ ո ն ը Հ ա մ ա շ Խ ա Ր Խ ա Յ Ի Ն պ ա տ Ե Ր ա զ մ ու մ հ ա յ ժ ող ո վ ղ Ի կ ր ա մ վ ն ա ս ն Ե Ր Ի ք ն Ի ի չ հ ա ն ճ ն ա ժ ող ո վ Ի ա շ Խ ա տ ա ն ք ն Ե Ր Ի Ն , է ջ 155-158: Ա ն . Չ ա թ ա ղ յ ա ն . Ն ր ա Խ ա յ ո փ ա ս տ ա Ր Ղ Ե Ր Հ ո վ Ի . Թ ու մ ա ն յ ա ն Ի գ յ խ ա վ ր ա մ « Հ ա մ ա շ Խ ա Ր Խ ա Յ Ի Ն պ ա տ Ե Ր ա զ մ ու մ հ ա յ ժ ող ո վ ղ Ի կ ր ա մ վ ն ա ս ն Ե Ր Ի ք ն Ի ի չ հ ա ն ճ ն ա ժ ող ո վ Ի » գ ո ղ ո մ ն Ե ու թ յ ա ն մ ա ս Ի ն . — Պ Բ Հ , 2002, №2, է ջ 271-304:

² ЦГИА РА, ф. 244, оп. 1, д. 4, л. 83—84.

³ Там же, л. 85.

читаем: "Наше правительство до сих пор не хлопотало относительно меморандума, представляемого конгрессу (Парижскому. — Ан. З.), не собрало материалов о том, какие потери мы имели или какие насилия свершались над нашим народом. Вынужденно начали мы — Совет Союзов Центрального Совета землячеств. Ныне под моим председательством организовано Бюро и работает оно с энтузиазмом. И правительство дало свою санкцию"⁴. 22 марта 1919 г. известный армянский историк Лео, заведующий историко-политическим отделом Бюро, писал: "Целью предпринятого Армянскими земляческими союзами дела было представить положение армянского народа в период первой мировой войны, т.е. выполненную им роль, понесенные им жертвы, приобретенные права. Будучи уверенным, что наступает великий день окончательной расплаты, армянский народ должен представить свои требования мировой инстанции и получить возмещение. Предусмотрено было это большое и общенациональное дело претворить в меморандуме, который должен был быть представлен Армянскому правительству, а оно — посредством своей делегации — Парижскому конгрессу"⁵.

По предварительным расчетам предполагалось, что эта акция потребует почти полмиллиона рублей. Было создано 4 отдела, руководителями которых назначаются известные общественно-политические деятели. Обязанности и должности были распределены следующим образом. Историк Лео, заведующий историко-политическим отделом, должен был представить историю "Армянского вопроса". Второй отдел — военно-исторический — должен был представить участие армянских вооруженных сил, армянского народа в мировой войне, показать значение этого участия. Предварительно, до того, как найти подходящего заведующего отделом, "временно вместе с несколькими военными руководит

4 Հ Ն Վ Ի. Թ Ռ Ի Վ Ս Ն Ե Մ Ե. ԵԼԺ, հ. 10, էջ 299:

5 ЦГИА РА, ф. 221, оп. 1, д. 143, л. 29. См. также: «Վազերազրեր-1. Լեո. Հայաստանի ուղիների և պաշտպանական միջոցների մասին». Կազմողներ Ս. Ղազիյան, Ա. Քալանթարյան. Երևան, 1999. էջ 20:

Тиг. Бегзадян⁶, однако спустя некоторое время удостоился чести возглавить этот отдел генерал А. Кулебякин. Экономический отдел призван был подсчитать потери армянского народа в Первой мировой войне — отделом должен был заведовать Христ. Вермишян, но вскоре его заменил Аш. Атанасян. Четвертый отдел — уголовно-следственный — обязан был вскрыть и запротоколировать факты всех имевшихся убийств и резни во время турецких наступлений; отделом должен был заведовать Т. Иоаннисян.

Как видим, заведующего военно-историческим отделом "долго" выбирали, в конце концов нашли достойную кандидатуру в лице русского поэта-генерала. Секретарь этого отдела Л. Лисицын в 1920 г. написал исторический очерк "Участие армян в мировой войне 1914—1918 годов. Военно-исторический обзор. Предварительное ознакомление". Здесь, в частности, есть очень интересные сведения о А. Кулебякине как заведующем отделом. Так, например, Л. Лисицын пишет: "В качестве председателя и главного редактора этой военно-исторической комиссии был приглашен полководец Александр Кулебякин, известный как поэт и романист, который уже опубликовал несколько поэтических произведений об Армении ... В то время он был непосредственным участником всей войны на русско-турецком фронте с начала до последнего периода и, имея исключительную память и большой дар большого писателя, действительно должен был считаться наиболее подходящим для составления упомянутой военной истории.

Имело значение и то обстоятельство, что историческое описание и оценка, данные таким нейтральным и авторитет-

6 Затем Т. Бегзадян "взялся за организацию канцелярии и руководство всеми делами Бюро в качестве "представителя канцелярии". В письме к Р. Качазнуни от 21 января 1919 г. Т. Бегзадян подробно представляет цель и организационную работу Бюро, при этом просит "авторитетное содействие". — ЦГИА РА, ф. 221, оп. 1, д. 31, л. 39—40. См. также: Հ. Ա Վ Ե Մ Ի Ա Յ Ն Ը. Հայոց ազգային միասնության հարմարակը. 1918 թվականի մայիս. Երևան, 1998, էջ 251—255:

ным человеком, как полководец Кулебякин, должны были быть особенно авторитетны и надежны для всех"⁷.

Из докладной записки (9 декабря 1918 г.) видно, как А. Кулебякин с готовностью и большой ответственностью подходил к выполнению порученного дела. "Мне поручается составить военно-исторический очерк: "Участие армян в мировой войне 1914—1918 гг." для представления его на предстоящей мирной конференции. Срок составления — 3 месяца. Срок этот для труда, обнимающего более чем 4-летний период величайшей из войн, только что закончившейся, ввиду отсутствия в настоящий момент в одном месте готовых, полных и систематизированных материалов, безусловно, мал. В такой срок закончить такой важный труд во всей его полноте, со всеми приложениями, не упустив ни одной важной подробности, невозможно: на одно только собирание и систематизацию материалов должно уйти не менее года. Но серьезная цель представления на мирной конференции народов не позволяет продлить этот срок. Нужно мириться с этим обстоятельством и сообразно составить программу труда, дабы читатели могли получить наиболее полное представление о сути изложения при возможной его краткости"⁸.

К докладной записке приложен проект "Штата военно-исторической комиссии по составлению очерка "Участие армян в мировой войне 1914—1918гг." Согласно этому проекту, представлено 19 штатных единиц с ежемесячной зарплатой 20300 руб. (3 месяца составляет 60900 руб.) и "Смета дополнительных расходов" — за 3 месяца — 53000 руб., всего — 113900 руб"⁹. Правда, впоследствии этот проект был пересмотрен в сторону некоторого сокращения штатов и сметы.

7 ЦГИА, ф. 428, оп. 1, д. 77, л. 2—3. Очерк опубликован нами. См.: Ա. Հ. Չ ա ր ւ յ ա ն Գեներալ Ալեքսանդր Կուլեբյակինի մասնակցությունը Համաշխարհային պատերազմում հայ ժողովրդի կրած վնասների քննիչ հանձնաժողովի աշխատանքներին, էջ 159-160:

8 ЦГИА РА, ф. 221, оп. 1, д. 37, л. 5. Полные тексты этого и последующих документов приводятся в настоящей книге.

9 Там же, л. 6.

примечания

№41

Штатный

всего исторический персонал по составлению очерка "У
тие армия в мировом воюю 1914-1918 г.г."

	числ.	Литр.		Злнр.	
		р.	к.	р.	к.
Главный редактор	1	300	-	700	-
его помощники по дог. в. лит.	5	600	-	1800	-
сотрудники помощники по дог.	6	600	-	1800	-
исполнительный директор редакция	4	2400	-	7200	-
помощники по дог. в. лит.	1	1000	-	3000	-
Секретарь	1	600	-	1800	-
редакционная	1	600	-	1800	-
переводчик	1	600	-	1800	-
См. разн. и разн. по дог. в. лит.	2	700	-	2100	-
итого	19	2030	-	6030	-
<u>Сметы</u>					
дополнительная редакция					
наем помощников		600	-	1800	-
его стенограф и осведомитель		400	-	1200	-
Копирование рассказов		-	-	1000	-
разные дополнительные материалы (за добав. копирования, секретаря, стенограф при редактировании материалов и т.п.)		-	-	2500	-
на поездки т. редактора его помощ- ников (с)		500	-	1500	-
итого		-	-	5100	-
Всего		-	-	11130	-

(с) деньги для оплаты за переводы
делаются по дог. в. лит. и дог. в. лит.

Примечания: 1.)

Уже с 19 декабря в Бюро обращаются поручик Арам Тер-Мкртчян, бывший офицер 1-го Армянского стрелкового батальона Ованес Тер-Григорян, подпоручик Левон Лисицян, предлагая свое сотрудничество в этом отделе¹⁰. В дальнейшем ряды сотрудников отдела пополняют С. Сергеев, Н. Абазян, М. Валадян, С. Пирумян.

22 января 1919 г. за подписью председателя Бюро Ов. Туманяна было направлено письмо А. Кулебякину, которым сообщалось, что согласно постановлению Бюро ему поручается руководство военно-историческим отделом для составления очерка об участии армян во всемирной войне. Кулебякин мог по своему усмотрению пригласить "трех помощников и 6 сотрудников, с вознаграждением в пределах утвержденной сметы"¹¹.

Одновременно Ов. Туманян обращается к заведующему военно-историческим отделом архива Грузии генералу С. С. Эсадзе с просьбой предоставить Кулебякину и его сотрудникам необходимые архивные материалы об участии армян в мировой войне¹².

В эти же дни Ов. Туманян и А. Кулебякин обращаются с просьбой помочь им материалами к известным военачальникам русской армии — генерал-лейтенантам Д. К. Абациеву, Ф. И. Назарбекову, генерал-майорам М. Н. Морелю, И. В. Ахвердову, М. А. Арешеву, А. К. Багратуни, М. П. Силикову, Даниэль-бек Пирумову, П. К. Пирумову, П. П. Бенефу, Осипянцу, генералу Г. Э. Берхману, полковникам М. Е. Мелик-Мурадову, А. П. Бей-Мамиконяну, Х. Г. Араратову и др.

Председатель Бюро Ов. Туманян писал (21 января 1919г.) генерал-лейтенанту Е. В. Лебединскому, прося осветить, в частности, как и при каких условиях какие части формировались; в каких боевых делах какие части участвовали, какие на них возлагались задачи, как они их выполняли и т.д.¹³

10 Там же, л. 7, 8, 9.

11 Там же, д. 38, л. 3.

12 Там же, л. 4.

13 Там же, л. 7-8.

Аналогичные письма были направлены всем вышеперечисленным военачальникам. Интересно, что материалы должны были быть высланы по указанным домашним адресам Туманяна и Кулебякина.

В следующей докладной записке (5 февраля 1919 г.) А. Кулебякин уже подробно описывает проделанную работу, перечисляет те трудности (главным образом финансовые), с которыми он столкнулся при работе. Кулебякин ставит в известность, что на призыв откликнулись видные военачальники Кавказского фронта. Резюмируя доклад, А. Кулебякин пишет: "...капитальная важность предпринятого военно-исторического труда вполне очевидна: для армянского народа необходимо, чтобы на мирной конференции перед лицом всех наций и мировой истории он мог представить фактические доказательства своего активного, кровью и бесчисленными жертвами запечатленного участия в мировой войне на стороне союзных нам держав до самого конца, даже когда он остался совершенно одинок в этой неравной борьбе. Таким образом, разрабатываемый мною очерк имеет не только специально военно-историческое, но в данный момент также и исключительное политическое значение для дела армянского народа"¹⁴.

Несмотря на финансовые трудности, сотрудники были отправлены в командировки. Удостоверения, выданные им, были подписаны Ов. Туманяном и А. Кулебякиным¹⁵.

6 марта 1919 г. А. Кулебякин обращается к председателю Бюро, сообщая, что "у г. М[икаела] Арзуманова имеется доклад генерала Деева (коменданта крепости Карс) о последних днях Карса в 1918 г., а также, по-видимому, и другие важные для работы... исторические документы". Его неоднократные обращения к Арзуманяну не увенчались успехом. А. Кулебякин просил председателя Бюро организовать снятие копий необходимых документов ввиду предстоящего отъезда Арзуманяна из Тифлиса¹⁶. Бюро среа-

14 Там же, д. 37, л. 13–14. См. также: Հ. Ա զ Է տ ի թ յ յ թ ի. Указ. раб., с. 268.

15 ЦГИА РА, ф. 221, оп. 1, д. 38, л. 67.

16 Там же, д. 37, л. 17.

гировало быстро. Уже 10 марта за подписью и. о. секретаря Бюро С. Сарикяна была отправлена записка М. Арзумянну с указанной просьбой. Заметим, что в копии письма карандашом была вычеркнута следующая фраза: "Несмотря на ряд обращений генерала Кулебякина, ему не удалось до сих пор получить от Вас эти материалы"¹⁷. Уже 16 апреля Т. Иоаннисян посылает в военно-исторический отдел доклад генерала Деева, при этом сообщая, что документ им дан на несколько дней, и что после использования его надо вернуть¹⁸.

Так как для продолжения работ необходимы были материальные средства, 4 марта 1919 г. Ов. Туманян вынужден был обратиться к министру-председателю правительства Армении А. Хатисяну: "Бюро постановления" потерь армян от всемирной войны" убедительно просит ускорить разрешение парламентом вопроса об ассигновании трехсот тысяч субсидий на работы бюро. Промедление может вызвать ликвидацию деятельности бюро ввиду исчерпания собранных частных средств. Ответ благоволи телеграфировать"¹⁹. Вскоре (7 марта) Ов. Туманян получает ответную телеграмму от А. Хатисяна: "Вопрос ассигнования стоит повестке. Первом заседании будет рассмотрен"²⁰.

Однако парламент Армении постановлением от 1 апреля принял решение вместо 300000 руб. предоставить лишь 50000 руб.²¹

22 марта 1919 г. состоялось второе смешанное собрание исполнительного органа Центрального Совета земляческих союзов и Бюро, в котором участвовали заведующие отделами Бюро генерал Кулебякин, Лео, Т. Иоаннисян и Аш. Атанасян. На собрании были заслушаны доклады заведующих,

17 Там же, д. 38, л. 79.

18 Там же, д. 105, л. 11.

* Так в документе.

19 Հ ն զ հ. Թ ու ի ն ի յ ն ի. ԵԼԺ, հ. 10, էջ 305:

20 ЦГИА РА, ф. 221, оп. 1, д. 31, л. 10.

21 Հ ն զ հ. Թ ու ի ն ի յ ն ի. ԵԼԺ, հ. 10, էջ 320:

состоялся обмен мнениями. Было решено, "согласно докладам заведующих, обратиться к Совету Союза Центрального Совета землячеств на его предстоящем заседании, доложить о деятельности Бюро и предложить Совету продлить срок его полномочий"²².

Именно под этой датой до нас дошел подробный доклад А. Кулебякина о состоянии работ своей комиссии, адресованный Бюро. Очевидно, это доклад, заслушанный на вышеупомянутом собрании. В заключение доклада Кулебякин приходит к выводу: "Таким образом, в общем пока составлено около 350 страниц листового формата, из которых еще не все эпизоды связаны между собою. Этот материал, однако, ввиду поступающих новых документов, подлежит еще окончательной переработке, после того как будет перебелен.

Работа в сущности только теперь начинает двигаться непрерывно, а главная масса документов (особенно по последнему периоду) еще ожидается из Эривани.

Труд в общем должен выйти хотя и довольно компактным, но во всяком случае — не совсем полным в подробностях, все по той же причине недостатка материалов и времени, — и не разобранности русского архива кавказской армии за 1914—18 гг., находящегося сейчас в хаотическом состоянии. Кроме того, недостаток времени не позволяет дать к этому труду достаточное количество документальных и графических приложений: карты, схемы и т. п.

Однако и при этих вынужденных недочетах составляемый очерк, при всей своей схематичности, приобретает серьезное значение как военно-историческое исследование, важное не только для представления на мирной конференции, но и для удовлетворения общего исторического интереса, и как первый опыт составления, хотя бы частичной, истории войны на Армянском и Кавказском фронтах.

Было бы печально бросить эту работу в самом разгаре ее, тем более, что другого случая для ее продолжения в ближайшем будущем может и не представиться, а множество пока еще живых свидетелей великой эпопеи, равно

22 ЦГИА РА, ф. 244, оп. 1, д. 15, л. 13.

как и многие интересные документы, навсегда будут потеряны для истории.

Думаем, что для окончания очерка комиссии еще понадобится работать в течение всего апреля"²³.

27 марта 1919 г. на заседании Центрального Совета землячеств заслушивается вопрос о продлении срока деятельности Бюро — решено было продлить его еще на один месяц, начиная с 27 марта, для составления меморандума²⁴.

О скудости материальных средств А. Кулебякин пишет в письме Ов. Туманяну от 31 марта 1919 г.: "...Знаю, что в таком же положении находятся и другие комиссии, но я по своему долгу не могу не ходатайствовать о своих сотрудниках. Искренне Вам всегда преданный А. Кулебякин"²⁵.

Любопытный факт: 4 апреля 1919 г. за подписью и. о. председателя Бюро Тиграна Иоаннисяна направляется "в хлебное бюро продовольственного отдела" городской управы следующая записка: "Представляя при сем список служащих и лиц, находящихся на их иждивении, Бюро по установлению потерь армян от всемирной войны просит выдать на имя Бюро соответствующую бумагу на получение дешевого хлеба на 113 лиц". Под 13-м пунктом данного списка значится: "Кулебякин Александр Парфенев. "5 [лиц]"²⁶.

Однако материальное положение Бюро не улучшается. Поэтому 14 апреля 1919 г. созывается смешанное заседание Совета Союзов Центрального Совета армянских землячеств, следственного Бюро, представителей купечества, дипломатического представителя Армении в Грузии, представителя европейской делегации, Армянского Национального Совета Грузии. Председатель Туманян подробно докладывает о деятельности Бюро, о финансовом положении, отмечая при этом, что правительство Армении не выполнило своих финансовых обязательств. Начатая Бюро работа остается незаконченной, "ответственность за это безусловно падает на Армянское

23 ЦГИА РА, ф. 221, оп. 1, д. 143, л. 19—20.

24 ЦГИА РА, ф. 244, оп. 1, д. 15, л. 15.

25 Музей Ов. Туманяна, КП №1072/2743.

26 ЦГИА РА, ф. 221, оп. 1, д. 38, л. 98.

правительство", — подчеркивает докладчик. Собрание решает "пока что деятельность бюро приостановить"²⁷. В письме от 22 апреля 1919 г., адресованном Христофору Вермишяну, Ов. Туманян с болью пишет: "Я узнал, что Вы защитили дело нашего злосчастливого следственного бюро, но тем не менее [оно] провалилось в нашем знаменательном парламенте. Вопреки даже поддержке и предложению правительства (по крайней мере его большинства).

Вы не можете представить, что бюро и, в частности, я испытали вообще в результате всего этого.

Взялись за дело на три месяца и выделяемую сумму определили лишь на пятый месяц, и то лишь одну шестую часть... и эти люди, которые считают это дело столь неважным и смотрят на него поверхностно, — эти люди считаются представителями этого народа. И выходит, что весь мир имеет требования, кроме армянства.

В то время как американский консул, прошлым днем я был у него, сам предложил — через три недели едет в Париж, дайте, мол, дела бюро, повезу с собой, даже указал, что нам написать и что делать нашей делегации, обещал и сам помочь там. Наконец, с другой стороны, наша делегация едет, со всех сторон шлют новые материалы... а мы оставили все наполовину и закрыли двери бюро"²⁸.

Как Бюро в целом, так и А. Кулебякин проделали огромную работу. Начиная с января, в числе других материалов Бюро передало члену армянской делегации на Парижской мирной конференции Пападжаняну "часть (314 стр.) того доклада, который подготовил заведующий военной частью комиссии генерал Кулебякин об участии армян в мировой войне"²⁹. Председатель Бюро Ов. Туманян с сожалением заключает: "Если дела комиссии подвергнем ликвидации, останутся незавершенными труды заведующих отделами гг. Лео, Т. Иоаннисяна и генерала Кулебякина"³⁰.

27 ЦГИА РА, ф. 244, оп. 1, д. 15, л. 20.

28 Հ ն զ հ. Թ ու ի ծ շ ն յ ի. ԵԼԺ, հ. 10, էջ 309-310:

29 Там же, с. 324.

30 Там же, с. 325.

Как уже было отмечено, работы Бюро временно были приостановлены, однако возобновить их не удалось³¹.

Вот что пишет Л. Лисицян в своем вышеупомянутом очерке: "Полководец Кулебякин, который уже рассматривал взятую на себя работу по историческому труду как свое кровное дело и литературное его завершение считал делом чести и самолюбия автора, еще целый год продолжал свое исследование, знакомясь исключительно ... с историей отдельных армянских военных частей и армяно-турецкой войны после русской революции, несмотря на то, что был лишен какой-либо материальной помощи.

Ныне полководец Кулебякин, попав в период властвования большевиков, после выполнения большей части работы, лишен возможности завершить исследование. Так как мы осознаем огромное значение настоящего исследования для истории нашего молодого воинства, боевых традиций армянства и укрепления сознания народа, мы должны постараться подготовить к печати на армянском языке полученные от полководца Кулебякина рукописи ... Рукопись полководца Кулебякина мы должны дать без изменений, *оставляя за ним права и ответственность автора* (подчеркнуто нами. — Ан. З.)"³².

Материалы, подготовленные военно-историческим отделом "Участие армян в первой мировой войне 1914—1918 гг." под руководством генерал-майора А. Кулебякина о формировании и боевых действиях армянских добровольческих дружин и стрелковых батальонов, хранятся в Центральном государственном историческом архиве РА, часть их опубликована в вышеуказанной книге М. Карапетяна³³.

31 Об этом более подробно см. письма Ов. Туманяна от 7 и 15 июня 1919 г. к Ал. Хатисяну (там же, с. 320 — 327).

32 ЦГИА, ф. 428, оп. 1, д. 77, л. 5—6.

33 У. Ч ш р ш щ ь и j ш й. Указ. раб., с. 184—329.

* * *

В целях содействия экономическому, духовному возрождению, укреплению обороноспособности и мощи Первой Республики Армении в марте 1919 г. крупный армянский промышленник из Баку Илья Лазаревич Маилов с двумя своими братьями организывает на Северном Кавказе — в Кисловодске "Научно-промышленную экспедицию братьев Маиловых". До этого, в начале 1919 г., представители армянского крупного капитала Закавказья, учитывая факт существования армянской государственности, собрались в Тифлисе на совещание, где обсуждался вопрос о переводе их предпринимательской деятельности из разных мест Закавказья в Армению. Чтобы изучить народнохозяйственную, административную и культурную жизнь Армении, была создана выше-названная экспедиция. Это гарантировало бы дальнейшее развитие армянского капитала в самой Армении³⁴. Создание экспедиции имело широкий общественный резонанс не только среди армян³⁵.

34 Этих гарантий добивались также представители армянского крупного капитала Баку и Восточного Закавказья на своем осеннем заседании, что отражено в протоколе заседания. Об этом подробно см.: В. А. М и к а е л я н, С. С. М и р з о я н. Участие армян в экономической жизни Восточного Закавказья (вторая половина XIX — первые десятилетия XX вв.). — "Вестник общественных наук" АН АрмССР, 1990, №2, с. 74—81.

35 Известный грузинский литературно-общественный деятель Лев Кипиани в статье "Дело бр. Маиловых" писал, что это начинание "... является серьезным культурным делом, могущим оказать молодому государственному строительству Армении громадную и неоценимую услугу" ("Кавказское слово", 9 августа 1919). В статье "Обследование Армении" читаем: "В целях содействия зарождению новых и развитию существующих отраслей промышленности в Армении снаряжается научно-промышленная экспедиция, имевшая своей задачей изучение, по возможности всестороннее, народнохозяйственной жизни страны.

Работы по изучению страны будут производиться в нескольких направлениях: 1) в непосредственном обследовании страны на местах специалистами и сведущими лицами, 2) в собирании и систематизации имеющихся материалов печатных и рукописных, касающихся

Экспедиция обратилась к видным специалистам с предложением разработать и представить соответствующие обоснованные программы³⁶.

Вновь доклад, касающийся вопросов обороны Республики Армении и проблем ее армии, составил и представил экспедиции генерал-майор А. Кулебякин. Это было вполне естественно: он принимал самое непосредственное участие в военных действиях на Кавказском фронте, был хорошо знаком с западно-армянскими областями, с жизнью, обычаями, бытом армянского народа. Свой доклад, состоящий из 2 разделов — "Военные задачи Армении" (21 лист, XI отдел) и "Особое мнение. Несколько слов о новых границах будущей Армении" (17 листов)³⁷ — Кулебякин закончил 1 октября 1919 г.

В нем рассматривались вопросы границ республики, их пересмотра в свете взаимоотношений с Грузией, Азербайджаном и Турцией, "особое мнение" о новых границах и другие вопросы, касающиеся стратегии и обороны³⁸.

Армении и 3) в опросе населения через специально снаряженные экспедиционные отряды" (там же, 7 августа 1919). В другой статье — "К работам научно-промышленной экспедиции в Армению братьев Маиловых" — сообщается, что "Дело по своду материалов по русской Армении уже экспедицией налажено..., что касается Западной Армении, так как невозможно теперь проникнуть туда для сколько-нибудь спокойной работы, то работа на этот год поневоле ограничивается собиранием материала и опросом беженцев". Сообщается также, что для этого уже подготовлен на армянском опросник, который скоро выйдет из печати, и можно будет приступить к опросу по ним беженцев из Западной Армении в главных пунктах их скопления (там же, 16 августа 1919).

36 О проделанной работе экспедиции по состоянию на 1 января 1920 г. подробно см.: ЦГИА РА, ф. 428, оп. 1, д. 75, л. 1—8. См. также: Ա. Գ. Չ ա թ ի յ ն Գ. Լևոն Լիսիցյանը Մայիսյան եղբայրների գիտատնտեսական արշավախմբի մասին. — ԳԲՀ, 2001, № 3, էջ 277–285:

37 ЦГИА РА, ф. 196, оп. 1, д. 12.

38 См.: «Վալերագրեր — 1. Լեոն. Հայաստանի ուղիների և պաշտպանական միջոցների մասին», էջ 6–7:

ПОСЛЕСЛОВИЕ

О последующей деятельности А. Кулебякина мы располагаем следующими достоверными сведениями. Из выявленного нами письма А. Кулебякина Ов. Туманяну от 11 мая 1921 г. становится ясна участь русского генерала. "Вы, вероятно, уже знаете, что я арестован 28 апреля 1920 года в Баку, — пишет, в частности, Кулебякин армянскому поэту, — а с 24 октября нахожусь в Москве. До 23 апреля 1921 г. сидел в Кожуховском лагере, а затем переведен в Брестский госпиталь, палата № 2 (пресненский Камерколлежский вал, 39)"¹. После освобождения генерал выезжает в Тифлис к семье, где он продолжает жить и творить.

Как уже было сказано выше и как свидетельствуют фактические материалы, Кулебякин, начиная с 1914 года, поддерживал дружеские отношения со многими видными армянскими военачальниками, общественно-политическими и культурными деятелями, работал с ними. Среди них был и сын известного ученого-арменоведа Степана Лисициана — Левон Лисицян, являвшийся секретарем "Бюро по установлению потерь армян от всемирной войны", сотрудником экспедиции братьев Маиловых. Его безвременная и трагическая смерть произвела глубокое впечатление на Кулебякина. Годовщине смерти своего молодого армянского друга он посвятил трогательное стихотворение — "Памяти Левона Лисициана (19/II 1921 г.)":

*... Но нет! ты жив: твой подвиг налицо.
Ты жив, герой! я в смерть твою не верю.*

.....
*Ты из зерна на вспаханном пути
Вспом росток его грядущей жизни.*

¹ МЛИ, ф. Ов. Туманяна, № 760.

*Его плоды оценятся в отчизне,
И ты ее за кровь твою... прости!!...*

Дарственная надпись его жене на рукописи стихотворения гласила: "Елене Аветовне Лисициан в знак памяти и глубокого почитания дорогого имени погибшего моего молодого друга: да будет живо оно. А. Кулебякин. 23/II 1922 Тифлис"².

... Примечательно, что А. Кулебякин "с армянского перевел" четверостишия Ов. Туманяна. Из них 30, каждое на отдельной странице, написанные от руки, он бережно сброшюровал в маленькую книжку и 12 апреля 1923 г., спустя 20 дней после смерти армянского поэта, подарил ее семье Ов. Туманяна с надписью: "На добрую память дорогой для меня семье сердечно любимого мною человека, поэта Армении Ованнеса Фадеевича Туманяна. А. Кулебякин. 12/IV.1923г. Тифлис"³. Интересно также, что в стихотворении "Памяти Ованеса Туманяна" русский поэт-генерал "воспроизводит образ национального поэта, который, перерабатывая в своем поэтическом горниле творения народа, возвращает ему их, отметив печатью своего гения"⁴.

Наше исследование об А. Кулебякине и его связях с Арменией завершается 1923 годом. О дальнейшей судьбе генерала мы, к сожалению, не имеем сведений...

Александр Кулебякин, русский казак-полководец, был яркой личностью, сочетающей в себе талант военного, поэта и общественного деятеля. Своим ратным делом и поэтическим словом он внес неоценимый вклад в борьбу армянского народа за свое освобождение, был искренне предан интересам Армении.

2 ЦГИА РА, ф. 428, оп. 1, д. 147, л. 1; Գ. Բ. Ղ շ ի ռ ը շ Ն Յ Ն Ն, Լ. Մ. Վ շ ը շ Ն Յ Ն Ն. Լեոն Լիսիցյան (1892–1992). – ՀՀ ԳՍՍ «Լրարերի հասարակական գիտություններ», 1993, №1, էջ 58: В архиве нами обнаружен второй экземпляр стихотворения – с посвящением родителям Л. Лисициана: "Отцу и матери на память о любви моей к их безвременно павшему дорогому сыну" (ЦГИА РА, ф. 428, оп. 1, д. 147, л. 2).

3 Музей Ов. Туманяна, КП №1072/2750.

4 О. Г а н а л а н я н. Указ. раб., с. 24.

ԱԼԵՔՍԱՆԴՐ ԿՈՒԼԵԲՅԱԿԻՆԸ ԵՎ ՀԱՅԱՍՏԱՆԸ

ԱՆՈՒՇԱՎԱՆ ՁԱԶԱՐՅԱՆ

Ա մ փ ո փ ու մ

Առաջին համաշխարհային պատերազմի Կովկասյան ճակատում՝ Արևմտյան Հայաստանում, ռուսական բանակի ծավալած ռազմական գործողություններին առաջին իսկ օրից ակտիվորեն մասնակցել է նաև գորավար Ալեքսանդր Պարֆենովիչ Կուլեբյակինը (1871 – ?): Նա Թերեքի կազակ էր, գնդապետ, ապա գեներալ-մայոր, Վանի ջոկատի, այնուհետև Կովկասյան 4-րդ բանակային կորպուսի հրամանատար: Նրա հրամանատարության տակ ռիսերիմ թշնամու՝ թուրքերի դեմ ուս ուսի կռվել են ռուս զինվորներն ու հայ կամավորականները: Ա. Կուլեբյակինը ակամատես է եղել Արևմտյան Հայաստանի ավերածությանը, հիացել է հայերի քաջությամբ, պայքարի նրանց անկոտրում կամքով: Ռազմական մի շարք գործողություններ է իրականացրել հայ նշանավոր գորավարներ Անդրանիկի, Համազասպի և այլոց հետ: Նրան գերել է Հայաստանի պատմությունը, մշակույթը, բնությունը: Իր ամենօրյա տեսածի ու ապրածի անմիջական տպավորություններով հյուսել է բանաստեղծություններ, մշակել հայ ժողովրդական էպոսը, անդրադարձել լեզնեղներին, կատարել թարգմանություններ Հովհ. Թումանյանի ստեղծագործություններից: 1917թ. Թիֆլիսում լույս է տեսնում նրա «Սիերի դուռը: Վանի արձագանքները» գիրքը:

Կովկասից ռուսական բանակի հեռանալուց հետո մնալով Անդրկովկասում, ապրելով Թիֆլիսում, Ա. Կուլեբյակինը ակտիվորեն մասնակցել է հասարակական-քաղաքական, գրական կյանքին, մասնավորապես՝ հայ հասարակայնությանը հուզող կարևոր հարցերի ու խնդիրների լուծմանը: Նա բարեկամական, ընկերական հարաբերություններ է ունեցել, աշխատել է հայ մշակույթի, գրականության, հասարակական-քաղաքական, զինվորական բազում նշանավոր գործիչների հետ: Առանձնապես մտերիմ է եղել հայ բանաստեղծության նահապետ Հովհ. Թումանյանի հետ: Անգնահատելի է հատկապես նրա կատարած աշխատանքը «Համաշխարհային պատերազմում հայ ժողովրդի կրած վնասների քննիչ հանձնաժողովում» որպես ռազմապատմական բաժնի վարիչ և «Մայիլյան եղբայրների գիտատնտեսական արշավախմբում»: Առ այսօր, սակայն, հրապարակի վրա չկա ռուս գորավար, բանաստեղծ, հասարակական գործիչ Ալեքսանդր Կուլեբյակինի գործունեության լուսաբանմանը նվիրված որևէ հոդված կամ գիրք: Այդ բացը լրացնում է սույն աշխատանքը:

ALEXANDER KULEBYAKIN AND ARMENIA

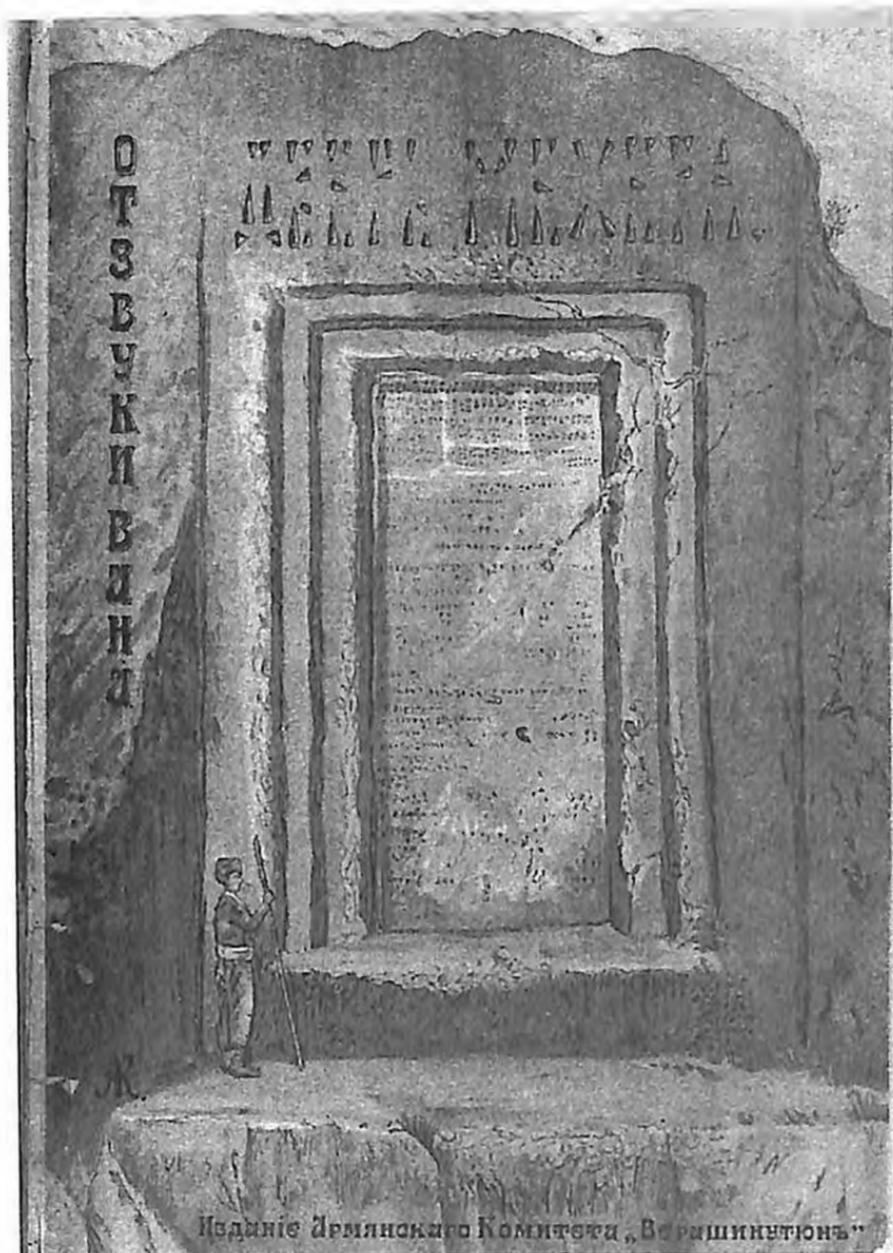
ANUSHAVAN ZAKARYAN

S u m m a r y

At the Caucasian front, from the beginning of the First World War, Alexander Kulebyakin (1871 - ?) has also taken active part in military operations of the Russian army in West Armenia. He was a Terek Cossack, colonel, then general-major, the commander of the Van detachment, then the commander of the fourth Caucasian army corps. Russian soldiers and Armenian volunteers have fought shoulder to shoulder under his command against the malicious enemy- the Turks. A. Kulebyakin has been a witness of East Armenian destruction, admired the courage of the Armenians. He has taken part in military operations together with prominent Armenian generals Andranik, Hamazasp and others. A. Kulebyakin has been delighted with the Armenian history, art, nature. He has written poems, worked up Armenian national epos, touched upon Armenian legends under the impression of what he saw and experienced every day. He has done translations from Hovhannes Tumanyan's works. In 1917 his book "Mher's door. Echoes of Van" was published in Tiflis.

Staying at the Transcaucasus after the leaving of the Russian army the Caucasus, living in Tiflis, A. Kulebyakin has taken active part in social-political, literary life, especially in solving important questions and problems that disturbed the Armenians. He was on friendly terms, worked with lots of prominent scientists, workers of Armenian art, literature, social-political, military figures. He was especially intimate with the famous writer Hovhannes Tumanyan. His work as the head of the military-historical department of the "Commission on the Establishment of Losses of the Armenians in the World War" and in the "Scientific-Industrial Expedition of the Mayilyan Brothers" is invaluable. Nevertheless, up to now, there doesn't exist an article or a book devoted to the interpretation of the Russian general, poet, public figure Alexander Kulebyakin's activity. This work makes up that deficiency.

СОЧИНЕНИЯ.
ПЕРЕВОДЫ. ПИСЬМА.
ДОКУМЕНТЫ. СТАТЬИ

Обложка книги "Дверь Мехера. Отзвуки Вана".

ИЗДАНИЕ

Армянскаго Комитета „Верашинутюнъ“.

Հայաստանի Վերաշինութեան (Հանձնաժողով)

ПРОТОКОЛЬ

засѣданія Комитета отъ 24 февраля 1916 г.

Выслушавъ предложеніе вице-предсѣдателя Комитета А. Аракеляна объ изданіи въ пользу пострадавшихъ отъ войны на средства Комитета поэмы А. Кулебякина „Дверь Мехера“ и стихотвореній его „Отзвуки Вана“, Комитетъ постановилъ: издать поэтическое произведеніе генерала А. П. Кулебякина въ количествѣ 3000 экземпляровъ и весь доходъ обратить въ пользу пострадавшихъ отъ войны.

Предсѣдатель Комитета Д. Б. Аванъ-Юзбаша.

Вице-предсѣдатели | А. Аракелянъ.
| Докторъ Б. Новасардянъ.

Секретарь С. Малхасянъ.

крестности древнего Вана в турецкой Армении полны воспоминаниями тех времен, от которых остались только клинописи, пещеры да цикло-

пические стены, поражающие размерами своих камней. Это страна Семирамиды, Дария, Ксеркса и древних царей легендарной Урарту – Испуина, Менуаса и др. Но все эти царства уже умерли, а на их месте живут армяне. Это край бесконечного кровопролития и постоянной борьбы ислама с христианством. Борьба эта настолько вошла в плоть и кровь местного населения, что и в его древнейших преданиях исторические наслоения христианских переживаний уже заслоняют языческие были и сливаются с ними в одну мутную волну, в которой не видно дна. И только древние клинописи говорят, что еще до армян тут господствовали другие народы и другая культура. Однако дух этих народов передался и новым поколениям в устных преданиях и песнях, до сих пор хранящих отпечаток глубокой древности. Христианство уничтожило старых богов, но не изгнало из народной памяти старых героев, перенеся их подвиги в свою эпоху и окрасив их по-своему. Нужно быть на месте действия этих легенд, нужно самому видеть эти древние памятники, эти полустертые следы отжитой культуры, эту величественную и загадочную природу, нужно в самом очаге местной жизни наблюдать характерные черты ее быта, сохранившего много древних форм, чтобы глубже понять и почувствовать красоту поэзии, порожденной этой многострадальной страной. Эта поэзия, иногда младенчески грубая и наивная в своих описаниях, дышит хрустальной ясностью неиспорченного воображения, жизненностью картин и бессознательно глубоким проникновением в таинственную сущность полной грозных сил природы и одухотворяющего ее великого Начала Божественной Мудрости, вечно в Своей справедливости и

последовательности. Бог светит во всех этих легендах Своим незримым присутствием, сливаясь с их переживаниями в одно живое целое.

В этих легендах, навеянных жизнью Востока, есть черты, сближающие их с поэзией других народов. Так, например, борьба Давида с Мехером похожа на бой Рустема с Зорабом из "Шах Намэ" (книги царей) персидского поэта Фирдоуси, а непосильная для земли тяжесть Мехера и его коня напоминает богатыря Святогора великорусских былин. Однако, это не лишает их самостоятельного значения, и они вносят свой ценный вклад в общую сокровищницу восточной литературы.

Ограничусь сказанным. Остальное дополнит сама легенда, а исследователям даст пищу изучение указанных в примечаниях источников.

Этим источникам и лицам, познакомившим меня с ними, приношу мое сердечное спасибо, а судьбу благодарю за то, что она дала мне возможность самому увидеть величественную дверь, за которою безмолвствует тайна легенды.

А. К.

8 января 1916 г.

Ван

ДВЕРЬ МЕХЕРА ')

емна история армян —
Не все дошли до нас преданья.
Но горы, где синее Ван ²⁾,
Доныне полны обаяния,

И наслоения веков
Живут бессмертными следами
В легендах древних уголков,
Укрытых мирными садами.

ВСТУПЛЕНИЕ

I

Наплывы скал, — застывшей лавы складки,
 Встают крутым морщинистым горбом.
 Блестят снега, как белые палатки,
 На небе голубом.

И среди них, как древний сверстник Вана,
 Свидетель бед рождавшейся земли,
 Над синью вод большой шатер Сипана ³⁾
 Белеется вдали.

Здесь все полно таинственностью храма:
 Уступы гор — его святой порог,
 Природа здесь — одна большая рама
 И в ней картина — Бог.

Здесь все полно легендой величавой
 Былых времен владычества царей,
 И запись лет на камнях дышит славой
 Былых богатырей.

II

В отдельном уступе скалистой горы,
 Над длинным изгибом дороги
 Виднеется памятник давней поры,
 Которой свидетели — боги,

Свидетели – впадины горных долин
И старое дно океана,
Обрывы и гребни окрестных вершин
И синее зеркало Вана.

В отвесном утесе, как в гладкой стене,
Огромная ниша пробита,
И древняя надпись ⁴⁾ видна в глубине
Ступенчатой рамки гранита.

Порогом уступчатым каменный стес
Спускается к ровной площадке,
А справа и слева гранитный откос
Сжимает высокие складки.

А ниже – скала выгибается в свод,
И в ней небольшая пещера.
И все это место преданье зовет
"Дверью Мехера".

III

Поднимаясь по тропинке выше,
Надо лезть на каменную складку
И, почти ползком пробравшись к нише,
Перед ней спуститься на площадку.

Виден камень, весь избитый снизу, –
Род глубоко выдолбленной двери,
А под ним пестреют по карнизу
Кустики с обрывками материй ⁵⁾.

Это люди жертвы приносили
За того, кто заперт в той пещере,
И повсюду сказку разносили
О таинственном Мехере.

IV

Говорят, что в ночь под Вознесенье
Видят чудо люди сильной веры:
В эту ночь с надеждой на спасенье
Сам Мехер выходит из пещеры.

Веет полночь сонною истомой,
Светят звезды яркими очами,
И выходит призрак незнакомый —
Богатырь с широкими плечами.

За собою он коня выводит:
Страшен конь чудовищно огромный.
Светят звезды, синий сумрак бродит,
По утесам едет призрак темный.

За спиною круглый щит чернеет,
Меч в руке вздымается порою,
Под копытом камень пламенеет. —
Точно искры гаснут над горою.

Только два часа дается сроку
Видеть землю мрачному Мехеру.
Перед тем, как забелеть востоку,
Он опять скрывается в пещеру.

И опять все тихо в старой двери.
Только гаснет клинопись во мраке,
Да горят легендой о Мехере
Вечных звезд неведомые знаки.

Часть первая

I

Легенда есть: один пастух убогий,
Пася овец, набрел на дверь Мехера,
Потом уснул под камнем у дороги
И видел сон: открылася пещера,
Огромный камень тихо отклонился,
И человек высокий появился.

И крикнул он: — Эй, кто там у дороги?
Иди сюда! мне вниз нельзя спуститься:
Твоя земля мои не сдержит ноги,
И я могу там в бездну провалиться.
Мне тяжело жить в моей большой пещере:
Господь меня карает в полной мере —

И кинул он ему цветок красивый
И говорил: — Ты с ним пройдешь все двери.
Храни его! он — талисман счастливый.
Возьми его и подымись к пещере!
Богатый клад ты им себе откроешь
И душу мне беседой успокоишь. —

Очнувшись, встал пастух ошеломленный:
В его руке блестел цветок кунжута ⁶⁾.
Церковный звон в деревне отдаленной
Напоминал, что настает минута
Когда звучит молитвенное пенье
В вечерний час под праздник Вознесенья.

И счел пастух видение обманом,
Хотя цветок смущал его загадкой.
В лазурной тьме спускалась ночь над Ваном
И лик луны выглядывал украдкой
Из-за хребта, подернутого мглою,
Где чья-то тень чернелась над скалою.

II

Подошел пастух к закрытой двери
И цветком к карнизу прикоснулся,
Сотворил молитву о Мехере,
И огромный камень покачнулся,
И на нем в надвинувшемся мраке
Загорелись пламенные знаки.

Отвалилась грузная плита,
И пастух пошел по подземелью:
Поднималась в гору пустота
И вверху оканчивалась щелью:
Лунный свет оттуда проникал
И на гудах золота сверкал.

У одной из груд горел огонь, –
Искры вверх взметались и гасли.
Сам Мехер бросал солому в ясли.
Где стоял, пофыркивая, конь.
И мала казалась пещера
Для коня и страшного Мехера.

– Здравствуй, друг! – пастух ему сказал.

– Здравствуй ты! – Мехер ему ответил:

– Кто тебе дорогу указал? –

– Я и сам давно ее заметил,

Но сюда войти-бы я не мог,

Если-б мне цветочек не помог. –

– Расскажи: что делается в мире?

Как живут вельможи и крестьяне:

Как земля: теснее, или шире?

Чей закон теперь сильнее в Ване?

Расскажи! утешь меня ответом:

Как теперь владеют люди светом? –

– Светом разум правит на земле. –

– Ну, а сила разве уступила?

Кто меня заставил жить в скале?

Миром всем владеет только сила:

Силой я поспорю и с огнем:

Вздень на лошадь торбу с ячменем! –

Но пастух не поднял ячменя:

Не под силу груз ему пришелся.

Он однако тотчас-же нашелся:

Подозвал огромного коня

И подвязку за уши закинул:

Конь поел и кверху торбу вскинул.

– Да: сказал Мехер ему в ответ:

– Вижу я – умнее люди стали,

Только жаль, что этот умный свет

Для меня откроется едва-ли. –

– А когда отсюда выйдешь ты? –

– В дни грозы, огня и темноты.

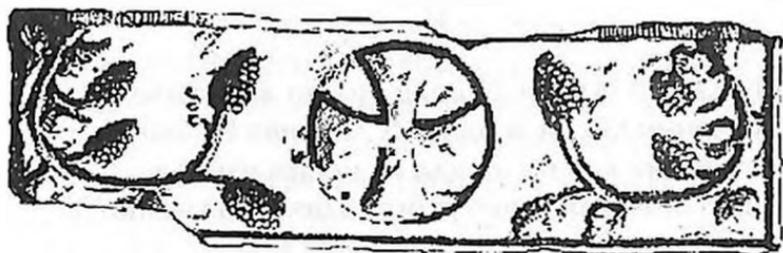
В эти дни пшеница станет сливой,
И ячмень крупнее вишни красной,
В эти дни найдет беду счастливый
И узнает радости несчастный,
В эти дни бесплодье даст рожденье
И бессмертие даст уничтоженье. —

III

И долго с Мехером пастух просидел,
Когда-же он вышел, то весь поседел.
И кладь драгоценный ему не достался;
Цветочек кунжута в пещере остался.
Себя в изумлении спрашивал он:
Ужель это правда? ужели не сон? —

А памятник древний в знакомой скале
Уже выделялся в светлеющей мгле.
И зорька прозрачную дымку тумана
Румяной рукою снимала с Сипана,
И утренник легкий порою вздыхал,
И облик луны в небесах потухал.

И вспомнил пастух легендарный рассказ,
И яркие звезды Мехеровых глаз,
И вздохи его, и горячие слезы,
И року слепому глухие угрозы,
И горечь о тех, за кого он страдал:
Все вспомнил пастух и другим передал.

Часть вторая

I

В утрюмом Сасуне ⁷⁾, где лето кончается рано,
 Где горные речки сливаются в шумном Батмане ⁸⁾,
 В глубоких ущельях, за синими водами Вана
 С времен незапамятных жили армяне.

С времен незапамятных быт их до нас со-
хранился:

Его сохранили родные хребты и пещеры.
 Хоть кровью армянской Батман постоянно струился,
 Но жители гор не утратили веры.

Ее охраняла священная память Предтечи,
 Берег и лелеял святой монастырь Карапета ⁹⁾,
 И в церкви Марутской ¹⁰⁾ молитвенно теплились свечи
 У Матери Божьей — Источника Жизни и Света.

Владели Сасуном князья Ассирийского рода ¹¹⁾:
 Пришли они с Тигра и крепость в горах основали.
 Не все имена их оставила память народа:
 Осталась страна, где они воевали.

Из этих владетелей был и Давид ¹²⁾ знаменитый
 И сын его страшный — Мехер ¹³⁾ сокрушительной силы,
 Тот самый Мехер, что томится в пещере закрытой
 И просит напрасно у Бога могилы.

II

О подвигах князя Давида молва кочевала
В Армении дикой, в горячих долинах Ирана ¹⁴).
О подвигах князя Давида из песни узнала
Хандут молодая в цветущих садах Кагызмана ¹⁵).

Отец ее славный в то время владел Кагызманом.
Молва о ее красоте далеко облетела:
Отец при желании мог породниться с султаном,
Но дочь без любви выходить не хотела.

В вечернюю пору, когда бледно-розовым цветом
Снега золотятся и блеск разливается лунный,
Хандут повстречалась с бродячим певцом и по-
этом ¹⁶),
Который играл на тамбуре ¹⁷) двухструнной.

Он пел про Давида, который коварного брата
За замыслы злые одним уничтожил размахом,
Который рукою дубы вырывал в три охвата,
А взгляд его недругов сковывал страхом.

Он пел про Давида, который не мыслил лукаво
И прост был душою, не ведая лжи и обмана,
Который не знал, что его легкокрылая слава
Могла долететь до садов Кагызмана.

Хандут одарила певца золотыми дарами,
Послала в Сасун, и пришел он в долину Батмана.
И пел он Давиду, как любит его за горами
Хандут молодая в садах Кагызмана;

Что очи ее, точно звезды, блестят под луною
И зубы белее, чем утренний снег Арарата,
И щеки, как персик, как цвет абрикоса
весною,
А губы румяны, как зерна граната.

Он пел, что к Хандут уже давно женихи под-
ступают,
Что споры о ней постоянно кончаются кровью:
Владетели мира дарами ее осыпают,
Она-же к Давиду пылает любовью.

И вывел Давид своего вороного Джелала¹⁸⁾,
И двинулся в путь, и достиг до ворот Кагызмана.
Хандут в это время своих женихов принимала
И с ними послов с предложеньем султана.

На утро Давид говорил с Кагызманским эми-
ром,
И вывел он дочь, и друг друга они полюбили.
Закончился день в честь Давида торжественным
пиром,
А утром чуть свет уже тревогу трубили:

Давида на бой, как один, женихи вызывали.
И выехал он на Джелале в расшитой попоне
И бился, как лев, и одни, пораженные, пали,
Других унесли быстроногие кони.

Окончился бой, и с Давидом Хандут повидалась,
И сладко они проводили часы у фонтана.
Но время неслось, – на Давида гроза надвигалась:
Несметное войско пришло от султана.

Сказал он Хандут: – Если я не вернуся обратно,
Езжай и найди мое тело по верной примете:
На правой руке, точно крестик, родимые пятна
И крест золотой на надетом браслете. –

И кинулся в бой ... В это время в Сасуне дáлеко
Во сне его брата ужалила змейка печали:
Приснилось ему, как Давида в сраженьи жестоком
В железные цепи враги заключали.

Созвездие Давида померкло в небесном движеньи.
Оган полетел выручать оплошавшего брата.
Когда-же услышал он далекие звуки сраженья,
То окриком сдвинул снега Арарата.

И голос знакомый заставил Давида встряхнуться,
И Бога призвал он, и цепи, как нитки, упали,
И стал он рубить, и Оган не успел оглянуться,
Как новые тысячи воинов пали.

И встретились братья и вместе натешились вволю,
И скоро кровавая пашня устлалась врагами.
Вдруг видят, что воин какой-то по мертвому полю,
Склоняясь, тихими ходит шагами:

Все ходит, все смотрит и руки у тел поднимает.
Давид, наклонившись, промолвил с улыбкою брату:
– Хандут неутешная ищет меня и не знает,
Что Бог не судил ей такую утрату.

– Кого ты там ищешь? – Ищу одного. – Да кого же? –
– Ищу я Давида. – Убит он моею рукою. –
– Его ты убил? ну уж это на шутку похоже:
Тебе-ли управиться с силой такую? –

Подъехал Давид и ударил. Хандут угадала
И тотчас-же бросилась милому другу в объятия:
– Давид мой любимый! а я – то тебя поджидала! –
И вместе к эмиру отправились братья.

И молвил Давид: – Ну, теперь ты позволишь же-
ниться? –

Ответил эмир: – Хорошо! но останьтесь со мною!
А если у дочери первый ребенок родится,
Отдашь его мне и уедешь с женою. –

И пышную свадьбу семь дней и ночей пировали,
И тешились гости на чудных коврах Тегерана ¹⁹⁾.
Под струнные звуки певцы молодых воспевали
И танцы кружились под флейты и гул барабана.

III

Любил Давид забавы полевые
И острый меч, и меткое копье,
И звучных труб напевы боевые,
Походы, бранное житье.

Любил скакать, ровняя бег с орлами,
Завидев лань, иль юркую лису;
Любил ходить за горными козлами,
Зверей выслеживать в лесу.

Не думал он, что долгими ночами,
Его любви и ласки лишена,
Пытая тьму зовущими очами,
О нем тревожилась жена.

IV

Мерцала ночь над Кагызманом,
И лик серебряной луны,
Повитый радужным туманом,
Будил таинственные сны.

Фонтаны нежно бормотали
И розы прятались в тени,
И с неба темного слетали
Падучих звездочек огни.

Хандут не спалось: мыслей звенья
И вздохи ветра над водой
Не заглушали в ней биенья
Под сердцем жизни молодой.

Последний срок она носила,
И говорило что-то ей,
Что в ней такая зреет сила,
Какой не знают у людей:

От этой силы никнут воды
И звезды гаснут в высоте,
И злые знаменья природы
Свой лик являют в темноте.

V

Звенит тамбура, рокочут струны,
Напев грозящий, как буря, льется:
Напев упругий, живой и юный,
В котором дума, как сердце, бьется,
Как сердце, бьется, как вихорь, вьется
И с темной скорбью, вздыхая, спорит,
А звучный голос дрожит и льется
И струнным стонам красиво вторит.

Певец, играя, поет, что дети
Приносят счастье, приносят горе,
Что сын Давида на этом свете
Своим дыханьем взволнует море,
Своей ногою раздавит всходы,
Своей рукою сравнивает горы,
В земные недра загонит воды
И звезд небесных сотрет узоры.

VI

Родила Хандут Давиду сына.
Смолк певец, окончив предсказанье.
На челе отца была кручина,
И велел он сделать испытанье:

Чтоб узнать, силен иль слаб ребенок,
В цепь его надежно заковали:
Мальчик быстро вылез из пеленок,
И ручки кольца разорвали.

– Да! – сказал Давид: – такая сила
Все убьет, когда войдет он в лета,
Но не даром мать его носила:
Есть на нем еще одна примета. –

– Да! – сказали: – есть еще примета:
Крепко сжал он правую рученку. –
Но никто не знал, что значит это.
И не мог разжать ее ребенку.

Лишь отец разжал ее немного
И сказал, нахмурив грустно брови:
– Посмотрите! это знак от Бога:
В кулачке зажата капля крови.

В этой капле кровь вселенной слита,
В этой капле слиты все страдания,
В ней, как в море, тайна мира скрыта,
В ней конец всего существованья.

Будут дни: восстанет все на свете:
Будет сын для всех живым примером. —
Дал ему Давид свой крест в браслете
И назвал рожденного Мехером.

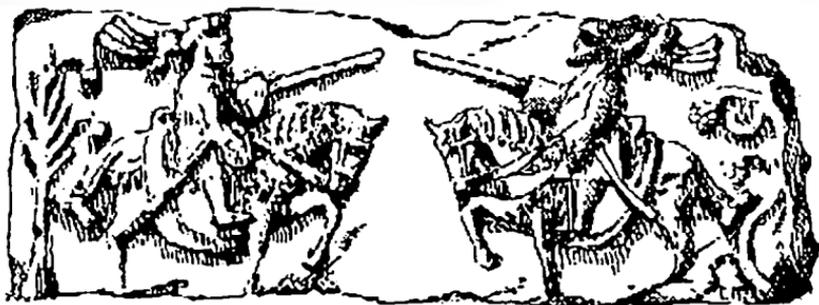
УП

Ребенок рос. Страшились все заране
Тревожных слов певца зловещих струн.
Потом Мехер остался в Кагызмане,
А мать с отцом уехали в Сасун.

В Давиде вновь запело ретивое.
Хандут опять не спала по ночам.
Опять пришло и время боевое:
Работа копьям и мечам.

А годы шли: лилась вода в Батмане,
Мелькали дни в кругу небесных сфер.
Как дуб, мужал у деда в Кагызмане
Рукой судьбы отмеченный Мехер.

Часть третья

I

Когда Давид седлал коня,
Всегда он спрашивал Джелала:
– Скажи, Джелал, – что ждет меня? –
И лошадь будущее знала.

Его отца возил Джелал,
Коня рожденье было тайной:
С Сасунским родом Бог сковал
Его судьбой необычайной.

Из рода "дивов" ²⁰⁾ был тот конь:
Он жизнь свою считал веками,
Ему безвреден был огонь,
Он мог летать за облаками.

Ударом кованных копыт
Дробил он каменные стены.
На нем воинственный Давид
Не знал несчастья и измены.

II

В Сасуне, как ангел, Давида ласкала
Его молодая жена,
Но снова из стойла он вывел Джелала
И снова спросил скакуна:

– Скажи, мой ретивый, – что будет со мною? –
– Ты будешь несчастлив, Давид.
Твой враг на тебя ополчится войною,
И женщиной будешь убит. –

Направил Давид вороного Джелала,
Где цепи Кавказа идут,
И горькие слезы о нем проливала
Любовью живая Хандут.

И в Грузии светлой, где блещет природа,
Где льется немолчный Рион ²¹⁾,
Где дышит веселье, вино и свобода,
С царевною встретился он.

В саду над рекою, под тенью чинары,
В кругу танцевала она.
Играли веселый напев сазандары ²²⁾
И в такт заливалась зурна ²³⁾.

Позвякивал бубен, хрипели дудуки ²⁴⁾.
И плакал смычок под рукой,
И томной чонгури ²⁵⁾ трехструнные звуки
Несли над шумящей рекой.

Ходила кругом неустанная чаша,
Как улей, жужжал разговор,
И каждый заздравный запев тулумбаша ²⁶⁾
Подхватывал радостный хор.

Она танцевала, как лебедь, прекрасна,
Как тополь, тонка и стройна.
За ней молодежь увивалась напрасно:
От всех уносилась она.

Царица и царь, окруженные свитой,
Смотрели на дочь, веселясь.
Понравился им и Давид знаменитый,
Сасуна прославленный князь.

Окончился праздник. К вечерне звонили.
Но в церковь Давид не пошел:
Покой его сердца тревоги сменили:
Он отклик в царевне нашел.

И в темную ночь над речною стремниной,
Где древняя башня стоит,
Желанную встречу с красавицей Ниной
Имел увлеченный Давид.

Она рассказала, что царь Баязета ²⁷⁾
Ее уже посватал весной,
Что мать и отец не согласны на это,
Но он угрожает войной.

Сказала и ранила сердце Давиду.
Увез он царевну с собой,
А гневный жених за такую обиду
Послал ему вызов на бой.

III

Царевну Давид посадил на Джелала
И двинулся с ней по горам и теснинам.
Заря угасала и снова пылала,
Давид приближался к знакомым долинам:

Синело зеркальное озеро Вана,
И полосы зыби отливы меняли;
Туманилась в дымке громада Сипана,
И кратер Нимруда ²⁸⁾ снега оттеняли.

IV

От Ванских крутых берегов
К Нимруду Давид подъезжает
И видит, что войско врагов
Настигнуть его угрожает.

Он прячет с царевной коня
И так говорит Баязету:
– Семь дней подожди ты меня,
А там я приеду к ответу. –

Ему говорит Баязет:
– Семь дней я тебя ожидаю:
Приедешь, – сразимся, а – нет, –
Я сам на Сасун нападаю. –

V

Мехер в Кагызмане мужал не по дням,
Не зная беды и заботы.
Имел он влечение к диким коням,
К опасностям горной охоты.

Был гибок как змей, и силен, как медведь,
Как лев благородный, бесстрашен,
Руками сгибал он железо и медь
И стены выламывал с башен.

Но умный эмир иногда замечал,
Что мальчик не тешится силой:
Все чаще Мехер о Давиде сучал
И думал о матери милой.

И вот он сказал старику наконец:

— Мне надо в Сасун удалиться:
Далеко отсюда заехал отец,
А мне без него не годится. —

И как ни грозил, ни упрашивал дед,
Мехер настоял и простился,
И только под утро забрезжился свет,
Он в путь неизвестный пустился.

VI

Вот едет с царевной Давид.
Дорогой Мехера встречает.
— Дорогу! — Давид говорит.
— Дорогу! — Мехер отвечает.

— Послушай! Я еду домой! —
— Я, кажется, еду туда-же. —
— Ты думаешь спорить со мной? —
— Готов и сразиться я даже. —

— Послушай, мальчишка, уйди!
Не то не увидешь ты света! —
— Кого ты везешь позади?
Мне нравится девушка эта. —

— Ну, это уж дело мое:
Ты шутишь, ребенок, со мною. —
— А ты мне уступишь ее,
И будет моею женою. —

И вот разгорается спор,
И борются оба жестоко,
Туманятся очерки гор,
И месяц всплывает с востока.

Ломает Мехера Давид.
Давида Мехер зажимает.
Давид на Мехере сидит.
Давида Мехер поднимает.

Но опытней все-же отец,
А сын не научен борьбою,
И с силой Давид наконец
Мехера кладет под собою.

Кинжал вынимает Давид.
Мехер отвечает спокойно:
– Отец мой тебе отомстит
За эту расправу достойно. –

– А где твой отец, например? –
– В Сасуне. – Мехер отвечает.
– А как твое имя? – Мехер. –
И крестик отец замечает.

– Ты сын мой Мехер: я Давид. –
И плачут от радости оба,
И спор их случайный забыт,
Забята досада и злоба.

Склоняется сын пред отцом,
И сына отец обнимает,
Потом с просветленным лицом
Царевну с Джелала снимает.

Мехер приближается к ней:
Ей нравится юноша смелый.
Садятся они на коней
И едут в родные пределы.

VII

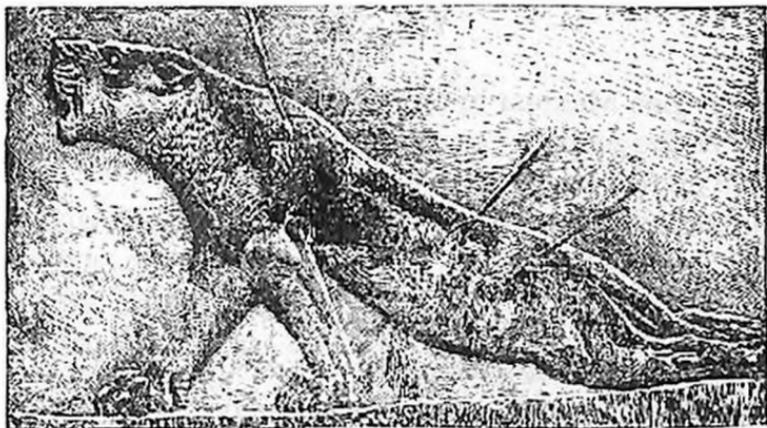
Хандут без Мехера проплакала очи,
Хандут без Давида страдала сильнее,
И дни ей без сына казались короче
И ночи без мужа казались длиннее.

Ее убивала пора увяданья,
Отрава разлуки, тревога потери.
Ее оживила отрада свиданья,
И сердце вернулось к утраченной вере.

VIII

В Сасуне веселье, в Сасуне пиры и охоты.
Забыты скитанья, забыты труды боевые.
Женился Мехер и с царвною жил без заботы,
Давид не стремился из дома впервые.

Часть четвертая

I

В Сасуне с Давидом жил брат его старший Оган,
 А старшие братья их — Чендж, Хоргусан и Царан²⁹).
 Приехали к ним погостить из селений.
 В пирах и забавах летели веселые дни,
 И в горы с Мехером нередко ходили они
 Охотиться там на козлов и оленей.

Но горных козлов не умели они убивать,
 А если случалось, то их не могли доставать.
 И только Мехер утешал их добычей.
 Они на себе приносили убитых зверей,
 А дома добычу всегда называли своей,
 И это у них повелось за обычай.

Однажды Хандут упрекнула Мехера слегка:
 — Должно быть, Мехер, у тебя легковесна рука,
 Что ты никогда не приносишь нам зверя,
 А дяди всегда угощают добычей своей. —
 — Они только носят, а я убиваю зверей. —
 И чувство обиды проснулось в Мехере.

И вот как-то раз он большого барана убил
И голову тут-же ему топором отрубил
И теплую тушу за плечи закинул.
– Послушай, Мехер, для чего тебе этот баран?
Давай его мне! – подступил к нему дядя Царан,
Однако племянник его отодвинул.

Тут слово за слово поднялся ужаснейший крик:
Особенно громко Царан отличался старик,
И начали драться они за барана.
Мехер уклонялся, потом повернул старика
И дал ему в спину ногою такого пинка,
Что тут-же на месте прикончил Царана.

Потом Хоргусан ухватился рукой за него:
Мехер отскочил и об землю ударил его,
А после и Ченджа разбил об камень.
Пришел он домой и, смутившись, уныло молчал.
– А где твои дяди? – отец на него закричал.
– А там: на дороге лежат у селенья. –

II

Схоронили тела. Плачут люди навзрыд.
И приблизился к сыну Давид:
– Ты мне братьев убил. Расскажи: для чего? –
И три раза ударил его.

Молча выдержал сын и сказал наконец:
– Ты три раза ударил, отец.
Я простил первый раз, как рожденный тобой,
Ради Бога прощаю второй.

Но скажи: для чего, – объясни мне сейчас,
Ты ударил меня третий раз? –
И рукою отца он за пояс обнял
И на воздух его приподнял:

— Этой самой рукою я дядей убил
И тебя бы об землю разбил,
Но тобой, мой отец, я всегда дорожил. —
И на землю его положил.

Побледневший Давид испугался до слез
И проклятье ему произнес:
— Ты на горе рожден. Смерть тебя не возьмет.
От тебя не продолжится род.

А продолжится он, — свет погаснет во мгле,
И окончится жизнь на земле. —
Молча слушал Мехер, глаз не смея поднять,
И отчаянно плакала мать.

III

Давиду Баязет
Прислал с гонцом упреки:
— Приедешь ты, иль нет?
Давно прошли все сроки.

Но нет их для обид:
Отмщение за мною.
Я жду тебя, Давид,
Не то приду войною. —

IV

— Хандут! принеси мне воды искупаться! —
Давид обратился к жене:
— Когда-ж при тебе я начну раздеваться,
Ты знаки увидишь на мне.

Но ты промолчи: не показывай виду!
Не смей ничего узнавать! —
Хандут приготовила воду Давиду.
И стала его раздевать.

Вдруг видит, что весь он покрыт синяками:

Худой и измученный вид.

Хандут в изумленьи всплеснула руками:

— Айяй! что такое? Давид! —

— Пусть рот твой засохнет! зачем ты пытаешь? —

Прикрикнул Давид на жену:

— Ты только беду на меня накликаешь.

□Хандут! я иду на войну.

А пятна на мне означают, что буду

Я ранами также покрыт

И скоро погибну ... Я еду к Нимруду

И буду в могилу зарыт. —

У

Давид вороного Джелала седлает,

Но жаждою боя уже не пылает,

Как в прежние годы свои.

И сердце его не открыто веселью,

И грустно для слуха река по ущелью

Журчащие катит струи.

Хандут обнимает его и ласкает,

Зовет, умоляет, бранит, не пускает

И, плача, бежит у стремян:

В глазах ее светится ужас и вера.

И плачет жена ее сына Мехера,

И сердится старый Оган.

Мехер остается печальный, угрюмый,

И вслед за Давидом летят его думы,

И хочется кинуться в бой.

Но вот уж отец на холме перевала

И скрылась за гребнем фигура Джелала:

Его не возьмет он с собой.

УІ

Бой трехдневный у Ахлата ³⁰⁾
Никому не дал успеха.
Крик бойцов и звон булата
Повторяло грозно эхо.

Стал сдавать Давид усталый,
Но потом свершилось чудо:
Он нашел источник малый
В склоне древнего Нимруда.

Каждый вечер после боя
Он к источнику скрывался
И прозрачною водою,
Отдыхая, омывался.

Тот родник целебной силы
Бил из скал ключем гремучим:
В нем купаясь, даже хилый
Сразу делался могучим.

Мощь в Давиде прибывала.
Баязет заметил это.
Мысль коварная запала
В злое сердце Баязета.

Он велел узнать о чуде:
В чем секрет его волшебный.
И ему сказали люди:
– Есть в Нимруде ключ целебный:

Укрепляет после битвы,
Избавляет от могилы,
Но купанье без молитвы
Не имеет вовсе силы. –

Баязет задумал худо:
Придавала ревность духу.
И к источнику Нимруда
Он послал одну старуху.

В этой женщине Ахлата
Тлела старая обида:
Муж ее погиб когда-то
От могучего Давида.

Стал Давид в ручье купаться.
И пришла старуха эта:
Не подумал он, признаться,
Что она от Баязета.

И жестоко утолила
Злая женщина обиду:
Нож от плуга раскалила
И прожгла им грудь Давиду.

А Джелал в Сасун примчался,
И Оган узнал о брате,
Что Давид уже скончался,
А враги уже в Ахлате.

И Хандут узнала тоже
И поднялась над стеною
И запела: – Боже! Боже!
Умираю! Ты со мною! –

И о камень головою,
Сверху кинувшись, разбилась:
И донныне под стеною
В камне ямка сохранилась ³¹⁾.

А Джелал с Мехером мчался
Прямо к войску Баязета.
И кровавый бой начался
У Ахлата до рассвета.

Поражал Мехер рукою,
А Джелал топтал ногами.
Кровь струилася рекою,
Ужас реял над врагами.

Мертвых тел сплошная гряда
Завалила всю долину,
И у вечного Нимруда
Баязет нашел кончину,

А для грозного примера,
Как последняя отплата,
Разразился гнев Мехера
И на жителей Ахлата.

VII

Похоронив отца и мать,
Мехер остался жить с женою,
А дядя начал управлять
Своей Сасунскою странюю.
Его не старая жена
Была в Мехера влюблена.

Вот как-то раз Мехер пришел
К себе домой с охоты горной
И Нину мертвую нашел,
Обвитой змейкою проворной.
Змея сейчас же отползла,
Но Нина все ж не ожила.

Убил он тотчас же змею,
Но сердце в нем облилось кровью:
Подругу нежную свою
Любил он страстною любовью.
Мехер ее похоронил,
Но в сердце жало сохранил.

Угрюмый дядя был ревнив:
Супруга повод подавала.
Еще, когда Давид был жив,
Ее Хандут подозревала.
Жена Мехера умерла,
И тетка козни повела.

Она ласкалась: он молчал.
Наедине искала встречи:
Мехер печально отвечал:
– Ты мать мне: брось такие речи! –
– Ну хоть часок со мной побудь! –
– Твой муж – отец мне, – не забудь! –

Огана вызвали дела.
Она зажгла огонь в камине,
Потом Мехера позвала,
Чтоб он принес воды в кувшине,
И, грея воду у огня,
Сказала: – поцелуй меня! –

Мехер ответил тихо ей:
– Не надо так! – Сказала тетка:
– Мехер! ты мне грубить не смей! –
– Позволь уйти! – Сказал он кротко.
– Мехер! останься! – Не хочу! –
– Пстой! тебе я оплачу! –

Потом Огану налгала:
– Хорош племянник твой сиротка!
Пристал: насилиу прогнала:
Забыл, что я родная тетка. –
– Не лги, жена! ты для него
Куска жалеешь моего. –

Мехер вернулся вечерком,
Но дверь была уже закрыта.
Три раза стукнул он замком.
– Кто там? – Оган спросил сердито.
– Мехер, – ответил тот. – Уйди!
И никогда не приходи! –

Мехер сказал: – Ах, дядя мой!
Не грешен я перед тобою. –
– Ты мне уж больше не родной:
– Ступай: живи своей судьбою! –
– Обманут ты. – Пошел! пошел! –
Мехер заплакал и ушел.

Трясаясь и плача, как дитя.
Пришел к отцовской он могиле.
Слетали листья, шелестя,
И тучи по небу бродили,
Шумела бешено река,
И дождь накрапывал слегка.

Мехер, рыдая, повторял:
– Отец! Отец! меня прогнали.
Отец! я дом мой потерял.
Отец! мне доли в нем не дали.
Отец! лишился я всего.
Отец! нет рода моего. –
– Мехер! Мехер! твой час настал. –
Раздался голос из могилы:
– В земле уж грузнет твой Джелал:
Земля такой не сдержит силы.
Езжай ты к Вану: там скала
Вершину к небу подняла ³²).

В обрыве каменная дверь
Тебе откроет вход в пещеру:
Твое там место! жди и верь:
На свете доли нет Мехеру,
Пока вся жизнь не пропадет,
Покуда смерть не оживет. –

И встал Мехер. Поехал в Ван.
– Смотри! – сказал Джелал Мехеру:
Открылся камень великан,
И он увидел вход в пещеру.
И въехал он с конем туда,
И дверь закрылась навсегда.

* *
*

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

И дверь и клинопись на ней
Древней легенды о Мехере,
Но глубь земли еще древней,
И тайна, скрытая в пещере,
И в те глухие времена
Была безмолвна и темна.

Лопатой, ломом и киркой
Здесь землю многие долбили,
Но толщу крепости такой
Людские руки не проббили.
Одной лишь мысли лезвее
Легко проходит сквозь нее.

Сокрыт от нас Господень мечь
В ножнах таинственной вселенной,
Но землю бедную рассечь
Для рук Творца лишь взмах мгновенный,
И в срок, известный в книге лет,
Нахлынет тьма, погаснет свет.

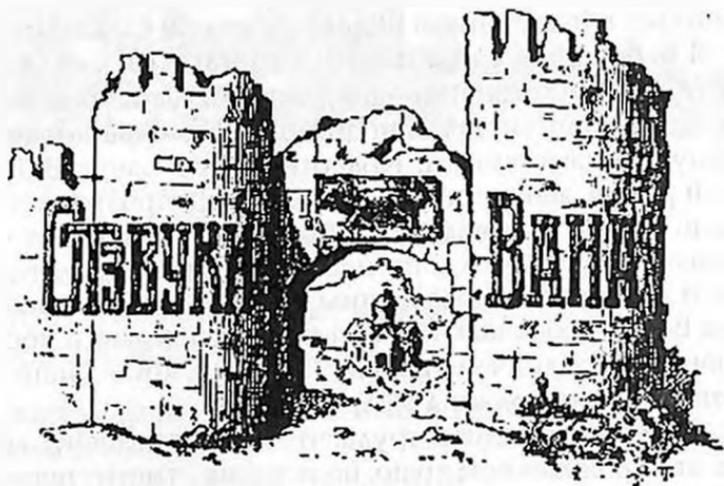
Что срок настанет, – знаем мы
Из книг и древних предсказаний.
Об этом мысль, как луч из тьмы,
Сквозит из множества сказаний,
Наука трудится во мгле:
Ключ страшных сил сокрыт в земле.

Погибнет жизнь, восстанет смерть,
И газом станет мощный камень,
Но Богом созданная твердь
Увидит новой жизни пламень:
Он вспыхнет в бездне звездных сфер
Из тьмы, в которой жил Мехер.

1-го января 1916 года

Ван

(1915 — 16 гг.)

Ванские стихотворения написаны мною под непосредственным впечатлением виденных мест и слышанных рассказов. Я был в Ване с ноября 1915 по март 1916 года. Невыразимо тяжелое настроение навеивает этот дотла разоренный, насыщенный смертью край, но природа его скрашивает даже ужас запустения и гибели. Красота синего озера Вана в серебряной рамке запорошенных снегом гор, прозрачность вод, ясность неба, чистота воздуха и богатство солнечных красок очаровывают душу каждого наблюдателя. Везде отпечаток величия и древности. И развалины, развалины без конца.

Город Ван первоначально занят русскими в мае, а последнее разрушение его закончено в июле 1915 года, когда наши войска на короткое время должны были отойти.

Нужно много времени и труда, чтобы восстановить мирную жизнь в этом сожженном краю, но история отметит пережитую кровавую эпоху величественными чертами.

Одно имя "Ван" уже много говорит тем, кто любит и знает историю, особенно же тем, кто в нем пережил и выстрадал войну, не говоря уже о детях того народа, который теперь ценою долгих страданий и жертв дожидается наконец до счастья освобождения от векового гнета турок. Бог даст, сгладятся следы пережитого тяжелого времени, и настанут более счастливые дни освобожденного Россией края, но тем поучительнее тогда будет оглянуться на пережитое и ярко представить себе те картины разрушения и смерти, которые породила нынешняя мировая война в этой древней стране, овеянной дыханием неразгаданной красоты.

А. К.

25-го марта 1916 года.

Ван

А к - К е п р и ²⁾

Дорога в Ван зигзагом понемногу
Спускает под откос,
И вдруг из скал выходит на дорогу
Оторванный утес.

И рядом с ним, потресканный и темный,
Осколок наклонен,
А там еще другой утес огромный
К обрыву прислонен.

Большой утес похож на нож от плуга,
Другой, как человек.
Стоят они и, молча, друг на друга
Глядят из века в век.

Стоят они, беседуя с веками,
И каждый ясный день
На склоне горы гранитными боками
Отбрасывают тень.

И каждый день они меняют тоны
От солнечной игры,
И сзади них сдвигают тень фронтоны
Утесистой горы.

И каждый день проходят мимо люди:
Идут, как прежде шли.
Кто скажет им об этом древнем чуде,
Рожденном из земли?

И лишь порой один скалу укажет:
– Ай, что там? посмотри! –
И, посмотрев, другой на это скажет:
– То камень Ак-Кепри. –

Своих легенд не ведает, конечно,
Тот камень великан,
Но людям он указывает вечно
Дорогу в древний Ван.

Т о п р а к - К а л а ³⁾

Среди садов бежит река,
Над ней высокая скала –
Крутые желтые бока.
Ее зовут "Топрак-Кала",
Что значит – крепость из земли.
Она, как горб, видна вдали.

А на вершине дом стоит:
Его легко находит взор.
Кругом хребты: угрюмый вид
Покрытых снегом пестрых гор
К реке спускается овраг
За ним утесистый Варак ⁴⁾.

Дорожка вьется под холмом,
Потом взбирается на склон
К пещере с входом, как окном:
За поворотом виден он
В отвесной каменной стене,
Где эхо слышно в глубине.

Дыра с порогом глубока.
За ней пещера – целый дом ⁵⁾.
С волнистым сводом потолка.
Подавлен взор таким трудом:
Кто эту толщу продолбил?
Кто эти окна прорубил?

Овальный зал. Изрытый пол.
Вверху оплывшие слои.
Направо выступ, точно стол.
Вдоль стен уступы, как скамьи,
И выем сводчатый ведет
В широкий каменный проход.

Полсотни ребер – ступеней,
Крутой подъем и поворот.
Большая лестница. За ней
Квадрат разинутых ворот,
И свет лучится в вышине
Из окон в каменной стене.

Площадка. Треснувший обрыв.
Внизу опять открытый вид.
Вверху утесы: как красив
Стеною срубленный гранит
И в нем пещера и над ней
Рубцы отвесных ступеней ⁶⁾.

Тропинка лезет на откос
К стенам развалины пустой ⁷⁾:
Под ней обрывистый утес
Пугает взоры высотой.
Внизу долина: реет мгла,
Темнеет Ванская скала.

Вот земляные бугорки:
Кирпич сырцовый по краям,
Посуды глиняной куски,
Остатки стен и старых ям:
Следы раскопок прежних лет ⁸⁾,
Далекой жизни жалкий след.

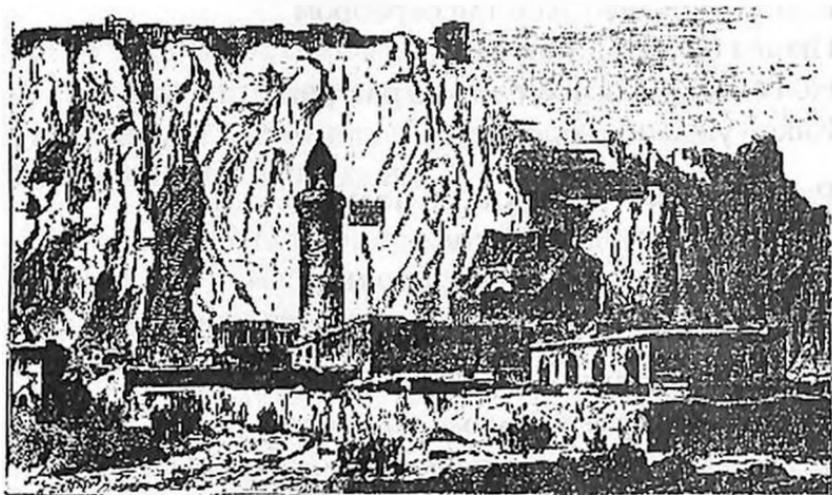
Но здесь ученые нашли
Постройки крепости былой,
Зарытой в глиняной пыли:
Ее зовут "Топрак-Калой",
Но звалась иначе она
В те роковые времена.

Был храм когда-то на скале.
Здесь жил великий царь Русас ⁹⁾:
Наукой вырыты в земле,
Его дела дошли до нас
В словах исписанных кусков,
Которым двадцать семь веков.

Отсюда есть подземный ход – ¹⁰⁾
Остаток древнего пути:
Он к Ванской крепости ведет,
Но им теперь нельзя пройти:
Под грузом тяжести и лет
Обрушен свод, проходу нет.

С тех пор не мало лет прошло,
Настала очередь армян.
Все царства время унесло,
Остался только древний Ван,
И турок власть осталась в нем,
Но и ее смело огнем.

Здесь был турецкий караул.
Отсюда видны все места,
Где старый враг давил и гнул
Упорных воинов Креста.
Их помощь русская спасла:
Свидетель ей Топрак-Кала.

Старый Ван ¹¹⁾

Причудливый город за метлами ив
Под Ванской скалой приютился, —
Как будто-бы сверху под желтый обрыв
Он грудой развалин скатился.

Турецких мечетей пестрят купола,
Как свечки, торчат минареты.
Там двор без ворот, там остаток угла,
Там вынутых окон просветы.

И трупы собак, черепа и тряпье,
И в лавках обломки товара.
Безлюдье и ужас. Пустое жильё.
Следы грабежа и пожара.

Там кости людей на навозе гнилом,
Там кучи разрытого хлама,
Там тесный проулок, открытый пролом
И стены армянского храма.

Кой-что уцелело. Кой-где серебром
Иконы белеют в уборе.
Но Господи! Господи! что за разгром!
Какое ужасное горе!

Разбитая люстра лежит на полу,
Сквозят паутины волокна,
И свет золотистый роняют во мглу
Большие разбитые окна.

Уродливо боком висят образа,
Валяется в хламе кадило,
И только алтарь боевая гроза
Местами еще пощадила.

Узорами царскими блещут врата,
И целы иконы святые.
Божественных обликов живы цвета,
И яркие кресты золотые.

И кажется, смотрят святые со стен
И шепчут с упреком во взоре:
– Все злоба, все мерзость, могила и тлен,
Безумие, ужас и горе! –

.....
Мечеть: ¹²⁾ сочетание мглы и лучей,
Громада обширного свода,
По фризам узоры цветных кирпичей,
Колончатый портик у входа.

Изгиб мавританский у арочных дуг,
Кристаллов стенных украшенья,
Но также все пусто и дико вокруг,
И та-же печать разрушенья.

Остатки майолик, обломки столбов,
Обрывки затертых материй.
У выхода доски прогнивших гробов,
И в щепки расколоты двери.

Могильные камни торчат из земли, –
Иные на части разбиты.
Весь двор разворочен в сору и в пыли,
Ребром перевернуты плиты.

А вот с двухсторонним узором одна
Покрыта армянскою вязью,
И клинопись древняя сбоку видна
Забитая пылью и грязью.

Здесь род урартийцев ¹³⁾ когда-то владел,
Потом их сменили армяне.
Их царство постигнул такой-же удел
Когда подошли мусульмане.

А ныне и тех поразила беда,
И надписи чуждых значений.
Пытливому духу напомнят всегда
Закон перемены течений.

А й г е с т а н ¹⁴⁾

(Новый Ван)

Старый Ван разбросан за стеною,
Айгестан рассыпался в садах.
Смертью, злом, разгромом и войною
Дышит вид в обоих городах.

Айгестан приветливый немного:
Есть народ и признаки жилья,
И к нему от озера дорога –
Как обух прямого лезвия.

Вдоль шоссе заплывшие канавки,
И дома без окон и дверей,
Мусор, грязь, разрушенные лавки
И ряды забытых пустырей.

Телеграф дорогу оживляет,
И возы с соломой ползут,
И народ по улицам гуляет,
И пожитки жители везут.

Вот айсоры в войлоках рогатых ¹⁵⁾.
Семят с мешками ешаки.
Складь. Верблюды. Скопище вожатых
Арбы. Скот. Солдаты. Казаки.

Штаб отряда. Кони. Вестовые.
Снова зелень, стены и сады.
Огороды, виды полевые,
Птичий гам, журчание воды.
Кое-где уж строятся армяне.
Детвора играет у канав.
Рядом со смертью в разоренном Ване
Божья жизнь свершает свой устав.

Оборона Вана ¹⁶⁾

Апрель 1915 года

Ход весне открыт в апреле:
Зимний снег исчез в долинах
Всюду зелень, птичьи трели
И цветы на луговинах.

Все в цвету – миндаль, черешни,
Виноград в зеленых лапах.
Полон солнца воздух вешний,
Полон силы нежный запах.

На деревьях, точно иней, –
Все одел убор цветочный.
Ван ¹⁷⁾ сверкает ширью синей,
Берега – ковер восточный.

Вся природа миром дышит,
Беспокойны только люди:
Воздух взрывами колышет
Непрерывный гром орудий.

Жизнь поникла в древнем Ване,
Гнев пылает, слезы льются.
Из последних сил армяне
В ожиданьи русских бьются.

Бьются с злой турецкой силой
За родное достоянье,
За поля отчизны милой,
За свое существованье.

Бьются, милости не просят,
Все усилия напрягают.
Хлеб, патроны жены носят,
Дети взрослым помогают.

Всюду в городе пожары
Возникают, догорают.
Под ружейный треск фанфары ¹⁸⁾.
Песни бодрые играют.

Много случаев геройства,
Много мужества и пыла,
Но борьба такого свойства,
Что в запасах только сила.

Постепенно мусульмане
Круг осады замыкают,
С каждым днем в упорном Ване
Силы храбрых иссякают.

А на помощь обороне
Уж давно спешат отряды,
Видят дым на небосклоне,
Слышат грохот канонады.

.....

Дом большой стоит над Ваном ¹⁹⁾.

Там устроились аскеры
И стрельбой своей армянам
Надоели свыше меры.

Ночью к ним подходят люди.
Шорох, тьма, воды журчанье.
Вот к земле припали груди:
Окрик. Свист... В ответ молчанье.

Легкий стук ... Не отвечают.
Смельчаки идут в ворота.
Турки залпом их встречают.
Слышат: ранили кого-то.

Все кидаются как звери.
Крик. Пальба. Удары. Стоны.
Колют, бьют, ломают двери.
Разряжают все патроны.

Турки сбиты. Шум, тревога. . .
А с зарей, глядят армяне, —
Видят: вся черна дорога:
Отступают басурмане.

Теплой лаской воздух веет,
Синий Ван шумит в прибое.
Все цветет и зеленеет,
Блещет небо голубое.

А вдали за тополями
Приближается колонна:
Над свободными полями
Реют русские знамена.

Гибель Вана ²⁰)

(Июль 1915 г.)

Отошли войска в июле
И с началом отступленья
Курды сразу заглянули
В беззащитные селенья.

Поднялась тревога в Ване:
– Ах, зачем ушли отряды? –
И ворвались мусульмане,
Избивая без пощады.

Загорелся город старый,
Шли на улицах сраженья,
Дымной тучею пожары
Охватили все строенья.

По ночам была картина:
Тьма над городом пылала,
Золотая паутина
Волны дыма застилала.

Шум пожара гаммой грозной
С треском выстрелов сливался.
И, грустя в лазури звездной,
Месяц дымкой закрывался.

На смерть резались армяне,
В пламя женщины бросались.
Наконец в сожженном Ване
Лишь развалины остались.

Да обобранные трупы –
Грабежа немые знаки,
Стен обугленных уступы,
Злые кошки, да собаки.

Город страшный и унылый
Давит смертною тоскою,
Веет запахом могилы,
Дышит мерзостью людскою.

Только солнце с небосвода
Ту-же ласку излучает,
И бессмертная природа
Ничего не замечает.

А в а н ц ²¹⁾

Берег. Пристани остатки.
Полусмытые мостки.
Камни, бревна в беспорядке,
Барж изломанных куски.

Светлый Ван на гравий плещет,
И хрустальная волна
Глубью призрачной трепещет,
Светит проблесками дна.

Все спокойно. Вот селенье:
Жмутся домики к воде.
Лезк ²²⁾ желтеет в отдаленье,
Бродят люди кое-где.

Все спокойно. Бродят люди.
Шепчет с ветром светлый Ван.
А давно-ль под гром орудий
Турки били здесь армян?

Отошли назад отряды,
Курды к Вану подошли
И повсюду без пощады
Разоряли, били, жгли.

Ванцы к пристани спешили,
Чтоб спастись через Ван.
Турки войском окружили
Обезумевших армян.

Баржи, полные народу,
Колыхались тяжело,
От стрельбы спасаясь в воду.
Все тонуло и плыло.

Шум прибоя, стоны, крики,
Плач, угрозы и мольбы,
Все сливалось в грохот дикий
Беспорядочной борьбы.

Все мужское истребляли,
Чтоб пропал армянский род,
Женщин в баржах отправляли
И топили в свой черед.

.....
Все прошло. Никто не спросит,
Сколько жатвы смерть взяла.
Только Ван порой выносит
Полусгнившие тела.

Да порою ветер стонет,
Про минувшие бои, —
Словно озеро хоронит
Жертвы бедные свои.

Л е з к 22)

Когда царица Шамирам 23)
С царем Ара 24) на век простилась
И по долинам и горам
В обратный путь к себе пустилась,

Ее вниманье приковал
Кривой утес над синим Ваном:
Он посреди окрестных скал
Стоял понурым великаном.

Под ним другой, как клюв орла,
Из ската вырос горделиво.
Их оба речка обвила,
Змеей сбегая до залива.

И вот решила Шамирам
Здесь имя милого прославить
И на скале священный храм,
Как вечный памятник, поставить.

И ход подземный провела,
Пробив утес трубою тесной
Туда, где Ванская скала
Темнеет кручею отвесной 25).

Была царица влюблена,
Но милый был погублен ею
И тело мертвое она
Взяла добычею своею.

Целуя раны у него,
Она о нем богов просила,
Но жизнь угасшую его
Ее любовь не воскресила.

И вот, чтоб боли врачевать,
Она жрецам своим велела
Людские раны целовать
И кровь вылизывать из тела.

.....

Прошли века, и чуждый храм
Часовней бедною сменился,
Но все-ж обычай Шамирам
В людском сознании сохранился.

Два раза в год к часовне той
Армянки сходятся толпою,
К иконе Матери Святой
Склоняясь с верою слепую.

Их от бесплодья, ран, невзгод
Моление это выручает,
И "Лезк", как думает народ
Лизанье ран обозначает.

Внизу к скале прислонена
Часовня с клинописью древней:
Как кубик глиняный, она
С горы сереет над деревней.

Скала по-прежнему стоит
И также смотрит клюв орлиный.
И их потресканный гранит
Далеко виден над долиной.

Сверкает Вана ширина
В сиянии солнечного блеска,
И вековая тишина
Объемлет памятники Лезка.

На Ванском озере

Взгляни на озеро, когда за облаками
Нырнет солнышко, то прячась, то светя,
И волны пенятся, вскипая гребешками,
И ветер гонит их, вздымая и катя.
Оттенки синие, зеленые отливы,
И змейки золота, и вспышки огоньков,
И глубы призрачной живые переливы,
И отражения бегущих облаков,
Пучины ропщущей глухое бормотанье,
И шум у берега, где падает прибой,
И звуков смешанных в пространстве нарастанье,
Все слуху кажется какою-то борьбой.

Послушай озеро, когда под ураганом
В глубокой тьме оно бунтует и шумит.
Как хор, поддержанный невидимым органом,
Оно аккордами таинственно гремит.

Валы на гравии размеренно грохочут,
Как будто бурею волнует ближний лес,
И злые демоны загадочно хохочут
В зловещей музыке встревоженных небес.
Удары, хлопанье, стенания глухие
И вздохи струнные, как арфы перебор. —
Как будто с бездною незримая стихия
Ведет внушительный и грозный разговор.

Взгляни на озеро, когда в нем опрокинут
Лазурно блещущий бездонный небосвод,
И берег в воздухе как будто-бы придвинут
Над гладью светлою синеющихся вод.
Стальные полосы поверхности зеркальной
И мгла подводная с зеленой глубиной,
Цветные камешки под влагою хрустальной,
И вздохи берега, прилитого волной,
И горы желтые за водною пустыней
В блестящем озере до пят повторены.
И солнце жаркое в молчаньи тверди синей
С землей беседует словами тишины.

ВАНСКАЯ СКАЛА ²⁶⁾

I

Надпись Ксеркса ²⁷⁾

Скала имеет вид большого корабля,
Склоненного на борт и тонущего в море.
По верхнему хребту род древнего кремля:
Черта зубчатых стен в причудливом узоре.

На южном срыве скал над городом видна
Огромная плита с узором клинописным.
Как памятник, влечет внимание она
На фоне желтых глыб крутом и живописном.

Ученые прочли ту надпись на скале:
– "Велик наш бог Ормузд²⁸⁾, все небо сотворивший,
Сильнейший из богов, принесший жизнь земле
И милостью своей нам счастье подаривший.

Он сделал и меня властителем земли,
Единственным царем над многими другими.
Я – Ксеркс, великий царь и близко и вдали,
Сын Дария²⁹⁾ царя, чье вечно славно имя.

Сказал великий Ксеркс: Ормузд отцу помог:
Свершил он много дел и памятник поставил,
А надпись сделал я. Молю, чтоб добрый бог
Нас помощью своей во веки не оставил". –

Тот памятник³⁰⁾ исчез, а надпись все цела
Свидетелем немым ушедшего народа.
Вдали синее Ван, и древняя скала
Стоит, как вечный страж у запертого входа.

II

Пещера царя Менуаса³¹⁾

Тропинка по валу от города вьется,
Взбираясь на первую складку утеса,
К зубчатой стене по обочинам жметя
И лезет по каменным ребрам откоса.

Взбирается кверху, срывается книзу,
Крутыми ступеньками к пропасти сходит,
Ползет вперегиб по косому карнизу
И лестницей скользкой к пещере выводит.

Пещера с подъездом: крутые ступени.
Большая площадка. Под нею обрывы,
И город с толпой плоскокрыших строений, –
Сады, берега, голубые заливы.

Ступени – как ребра, и дверь – как ворота,
Следы косяков и большого засова.
Пещера – как зал: выбивная работа.
В стене углубление в виде алькова.

Карниз окаймляет навес потолочный –
Весь в ямках и трещинах, темно-пятнистый;
Изъедены выступы влагой проточной,
И стены кругом исписали туристы.

Четыре проема для комнат глубоких,
В них вырубки камня, как будто гробницы:
Немые следы поколений далеких,
Отхлынувшей жизни глухие страницы.

III

Северный склон

Отсюда назад подымает дорожка
И стену проходит сквозною дырою.
Там северный скат, крутоватый немножко;
Две сводчатых ниши ³²⁾ видны под горою.

Развалины церкви, большая долина,
Широкое озеро, камни и горы;
Вверху цитадель и зубцы рavelина,
Дома, минарет, крепостные затворы.

Чернеются трубы на глиняных крышах.
Внизу по дороге разбросаны пули.
Под склонами клинопись в каменных нишах
И старые пушки в грязи затонули.

IV

Крепость ³³⁾

У озера речка сбегает в болото.
Дорога местами водою залита.
Большая постройка, — остатки чего-то:
Покрытые клиньями глыбы гранита ³⁴⁾.

От озера к крепости всходит дорога
Сначала открыто, потом за стеною:
Подъем постепенный, неровный немного.
В зигзаги сплетается лентой двойною.

Отсюда уж видно далеко равнину
И синие воды широкого Вана,
Скалистый Вараг, и речную долину.
И темя подножий седого Сипана ³⁵⁾.

Тропинка внизу переходит болото,
И лужицы искрятся в солнечном свете.
На верхнем подъеме большие ворота,
А вправо за гребнем верхушка мечети.

Разбитые стены из глыб взгроможденных,
Старинные пушки и пасти развалин,
Безглазые лики домов поврежденных.
Весь вид живописен, но дико печален,

И погреб, разбитый чудовищным взрывом,
Весь черный от пороха, страшный, изрытый,
Угрюмо темнеет вверху над обрывом
Обломками балок и камня покрытый ³⁶).

Дорога наверх по рассевшимся глыбам
Сгибается вправо крутым поворотом,
Потом под карнизом широким изгибом,
Площадкою сходит к пещерным воротам.

Ворота направо, отверстие прямо:
Две крупных пещеры ³⁷): широкие входы.
В них кучи обломков и сгнившего хлама,
Неровные стены, огромные своды.

На каменных ядрах помет голубиный,
И сырости запах, и мгла полусвета,
И эхо подземного отзвук глубинный:
Как грозно красиво и странно все это!

Какие титаны здесь камень долбили?
Какие владыки их рыть заставляли?
Какие цари здесь схоронены были?
Какие жрецы здесь богов умоляли?

V

Хорхорские пещеры ³⁸⁾

На западном выступе бурые склоны.
Извилины трещин. Гранит ноздреватый.
На гребне высоком, как зубья, — утесы,
На глыбах размытых потоков синеватый.

От выбоин в камне неровные тени,
И осыпи щебня в расселинах снизу.
Спускаются сверху, как ребра, ступени
И узкой тропинкой ведут по карнизу.

И чахлая зелень, и кустики ивы,
Узорчатый мох на изъеденных плитах,
И снова ступеньки, и снова обрывы
И скаты с обвалами камней разбитых.

Вот ниша... Таблица... ³⁹⁾ какие-то двери, —
Следы косяков и гранитная рама:
Глубокая впадина в темной пещере, —
Как будто притвор разоренного храма.

С работой людскою здесь слита природа
В законченных формах своих очертаний.
И древняя надпись пестреет у входа
Полосками клинышков всех сочетаний.

Пещера большая: пять комнат глубоких
С причудливо темным пятнистым плафоном.
Квадратные ниши в простенках широких
И треснувший пол с незаметным уклоном.

Под этой пещерой в обрыве другая,
Но к ней уж опасно и трудно спуститься:
Ступеньки склоняются, книзу сбегая,
И можно, скользнув, под обрыв покатиться.

Пещера такая-же, меньше немного,
И ниже отвесная круча темнеет,
Но тут уж совсем обвалилась дорога,
И даже козел проскочить не сумеет.

Здесь жили когда-то, здесь люди скрывались,
Царей хоронили, природе молились,
Отсюда в другие места поднимались,
Куда уж тропинки давно обвалились.

Какая работа! – в гранитной породе
Устроены ходы, и выбиты стены,
И память о вымершем древнем народе
Не стерли бегущих веков перемены.

Вечер над Ваном

Солнце вечернее, солнце румяное,
Розовым золотом нежно повитое.
Озеро яркое, озеро странное:
Ало-зеленая сталь.
Солнце, полосками тучек прикрытое,
Светло-горящее, ало-туманное,
С огненной зорькой пыланием слитое
Воздух - кровавый хрусталь.

Яркие змейки в воде разбегаются,
Синие тени от скал потянулись,
Пятна снегов на хребтах зажигаются,
Мглится лиловый Сипан.
В озере отсветы гор окунулись,
Тени в прозрачную дымку сдвигаются.
Солнце спускается. Тени качнулись.
Солнце уходит за Ван.

Гаснет заря за лиловыми тонами,
Блекнут и тают отливы цветистые.
Хлопья тумана над хмурыми склонами
Стелются дымною мглой.
Небо темнеет, и звезды лучистые
Точно алмазными блещут коронами.
Озеро меркнет, и призраки мгlistые
Реют над Ванской скалой.

А р д а м е т ⁴⁰⁾

Поверхность успокоенного Вана
Покачивает нити переливов.
И в воздухе прозрачном до обмана
Все сине над зазубринами гор.
И берег с перегибами заливов,
Вершинами соседнего Вастана ⁴¹⁾.
И пятнами причудливых обрывов, —
Как старый гобеленовый ковер.

Над озером у берега стоят
Развалины забытой Артемиды ⁴²).
Террасами спускаются подряд
Старинные сады Семирамиды ⁴³).

Ветвисто зеленеют тополя
И высятся сквозящими рядами,
И озеро волнами хрустала
Внизу переливает за садами.

Канавы переполнены водой,
С журчанием бегущей под мостками
И отзвуками жизни молодой
Беседуют деревья с ручейками.

И шорох перепутанных стеблей,
И звуков отдаленных переключки
В ветвистых переплетах тополей
Задорно пересвистывают птички.

И щетки разрастающихся трав
Булыжные постройки оттеняют,
И стоки из запущенных канав
Зеленые низинки наводняют.

Террасы опускаются везде,
Заросшие тенистыми кустами,
И четко отражаются в воде,
Играя переливными цветами.

И Ванская прозрачная волна
Подрытые уступы оmyвает,
Просвечивает камешками dna
И к берегу, плескаясь, приливает.

За озером серебряный Сипан
Желтеет оголенными боками
И кутается в призрачный туман,
Вершину прикрывая облаками.

И полосы синеют в серебре
Зеркально переменчивого Вана,
А каменная кладка на горе
Чернеется, как башня великана ⁴⁴).

И берег подымается грядой
С развалинами древней Артемиды,
И чудно зеленеют над водой
Висящие сады Семирамиды.

И, солнечною лаской упоенный,
Весь берег испаряется и дышит,
И с сумраком под сеткою зеленой
Играет затеняющийся свет.
И озеро сверкания колышет,
И, влажным ароматом напоенный,
Задумался о прошлом и не слышит
Волнующейся жизни Ардамет.

А Х Т А М А Р ⁴⁵)

I

Монастырь ⁴⁶)

Дремлют горы Курдистана
В сизой мгле воздушных хмар.
Дремлет в светлой глади Вана
Древний остров Ахтамар.

Остров желто-буроватый,
Птиц кочующих приют,
Весь шершавый и горбатый,
Точно тонущий верблюд.

Переливчато синеет
Вод серебряная ширь,
В складке острова темнеет
Живописный монастырь ⁴⁷⁾.

Видны стены грубой кладки
Из растрескавшихся плит.
На обстроенной площадке
Церковь древняя стоит.

Купол острый, восьмигранный,
Окна в рамках и карниз,
На стенах рисунок странный
И кругом богатый фриз.

Ряд узорчатой скульптуры
Опоясывает храм,
Крупной высечки фигуры
Выступают по стенам:

Голиаф, Адам и Ева,
Змей, ползучий виноград,
Иисус, Святая Дева,
Древних мучеников ряд.

Под карнизом пояс ровный, —
Вязь фигурных завитков.
Строгость линий. Стиль церковный.
Настроение веков.

Две пристройки. Вход. Колонны.
Купол с светлой пустотой.
В алтаре, кресты, иконы
И орнамент золотой.

Фресок темные узоры;
Ниши; выемы дверей.
Сверху каменные хоры
С горельефами зверей.

Все и здесь пришло в упадок, —
Все ограбила война.
Но и этот беспорядок
Освящает тишина.

Только голуби воркуют,
Да в иконах алтаря
Лики скорбные тоскуют
О беде монастыря.

А снаружи за стеною
Спит над озером Сипан
И немолчною волною
Плещет в берег синий Ван.

Греет солнце вечной лаской,
Ходят тени облаков
И на душу веет сказкой
Улетающих веков.

II

Легенда ⁴⁸⁾

В южном склоне Ахтамара
Входит в озеро скала.
Там красавица Тамара
В башне каменной жила.

В известковом желтом сланце
Есть следы ее руин,
А напротив в Патаканце ⁴⁹⁾
Жил красавец армянин.

Каждый вечер к Ахтамару
Он впотьмах переплывал
И, любя свою Тамару,
Ей отвергнут не бывал.

Помолившись жарко Богу,
В лунном свете и во мгле
Он прокладывал дорогу
К старой башне на скале.

Не испытывал он страха,
Никогда не уставал,
Не боялся волн размаха,
Не боялся бурь и скал.

Воду грудью рассекая,
По зыбучей глубине
Плыл он к башне, где, сверкая,
Лампа теплилась в окне.

Муж Тамары не был дома.
С ней жила одна свекровь:
Ей была уже знакома
Юной женщины любовь.

И у входа ночевала
Чутким сторожем она,
А Тамара это знала
И ложилась у окна.

И звездою путеводной
Оставляла огонек,
Чтобы друг во тьме холодной
Отыскать дорогу мог.

Посмотри на Ван уснувший
В час, когда плывет луна:
Блеск, в лазури потонувший.
Чуть колышет глубина.

Океан небес безбрежный
Блещет в зеркале пучин:
В этот час к подруге нежной
Плавал юный армянин.

Посмотри на Ван огромный
В час, когда луна темна:
В смутном мраке ночи темной
Дремлет черная волна.

Лишь вдали на Ахтамаре
Яркий светится глазок:
В эту тьму к своей Тамаре
Плавал он на огонек.

Посмотри на Ван полночный
В час, когда растет туман:
Меркнет месяц в мгле молочной,
Всюду мутный океан.

Исчезает проблеск белый.
Мгла все гуще, все темней:
В эту муть любовник смелый
Плавал к звездочке своей.

Посмотри на Ван шумящий
Бурной ночью в тьму и мглу:
Бьется с ревом вал гремящий
В Ахтамарскую скалу.

Рвет и мечет вихрь ужасный,
Берега грызет прибой:
В эту жуть любовник страстный
Плавал, жертвуя собой.

*
* * *

Глаз внимательной свекрови
Предавался часто сну,
А Тамара наготове
Лампу близила к окну.

Иногда свекровь ворчала:
– Свет зачем не гасишь ты? –
А Тамара отвечала:
– Я боюсь темноты. –

– Ну, на что это похоже
Лампу жечь на берегу:
Могут видеть!... – Ну так что же?
Спать в потемках не могу. –

И свекровь, устав от свары,
Погружалась в сладкий сон,
А потом у стен Тамары
Выходил на берег он.

Тьма ночная все скрывала:
Их любовь была полна.
Слух старухи колдовала
Мерно звучная волна.

Видеть их скала мешала,
И под плеск и лепет струй
Песня ночи заглушала
Их горячий поцелуй.

Вон залив – приют укромный, –
Сходит в воду серый склон:
Там к Тамаре ночью темной
Подплывал усталый он.

Вон терраса вся в обломках, –
К бурым камням льнет волна:
С милым другом там в потемках
Ветер слушала она.

Посмотри на скалы эти! –
Вот пещерка в их тени:
Там у волн при лунном свете
Обнимались они.

Днем туда длинна дорога,
И еще длиннее в тьму:
Лишь любовь, да вера в Бога
Помогали плыть ему.

Ночью раз свекровь проснулась:
У Тамары видит свет.
Осторожно в дверь толкнулась,
Смотрит в щель: Тамары нет.

Подошла к окну старуха.
Слышит: плещется волна,
И загадочно для слуха
Что-то шепчет тишина.

Кто-то плачет и смеется,
Кто-то стонет и грустит:
Будто ключик где-то льется,
Будто тополь шелестит.

Обошла вокруг башни стену:
Нет Тамары. Ночь темна.
И любовную измену
Заподозрила она.

А когда пришла Тамара,
Ночь была уже светла,
И вдали от Ахтамара
Точка черная плыла.

Зорька алая блистала,
Сумрак начал пропадать.

.....
Упрекать свекровь не стала,
Но решила наблюдать.

Вот однажды ночью черной
Гневный Ван заклокотал.
Ураганом ветер горный
Рвал, буравил и метал.

Ветер бешено крутился,
Но пловец не унывал:
Огонек вдали светился
И надежду придавал.

Лампа тлилась и чадила,
Вихорь пламя рвал и тряс,
И Тамара все следила,
Чтоб светильник не погас.

Но нечаянно уснула:
Милый был уже недалек.
К ней старуха заглянула
И задула огонек.

Видит бедный: Божья кара.
Свет погас. Дороги нет.
И заплакал:— Ах, Тамара!
Ах, Тамара! где твой свет?—

* *
*

Нет отваги без предела,
Нет и силы без конца:
Погибать пора приспела
Для бесстрашного пловца.

Злился ветер, как безумный,
Брызги пенные срывал,
И в борьбе с стихией шумной
Человек ослабевал.

В вихре бурного кошмара
Луч надежды затая,
Он тонул и звал:— Тамара!
Ах, Тамара, жизнь моя! —

Есть у сердца глаз недремный,
Есть в душе особый слух:
Сердце видит ночью темной,
Зов из гроба слышит дух.

Стукнул ветер. Дверь качнулась
И пахнуло из окна.
Вздрыгнув вся, она проснулась,
Видит: комната темна.

Слышит: буря волны гонит,
Ван бунтует и ревет.
В шуме ветра кто-то стонет,
Замолкает, вновь зовет.

В сердце вдруг, как от удара,
Горячо толкнула кровь:
К двери бросилась Тамара,
Но за ней спала свекровь.

Быстро прыгнула в окошко:
Ночь как пасть, везде вода.
– Ах, скорее! Ах, немножко!
Милый! Сердце! Ай! Сюда!–

– Ах, Тамара! нет уж силы!
Без огня дороги нет. –
– Здесь я, здесь! скорее, милый!
Ах, зачем погашен свет?–

По камням она спешила,
Оступалась и звала,
А его волна глушила,
Заливала и влекла.

Над водой мелькнул он низко.
Взмах руки и слабый стон.
– Милый! Радость! Близко! Близко!–
Но ее не слышал он.

Накатился вал громадный,
Взмыл, разбился, забурился
И в пучине беспощадной
Сразу плившего залил.

Как в котле, волна кипела,
Точно полная бедой,
И Тамара вдруг запела,
Вдруг запела над водой:

– Нет! ты мой и за могилой;
Свет погас, как жизнь моя.
Я с тобой, любимый, милый!
Я – Тамара! Я – твоя!!–

И она, не зная страха,
Сердцем Бога призвала,
В волны кинулась с размаха
И любимого нашла:

Вместе с ним в пучине темной,
Смолкнув, встретилась она,
И ее волной огромной
Захлестнула глубина.

Гнало волны перекатом,
Гнало тучи в высоте,
Эхо горное раскатом
Грохотало в темноте.

Грозно буря бушевала,
А свекровь огонь зажгла
И Тамару звала, звала,
Но Тамара не пришла.

* *
*

Дремлет остров в синем Ване
В красоте воздушных чар,
И его с тех пор армяне
Называют: – Ах, Тамар! –

—○*○—

На лодке по Вану

На лодке по Вану я плыл без желаний и цели,
И утлое судно лениво качала волна.
И доски в шкафуте ⁵⁰⁾ под мачтой тихонько скрипели
И хлюпали струйки в обшивку дощатого дна.

Змеистыми нитями морщилась зыбь переливом
И парус на рее без ветра едва полоскал,
И Ван многоводный зелено-лазурным разливом
Алмазными вспышками ярко на солнце сверкал.

Под черною лодкою синяя бездна светилась
И отблеск стеклянный на сгибах волны отливал,
Под солнцем сияющим светлая даль золотилась
И берег нагорный тихонько назад уплывал.

И волны спокойные гаммой оттенков играли;
Чеканной резьбой серебрились снега берегов;
Упругие весла глубоко струю забирали
И пенили воду в воронках бегущих кругов.

Дымок очага подымался струею из трюма,
И чайник над пламенем тихо ворчал и кипел
Матросы на веслах, сгибаясь, молчали угрюмо,
Казак на носу немудреную песенку пел.

Бакланы и чайки ⁵¹⁾, кружась над водою, кричали,
И утки ныряли, охотничье сердце маня,
А лодку все тише дремотные волны качали,
Ленивою грезой баюкая плавно меня.

Ленивые грезы, как тихие волны, струились
И мыслей обрывки терялись, как тени в воде,
И отблески жизни, как мошки на солнце, роились.
Глаза закрывая, я был и везде и нигде.

Хотелось порою подняться навстречу баклану,
Хотелось порою, как якорь, в воде утонуть,
Хотелось, как пена, качаться по синему Вану,
Как ветер упавший, под парусом сладко уснуть.

Хотелось на время оставить труды и тревогу,
Забыть треволенья и жизни докучливый шум,
И плыть без заботы, отдавшись природе и Богу
Во власти волны и волной убаюканных дум.

С л е п а я ⁵²⁾

В разоренном армянском селенье
Задержался отряд отдохнуть,
Казачьи добровольцы, солдаты
Разбрелись по дворам заглянуть.

Перерезали жителей курды,
Все добро перерыли до дна,
Лишь в одной полутемной пристройке
Уцелела старуха одна.

Уцелела старуха слепая
Посреди перебитой семьи,
Не смотря на свое истощение
И на дряхлые годы свои.

Уж неделю она голодала,
И, не в силах подняться с земли,
Только слухом едва угадала,
Что какие-то люди вошли.

А вошли добровольцы армяне,
И их оторопь сразу взяла:
Трупный запах душил нестерпимо, —
Вкруг старухи валялись тела:

С перерезанным горлом мужчина,
Молодая армянка в белье,
Две задушенных девочки, мальчик
И младенец в кровавом тряпье.

А старуха лежала живая
И, услышав вошедших армян,
Шевельнув головой, застонала:
— Ай, Нана!.. Арташес!.. Ай, Оган!.. — ⁵³).

Добровольцы ее расспросили,
Но слепая твердила одно, —
Что ее позабыли родные,
Что ее не кормили давно.

Перед ней истерзали невестку,
Перед ней задавили внучат,
А старухе в потемках казалось,
Что они меж собою кричат.

Перед нею зарезали сына,
А она упрекала его,
Что ушел он зачем-то из дома
И поесть ей не дал ничего.

Простирая беспомощно руки,
Как ребенок, стонала она
И по несколько раз повторяла
Перебитых родных имена.

Добровольцы смущенные вышли, —
Их незрячий преследовал взгляд,
А селенье уже опустело:
Уходил отдохнувший отряд.

И один армянин воротился,
Зарядивши патроном ружье.
На полу шевелилась старуха.
Он печально взглянул на нее.

На полу шевелилась старуха,
Трупный запах чуть с ног не валил...
Армянин помолился, заплакал...
И не глядя ее пристрелил.

Бен - димаху ⁵⁴⁾

Из Вана есть широкая дорога:
На север путь ведет к Бегри-кале ⁵⁵⁾.
По сторонам остатков всяких много
Пестреет на земле:

Обломки арб, разбитые кадушки,
Котлы, тазы, корзинки, башмаки,
Баранья шерсть, тюфячные подушки
И рваные мешки;

Там старый полсть, там брошенная зыбка ⁵⁶⁾,
Там труп быка, ободья от колес,
Там черепа – безглазая улыбка,
И пряди женских кос.

Лежат тела, – уродливые позы,
И тленный дух волнует и гнетет.
Журчат ручьи, – как будто льются слезы,
И в поле хлеб растет.

Пошли холмы. Дорога в гору вьется.
Кругом обрыв и скалы наверху,
И по камням внизу бурливо льется
Река Бен-димаху.

Не хватит слез, бессильны выраженья
И красок нет, чтобы все нарисовать:
Видны следы ужасного сраженья,
Каким уж не бывать.

С дороги здесь в одну сплошную груду
Сгребли мужчин, и женщин и детей.
В камнях, в воде белеются повсюду
Остатки их костей.

Здесь часть армян, отставших от отряда
Настигла смерть от вражеской руки,
Здесь их казнила курдская засада
В извилинах реки.

.....

Тепло и тишь. И думою печальной,
Как-бы в ответ свершенному греху,
Шумит трава, и песенкой хрустальной
Журчит Бен-димаху.

Колыбельная песня

(1915 г.)

Баю-бай, баю-бай, баю-бай!
Спи, мой сын! я с тобой! ты со мной!
Баю-бай, баю-бай, баю-бай!
Спи, дитя! спи, дружок! спи, родной!

Баю-бай, баю-бай! Тишина:
Даже озеро волною не плеснет.
Баю-бай, баю-бай! ночь темна,
Только сердце до рассвета не уснет.

Баю-бай! я боюсь! Боже мой!
Где отец? не пришел! мы одни!
Баю-бай! не узнать-ли самой?
Ай, стучат!.. Тише! спи! спи! усни!...

Баю-бай, баю-бай! Ах! Ован!!
Жив, мой бедный? Для чего мы здесь дрожим?
Баю-бай, баю-бай! страшен Ван!
Турки, турки!!.. Ах, скорее убежим!

Баю-бай, баю-бай, баю-бай!
 Ранен ты? кровь на лбу! милый мой!!
 Баю-бай, баю-бай, баю-бай!
 Скоро ль день? Спи, сынок! Спи, родной!!

ВАРАГСКИЙ МОНАСТЫРЬ ⁵⁷⁾

I

Стоит он под горой на выступе оврага
 За склонами холмов, встающих из полей,
 На фоне бурых скал зубчатого Варага
 Средь верб и тополей.

Обрушен свод ворот. Везде остатки хлама.
 В постройках окон нет. Изрыт широкий двор.
 Но каменный фасад поруганного храма
 Прекрасен до сих пор.

Какая кладка стен! какой рисунок линий!
 Три арки на столбах. Ступени сходят вниз.
 Оттенок куполов оранжевый и синий.
 Обломанный карниз.

Мозаика дверей. Сквозной проход притвора.
 Лепной орнамент стен. Угрюмый, темный фон.
 И двухколонный свод старинного собора
 В красе стенных икон:

Вот древний царь Абгар ⁵⁸⁾ — с Ним Спас не-
рукотворный;

Мучитель Тиридат; Великий Константин;
 Святая Гаянэ — лик нежный и покорный,
 И ряд других картин.

Спаситель, Моисей и Иоанн Креститель,
Рипсимии лицо – святая красота;
Сандухта, Григорис, Григорий просветитель ⁵⁹⁾:
Все воины Христа.

Наивный склад фигур ⁶⁰⁾, коричневые тоны,
И фресок темный цвет набрасывает мглу.
Горелые куски и рваные иконы
На каменном полу.

Армянские кресты и надписи на плитах
Отмечен в их словах одиннадцатый век.
Вот царь Сенекерим ⁶¹⁾, вот ряд могил за-
бытых...

Ничтожный человек!

Обугленный багет, изломанный орнамент,
Разрушенный алтарь, и в нем изрытый пол,
И черный, как графит, приподнятый фундамент –
Ограбленный престол,

И клинопись на нем ⁶²⁾: ирония Господня! –
Язычество и крест. И все разорено.
Вчера здесь жил Христос, – осталось сегодня
Язычество одно.

Две церкви по бокам: потемки, паутина,
Колеса и плуги, куски цепей и рам.
А вот еще собор: такая же картина,
Такой же странный храм.

Три купола целы, четвертый обвалился:
Небрежности и лет слепое торжество.
И видно, что давно никто здесь не молился:
Все дико и мертво.

Большой квадратный двор. Журчание фонтана.
Построек новых ряд; в земле обрывки книг;
Изломанный станок печатни Серванцьяна ⁶³).
И дом, где жил "гайрик" ⁶⁴).

II

Я смотрел в Варагском храме
На ограбленный престол
И в сожженном, грязном хламе
Образ сорванный нашел.

Холст овальным медальоном:
Божья Мать: свет лучей,
Нежный лик в платке зеленом
С грустной ласкою очей.

Губы – цвета алой крови.
Нос склоненный и прямой,
Как крутые дуги, брови
Под изогнутой каймой.

Уголок рубашки красной
К шее девственной прильнул.
Взгляд заплаканный и ясный
Мыслью в небе потонул.

И рисунок чуть наивный
И цвета не все верны,
Но какой-то силой дивной
Все черты озарены.

Мать Божья! кто с Тобою
Этой кистью говорил?
Кто с надеждой и мольбою
Образ Твой боготворил?

Сколько слез ты осушила?
Сколько слабых подняла?
Сколько горя потушила?
Сколько радостей дала?

И теперь в забытом соре
Я нашел Твой лик святой
С вечной ласкою во взоре,
С вечно юной красотой.

В этом горе и разгроме
Злой рукой оскорблена,
В разоренном Божьем доме
Уцелела Ты одна.

И с иконы обветшалай,
Тайны прошлого храня,
Ты с улыбкою усталой
Грустно смотришь на меня.

III

А вот еще кусок холста:
Спаситель, снятый со креста,
И три Марии и Иосиф.
Его порвали, в мусор бросив, —
Христос без ног остался в нем
И краски тронуты огнем.
Изорван холст, затерты лица.
Грустна измятая страница
Людской вражды и темноты,
Страданий вечной красоты.

IV

Армянский монастырь Вараг семицерковный
Одна из тех святынь, какими славен Ван.
Его воспел отец Армении духовной
Великий Хримиан ⁶⁵).

Васпураканский царь Сенекерим Арцруни ⁶⁶).
Построив монастырь, почил в нем вечным сном.
Жена его Хушуш из рода Багратуни ⁶⁷).
Создала церковь в нем.

Еще десятый век свидетель основанья
Его высоких стен и светлых куполов,
Хранящих до сих пор печать очарованья
Невысказанных слов.

Над ним неслись века. Событий перемены
Касались и его в молитвенной тиши.
И веру берегли его немые стены,
Как свет своей души.

Он видел смену царств, величье и невзгоды,
И скорбь и торжество и беды христиан.
Как золото, хранят его святые своды
Предания армян.

В нем жил и поучал, работал и молился
Святитель Микиртич – прославленный "гайрик".
Над тайнами легенд в нем Серванцтыян трудился
В кругу старинных книг.

В последнюю войну в его стенах армяне
Спасали жен, детей от варварской резни ⁶⁸).
Их кровь лилась рекой в селениях и в Ване
В те памятные дни.

Его не пощадил народ искоренитель:
Он курдскою ордой ограблен дочиста ⁶⁹).
В развалинах стоит сожженная обитель
Печальна и пуста.

Вдали синее Ван. Хребты встают стеною.
Безмолвен монастырь, забыт и одинок.
Молчит бывшая жизнь, и только с тишиною
Болтает ручеек.

За ширью светлых вод седой Сипан маячит,
Темнеют под горой постройки и сады.
И чудится душе, что кто-то горько плачет
Под жалобу воды.

В о с т а н ⁷⁰)

С Топрак-Калы ⁷¹), как с древней пирамиды,
Широкий вид охватывает взор:
Вастанский мыс, террасы Артемиды ⁷²).
И озера простор.

Из Вана вьет по берегу дорога
Через поля и выпуклины скал
На сгиб плеча Артосского отрога —
Вастанский перевал ⁷³).

С него видны вершины Курдистана, —
Хаос хребтов, как каменный кошмар,
Изрытый горб — позиции Вастана
И остров Ахтамар ⁷⁴).

Внизу сады в изгибах речки бурной
И переплет распаханых полей,
Волнистый скат и у воды лазурной
Граненый мавзолей ⁷⁵).

Обломки стен, солдатские землянки,
Навесы, скот, солома, склады дров,
Обоз, войска, – все признаки стоянки,
И курево костров.

По склону вверх зигзаги вьет дорога...
Окоп... Блиндаж... Вверху змеистый вал
И часовой, как сторож у порога:
Вастанский перевал!

Ушел назад высокий зуб Артоса.
Вон – Ахтамар, как тонущий верблюд;
Белеет дом в саду каталикоса ⁷⁶⁾
И в берег волны бьют.

Кой-где людьми чернеются высоты.
Внизу дымки, – разложены костры.
Рысит казак, и длинный взвод пехоты
Ползет из-под горы.

Картинный вид, войною порожденный:
Стоят войска и горы стерегут,
И тот порог, их грудью загражденный,
Враги не перейдут.

Здесь треск пальбы привыкли слушать люди
И вражьих сил движения замечать,
Привыкли жить под грохот их орудий
И тем же отвечать.

Священный край. Здесь пролитою кровью
И влагой слез напитаны хребты.
Здесь Божья Скорбь приникла к изголовью
Вастанской высоты.

Стоят войска спокойно и сурово,
И Бог их здесь не даром приковал:
Пройдут века, и живо будет слово:
"Вастанский перевал".

Торжествующий Ван ⁷⁷⁾

В разрушенном городе гром ликования,
Веселый, торжественный шум:
Сбылся народной души упования:
Взят Эрзерум!!!

Объявлена радость войскам и народу
И льется в сердца, как волна, —
Победу героев, успех и свободу
Славит она.

Священник на площади речь произносит.
Толпа умиленно молчит.
Он Богу хваленье народа возносит.
Пенье звучит.

У церкви собрались войска для парада:
Сказать о победе пора.
И всех поздравляет начальник отряда:
— "Ванцы! Ура!!" —

Да здравствуют храбрые русские люди
И к родине наша любовь!
Не даром под грохот победных орудий
Пролита кровь. —

Забыты невзгоды, снега и морозы,
Кровавых сражений пора,
И радостно льются счастливые слезы:
– Ванцы! Ура!!–

Из стен Эрзерума восходит свобода
Россией спасенных армян,
И день окончания рабства народа
Празднует Ван.

Пред этой картиной геройской отваги
Молчит человеческий ум.
И только колышутся русские флаги:
Взят Эрзерум!!

А. К.

ПРИМЕЧАНИЯ

(к "Двери Мехера")

1) "Дверь Мехера" – древний памятник урардо-ассирийской эпохи около города Вана в Турецкой Армении, действительно похожий на глубоко высеченную в крутой скале дверь с порогом и площадкой. С ним связаны легенды более позднего происхождения, из которых армянский народный эпос о Давиде и Мехере сохранился и до нашего времени в многочисленных устных отрывках, частью уже записанных и напечатанных. Есть и курдские варианты, но они мало исследованы. Общее содержание этой легенды взято мною из известных на армянском языке печатных текстов, записанных С. Айкуни и Г. Срванцтианом, и слышанных мною кратких рассказов. Эти тексты по моей просьбе лично переводил мне в Ване с армянского старший хранитель Кавказского музея С. В. Тер-Аветисян, а я записал за ним.

В армянской печати имеются следующие варианты легенды о Давиде и Мехере: 1) "Давид Сасунский, или Дверь Мехера", собрал архимандрит Варагского монастыря (около Вана) Гарегин Срванцтиан (1874 г.). 2) Издание Абехиана (Шуша, 1889 г.) (*). 3) Издание диакона Гарегина (Тифлис, 1892 г.). 4) Издание Б. Халатьянца (Вагаршапат, 1899 г.) и 5) "Давид и Мхер", запись С. Айкуни. Вып. II Эминского сборника 1901 г. (издание Московского Лазаревского института восточных языков). Все эти варианты напечатаны по-армянски. Русский перевод "Давида и Мехера" Г. Срванцтиана, сделанный Г. А. Халатянцем, был напечатан в журнале Министерства народного просвещения за 1881 г. (октябрь) и перепечатан в "Братской помощи" Г. А. Джаншиева.

(*) По варианту Манука Абехиана обработан в стихах В. Брюсовым эпос "Давид Сасунский" (Поэзия Армении. Изд. 1916 г.).

Немецкий перевод помещен в IV книжке "Армянской библиотеки" (Лейпциг, 1887 г.). В области изящной армянской литературы известна стихотворная обработка популярного армянского поэта Ованеса Туманяна "Давид Сасунский" (по нескольким источникам). Кроме печатных вариантов существует еще много устных, т.к. легенда о Давиде и Мехере очень распространена и у армян, и у курдов. В них много анахронизмов, противоречий, пробелов и темных мест, и согласовать их во всех подробностях очень трудно, но основная тема ясна во всей глубине и красоте своей поэтической сущности. На легенду о Мехере и пастухе есть указание и в книге англичанина Х.Ф.Б. Линча "Армения, путевые очерки и этюды, т. II, перев. Джунковской".

2) Ван – название большого горько-соленого озера в Турецкой Армении и областного города того же имени на его берегу.

3) Сипан, Сипан-даг, Субхан-даги. Большая гора (13700 ф.) на северном берегу озера Ван.

4) Эта клинообразная надпись принадлежит древнему Ванскому царю Испуину II (IX век до Р.Х.). Содержит имена богов, которым поклонялись жители города Дуспаса, или Шамирамакерта (Вана), и названия приносившихся каждому из них жертв (Линч).

5) Место это почитается местными армянами и курдами, которые привязывают на веточках кустиков у "двери Мехера" мелкие тряпочки и тесемки, как жертвоприношения.

6) Кунжут – распространенное на Востоке растение, из которого добывается известное масло.

7) Сасун (древн. Сим) ныне провинция в Турецкой Армении к юго-западу от города Муша. По-армянски "Са" – это; "сун" – столб, колонна. По преданию, записанному Срванцтианом, основатели Сасунской крепости (ныне уже не существует) Санасар и Абамелик (в Библии – Адрамелех: IV кн. царств, гл. XIX, 37; прор. Исаи гл. XXXVII, 38; Иосиф Флавий: древ. ист. Иудеев кн. X, гл.1 и 2), воздвигли в ней большую каменную колонну, которая и передала свое название крепости, а затем и всему краю. В позднейшей истории Сасун известен неоднократными избиениями местных христиан (армян) турками и курдами.

8) Батман-су, главная река Сасунской провинции.

9) "Сурб-Карапет". Древний монастырь, к северу от города Муша, основанный св. Григорием просветителем Армении во имя св. Иоанна Крестителя (Карапет по-арм. Предтеча) во время войны 1914-1915 гг. ограблен турками и курдами. Одна из наиболее чтимых святынь всей Армении (по-турецки "Чанки-Килиса").

10) Ныне уже разрушенная древняя церковь севернее Сасуна. Одна из любимых армянами святынь, отмеченная поэтическими легендами.

11) Санасар и Адрамелех (Абамелик). См. примеч. 7. В армянских народных сказаниях много анахронизмов, объясняемых постепенным накоплением неточностей в устных передачах из поколения в поколение зачастую невежественными рассказчиками. В армянских легендах эти герои действуют, как христиане, между тем, как достоверная история относит их к IV век до Р.Х.

12) и 13) Давид и Мехер (Мхер) – Сасунские князья по армянским преданиям христианской эпохи, но есть основания отнести их ко времени более отдаленному, т.к. по тем же сказаниям Давид отделен от Санасара и Адрамелеха не более, как тремя поколениями (см. примеч. 11). Из этих двух имен особенно интересно имя "Мехер", или "Мхер". По древне-армянской и парсийской – (иранской) терминологии имя это произносится еще "Михр" и имеет одно значение со словом Митра (санскритск.), – бог света. Таинственная легенда о Мехере невольно наводит на мысль, не кроется-ли в ней глубокая аллегория, олицетворяющая великие силы природы в живых существах мифических героев. (О боге Мхере, или Михре см. Моисея Хоренского, История Армении). Ср. еще миф о Прометее.

14) Иран – Персия.

15) Нынешний город Кагызман Карсской области.

16) Бродячие певцы у армян называются "ашиками", или "ашугами". Пользуются большим уважением в народе.

17) Тамбура – армянский народный струнный инструмент (бамбирн) похож на мандолину. Играли на нем плоской косточкой.

18) Джелал – волшебный конь. Принадлежность всех древних героических легенд.

19) Персидские ковры.

20) "Дивы", или "дэвы". Загробные существа восточной мифологии, одаренные свойством воплощения в людей и животных. Народная фантазия приписывает им чудесные силы.

21) Рион – река в западном Закавказье (Фазис древних греков). Впадает в Черное море.

22) Сазандары - народные музыканты в Грузии.

23),24),25) Известные грузинские музыкальные народные инструменты: зурна и дудуки – духовые, а чонгури – струнный.

26) Тулумбаш – глава пира у грузин. Воодушевляет пирующих тостами и веселыми речами; следит, чтобы все присутствующие пили вино.

27) Легендарная личность.

28) Нимруд, или Нимруд-даг. Потухший вулкан на юго-западном берегу озера Ван. Знаменит огромным кратером, в котором лежит серповидное озеро. Название намекает на связь с именем древнего героя Библии царя зверолова Немврода (Бэла) – строителя Вавилонской башни. С этим Нимрудом не следует смешивать большой курган Нимруд на р. Тигре в Месопотамии, при впадении в него р. Большой Заб (недалеко от развалин древней столицы Ассирии – Ниневии, что около гор. Моссула).

29) Ценов –оган, Чендж-Гапорик, Хоргусан и Царан-Веги. Братья Давида, легендарные князья Сасунские.

30) Ахлат – город на северо-западном берегу озера Ван, в 25 верстах к северо-востоку от вулкана Нимруда.

31) По народному преданию этот камень имеется в развалинах древней крепости Сасун. Армяне говорят, что по образцу его теперь во всей Армении делаются кубические камни с ямкой по середине для толчения зерен. Объяснение это фантастично, но такие камни действительно встречаются во всех армянских и курдских селениях. Происхождение их теряется в самой глубокой древности.

32) Скала "Ах-Крпи", или "Ак-Кепри" при въезде в Ван со стороны Хоя. Высокий и узкий утес, отделившийся от остального массива, в продолжении которого к востоку находится "Мехер Капуси" (по-турецки), или „дверь Мехера". Массив этот тоже

носит название "Ах-Крпи". В начале легенды подробно описан вид этого памятника, величественного и прекрасного в своей суровой таинственности. Он производит впечатление священного места, как будто у порога его совершались жертвоприношения, а с высоты его жрецы говорили с народом, располагавшимся внизу. Доступ к „двери“ труден.

А. К.

II

ПРИМЕЧАНИЯ

(к Ванским стихотворениям)

1) Ван – областной город Турецкой Армении на берегу озера того же имени. Основан, по преданиям, Семирамидой. Другие его древние названия: Шамирамакерт, Тосп, Дуспас. В июле 1915 года разрушен почти до основания курдами, турками и самими армянами после отхода русских войск. Предлагаемый цикл стихотворений относится к эпохе последней русско-турецкой войны 1914-1915 гг.

2) Ак-кепри. По турецки „белый мост“. Армяне говорят еще Ах-крпи. Отдельная, отвесно выступающая из земли скала при въезде в Ван со стороны Хоя (на северной дороге). Резко бросающийся в глаза памятник природы. О нем существует несколько легенд, настолько наивных и незначительных, что останавливаться на них не интересно. То же название носит и примыкающий к скале горный массив, в восточном продолжении которого в южном склоне находится замечательный памятник древности „Дверь Мехера“ (Легенду об этой „двери“ см. в начале этой книги).

3) Топрак-кала. „Земляная крепость“ (по-турецки). Отдельная скалистая гора над городом садов (Айгестан, или новый Ван). На ней остатки древней крепости 8-го века до Р.Х.

4) Большая скалистая гора на юго-востоке от г. Вана.

5) „Пещера эхо“. По местному „Зым-зым-магара“. Большая пещера по-видимому очень древней постройки. Работа грубая, поражает колоссальностью.

6) Характерные вырубки на многих отвесных скалах Вана, по-видимому предназначенные для лазания при помощи канатов.

7) Постройка недавнего происхождения: турецкий наблюдательный пункт.

8) В 80-х годах здесь делали раскопки немецкие ученые Бельк и Леман. Вырыто много предметов, часть которых расхищена, а часть отправлена в Берлин.

9) Царь Урартийской эпохи (VIII в. до Р.Х.). См. книгу Линча: Армения, т. II.

10) Начало этого хода находится под восточным склоном „Топрак-калы“, где есть большое сводчатое углубление в виде пещеры с остатками древней постройки из крупных сырцовых кирпичей. Жители рассказывают, что начало хода было засыпано по приказанию турецкого паши, т.к. были случаи невозвращения ходивших туда людей, погибавших от удушья.

11) Старый город у южного подножья Ванской скалы. В июле 1915 года разрушен. Это главным образом турецкий квартал: армяне жили в городе садов, так называемом „Айгестане“, в нескольких верстах дальше от озера.

12) Мечеть „Хосровие“. Одна из старинных мечетей, очень красивой постройки. Была в порядке до оттеснения турок из Вана в мае 1915 года. Тут не упоминается о другой замечательной мечети старого Вана – „Улуджамие“, которая разрушена почти совершенно еще до войны 1914-1916 гг. (См. кн. Линча „Армения“, т. II).

13) Древнее царство Урарду (*), или Ван. Халдеи. Нынешние армяне называют их своими праотцами, но исторически это установить трудно. Язык их не армянский. Азбука – клинопись, похожая на ассирийскую.

14) Айгестан. Город садов. Новый Ван. Населен главным образом армянами. (См. прилож. II).

15) Айсоры. Народ халдейского племени, считаемый потомками древних ассирийцев. Рогатые войлоки – характерная верхняя одежда горных айсоров: нечто вроде бурки (светлого цвета) с остроугольно выкроенными плечами.

16) Памятные для Ванских армян дни конца апреля 1915 года, когда они успели кое-как продержаться против осаждавших их турок, пока не подошли русские войска (отряд генерала Николаева).

(* Урарту.

17) Ван — озеро.

18) Экстренная мера, принятая организаторами самообороны для укрепления духа осажденных.

19) Большие турецкие казармы. Вообще турки в самом Ване войск своих не держали, а располагали их на ближайших высотах вокруг города, держа его под постоянной угрозой обстрела своих орудий.

20) Окончательный разгром Вана произошел в июле 1915 года, когда русский отряд временно должен был отойти. Началась общая паника под натиском осмелевших турок и курдов. Погибло множество народу. Город был подожжен главным образом самими же армянами, чтобы скрыть под развалинами зарытое в ямы имущество.

21) Аванц, или Искеле. Армянское селение в 6 верстах от города Вана. Лежит на берегу озера. Служит постоянной пристанью для города. Жители его занимаются рыболовством и каботажным плаванием по озеру.

22) Лезк, или Леск. Армянское селение в 2-х верстах от Аванца. Там же большая скала, на которой, по преданию, Семирамида построила храм. Видны остатки каменной кладки.

23) Шамирам, по-армянски Семирамида. Древняя царица Ассирии. С ее именем в Ванском районе связано много древних сооружений.

24) Ара Прекрасный. Древний царь армянский, сын царя Арама; современник патриарха Авраама (евр.).

25) Начало этого подземного хода на Лезкской скале открыто берлинскими учеными Бельком и Леманом. Ход пробит в отвесной скале, но теперь завален камнями.

26) Большая длинная скала между городом Ваном и озером. На ней стены древней крепости. Замечательна своими пещерами и клинописями.

27) Надпись на трех языках. Подробное описание см. Линча: Армения, т. II.

28) Ормузд. Верховное божество древних персов. Олицетворение доброго начала в мире.

29) Известный древний царь Персии Дарий Ахеменид.

30) В декабре 1915 года у подножия северного склона Ванской скалы найдены обломки большой древней гранитной статуи персидско-ассирийского типа. Трудно утверждать, но возможно, что в том же роде был и памятник Дария Ахеменида, о котором говорит надпись. Обломки этой статуи отвезены г. Тер-Аветисяном в Кавказский музей.

31) См. Линча: Армения, т. II. Описание Ванских пещер.

32) Ниши эти, из которых в одной имеется клинопись времен царя Сардура I, называются по-турецки "Хазане Капуси", или врата сокровища. См. Линча.

33) Древняя крепость на Ванской скале. Стихотворение описывает ее довольно подробно. Состоит из двух отдельных частей (см. стих. "Северный склон", 7-я сверху строка: "Вверху цитадель и зубцы рavelина").

34) Остатки древней циклопической стены, сложенной из отдельных глыб. Предание приписывает эту постройку Семирамиде, но две уцелевших клинописи упоминают о царе Сардуре I (X века до Р.Х.).

35) Сипан, или Сипан-даг. Большая гора на северном берегу Ванского озера (13700 ф).

36) Взрыв произошел от неосторожности зашедших в погреб трех казаков. Это случилось в октябре 1915 г. Действие его было ужасно. Тремя последовательными ударами уничтожило все ближайшие постройки и далеко разбросало обломки, камни, железо и свинец.

37) Пещеры "Нефть-койю". (См. Линча: Армения, т. II).

38) Очень красивые, тщательной работы пещеры, судя по надписям, времен урардийских царей. Подробно описаны Шульцем (см. Линча: Армения, т. II, описание пещер). "Хорхор" по-халдейски "производить раскопки".

39) Клинопись отчетливо сохранилась на твердом отшлифованном камне. Надписи переведены англичанином Сэйсом (см. Линча).

40) Ардамет – Артемида, или Адрамит. Турецкое селение на берегу Ванского озера в 18 верст. на запад от города Вана. Очень красивое расположение. По преданию основано легендарной

Семирамидой, построившей здесь целую систему уступчатых террас, засаженных садами, называвшимися висячими. Летняя резиденция Семирамиды (см. Линча).

41) Турецкое селение Вастан в 42 верстах к западу от г. Вана. По-арм. Востан.

42) См. примеч. 40.

43) См. примеч. 40.

44) По преданию там был храм богини Анаид (Артемиды-Дианы). Верхняя плоскость холма вымощена большими каменными кубами.

45) Красивый скалистый остров на Ванском озере недалеко от Вастана.

46) Древний монастырь X века по Р.Х. (см. Линча).

47) См. примеч. 46. Описан подробно у Линча.

48) Старинная легенда, известная и у армян, и у курдов. Поэтически обработана армянским поэтом Ованэсом Туманьяном. Обработка Туманьяна на русский язык переведена К. Бальмонтом. Тамара, по-арм. Тамар (жен. имя).

49) Теперь этого селения нет.

50) Морское выражение. "Шкафут" – часть палубы, где укреплен мачта.

51) Бакланы и чайки водятся на Ванском озере в большом количестве. Особенно много их ютится в скалах островов Ахтамара и Артера (западнее Ахтамара).

52) Действительный случай 1 мая 1915 года в сел. Корсот между Бегри-Калою и Ваном. Рассказан мне уполномоченным союза городов К. И. Амбарцумянцем.

53) Собственные имена у армян.

54) Бен-димаху довольно большая река, впадающая в северо-восточный угол Ванского озера. Описанное в этом стихотворении избиение бежавших армян произошло в июле 1915 года.

55) Старая турецкая крепость к северо-востоку от озера Вана. Район этот населен курдами. Через Бегри-Калу ведет дорога от Вана на Игдырь и Эчмиадзин через Тапаризский перевал и Баязет.

56) Детская люлька.

57) Древний армянский монастырь у горы Вараг (см. примеч.

4). Турки называют его Едди-килиса, т.е. 7 церквей. Основан в 10 веке по Р.Х. Вазпураканским царем Сенекеримом Арцруни, который в нем и похоронен. Память его армянами не читается.

58) Современник Иисуса Христа. По преданию, записанному Моисеем Хоренским, Спаситель исцелил его заочно, послав ему полотенце, которым Он прикоснулся к Своему лицу (Спас нерукотворный).

59) Просветитель Армении. Наиболее почитаемый армянами святой.

60) В рисунках много анахронизмов: так например Константин одет в костюм Людовика XIV, что дает приблизительное понятие о времени создания этой фрески. Такие же анахронизмы и в других иконах.

61) См. примеч. 56.

62) Фотография этой клинописи находится в Кавказском музее. Характерно то, что многие древние армянские церкви построены на местах древних языческих храмов, части которых входили в состав и новых построек. Нередко в разоренных армянских церквях обнаруживаются обломки древних колонн и фризов иногда с очень ценными надписями. Христианское духовенство первых веков усиленно уничтожало все следы язычества, закрывая их своими храмами.

63) Епископ Гарегин Серванцтиан, настоятель Варатского монастыря. Вдумчивый ученый, знаменитый среди армян исследователь и собиратель церковных преданий и народного эпоса. Преемник епископа Хримиана, впоследствии католикоса всех армян. Умер в Константинополе в 1892 г.

64) "Гайрик" по-армянски "отец", известное всему армянскому народу название знаменитого католикоса Микиртича Хримиана.

65) Хримиан был большой поэт. (См. примеч. 64).

66) См. примеч. 56.

67) Об этом свидетельствует надпись на стене этой церкви рядом с главным собором. Эта разрушенная церковь поражает громадностью обтесанных глыб, из которых сложены ее стены. Надпись на древнем армянском языке: - "Я Хушуш хатуна (госпожа) из дома Багратуни жена Сенекерима Арцруни построила этот храм. Вспомните меня у Христа".

68) В апреле 1915 года. Множество народу помещалось в монастырских пристройках Варага. Мужчины отстреливались от турок и курдов в окопах недалеко от монастыря.

69) Грабили курды Хошабского (соседнего) района.

70) См. примеч. 41.

71) См. примеч. 3.

72) См. примеч. 40.

73) Перевал у сел. Вастан и горы Артос. Укрепленные позиции русских в 1915 г. Известен боями.

74) См. примеч. 45.

75) Турецкий памятник мусульманской эпохи. Теперь ограблен и поврежден. Надпись на арабском языке.

76) Довольно благоустроенное место на берегу Ванского озера против острова Ахтамара. Там до войны 1914-1916 гг. жил автономный католикос турецких армян, не признававший верховенства Эчмиадзина. Последним был Хачатур, могила которого находится на острове Ахтамар. См. у Линча: Армения, т. II.

77) Торжество в гор. Ване по случаю взятия Эрзерума 2-го февраля 1916 года. Нужно было быть на месте среди ванских армян, чтобы видеть их радость по поводу падения Эрзерума. Этим кончилось их многовековое рабство. Восторг народа не имел границ: люди буквально плакали от счастья. Ликовала толпа обездоленного, разоренного народа, потерявшего все свое состояние, множество самых близких родных. Взятие Эрзерума сразу вселило в них уверенность в окончательном торжестве над исконным врагом.

А К

СОЧИНЕНИЯ

КРЕСТ МАСИСА^(*)

Две легенды

I

Величаво мрачен и прекрасен
С юга конус снежного Масиса.
Он вдали похож на великана,
Выше груди вгрузнувшего в землю.
Он собой долину замыкает,
По бокам ее два гребня лавы,
Как его протянутые руки.
Широки его громады плечи,
Страшно грудь могучая изрыта,
Головою шею придавило,
Шлем-вершина на брови надвинут.
Из под шлема из очей закрытых
Светлых слез источники струятся
И сбегает речкой серебристой
Между рук, простертых над долиной.
Рядом с ним пониже малый конус —
Точно шлем другого исполина^(**).
Грозно спят чудовищные горы.
Великан Масис не шевелится,

(*) Масис — древнее армянское и халдейское название горы Арарат.

(**) Малый Арарат.

Великан Масис молчит и дремлет
Затаив могучее дыханье, —
Ожидает часа пробужденья.
Грозно спят чудовищные горы,
А над ними вечный купол неба
Днем — лазурью солнце обнимает,
Ночью — звезды сыплет над землею.

.....
Каждый год весна сгоняет зиму
И приходит пламенное лето,
И Масис утрюмый молодеет:
Седина сбегает с рук заросших,
Оставляет плечи, грудь и спину, —
Только шлем под снегом остается,
Да блестят серебряные пятна
По оврагам, трещинам и складкам, —
Там, где тенью впадины укрыты.
Каждый год за летом сходит осень
И зима спускается за нею.
И опять седеет грудь Масиса,
Одеваясь ризой белоснежной.
Мерзнут слез источники живые,
И туманы белою чалмою
Обвивают шлем его блестящий.

II

Есть у Бога вечные скрижали:
В них блестят таинственные знаки
Бесконечных звездных сочетаний.
В этих знаках тайны мирозданья,
Все дела несметных поколений,

Тайны душ невидимого мира,
Тьмы времен грядущие разгадки.
Эти знаки скрыты в бездне неба,
Скрыты в пятнах солнечного лика,
Скрыты в легких облачных фигурах,
Скрыты в жизни, в смерти и в пространстве.

III

Есть сказанье древности глубокой:

Волновался хаос первобытный,
И в его клочущем пространстве
Колыхались мощные стихии,
Отделялись силы мировые,
Бездна бездну бездной поглощала,
И из бездны бездна выливалась.
И когда стихии разделились,
И в пространстве брошенные силы
Закружились в вихре стройной жизни,
Посмотрел Господь на нашу землю
И увидел тот же хаос в малом,
Ту же бурю сил крутообразных.
И когда земля образовалась,
Он в нее вдохнул дыханье жизни.

IV

Проносились тысячи столетий
В бесконечной музыке Творенья.
На земле родились великаны,
И вражда родилась между ними.
И в борьбе озлобленной и дикой
Землю мать они избороздили

И подняли горы исполины
И, бросаясь пламенем и гневом,
В исступленной схватке погибали.
Наконец осталось только двое,
Но и те бороться продолжали.
И один другого втиснул в землю,
Глубоко вдавил его по темя
Так, что только шлем один остался.
И простер чудовищные руки
И потряс всю землю и воскликнул:
– Победил я! Кто со мною равен?! –
Но над ним в огне разверзлось небо,
И Господь на облачном престоле,
Не взглянув на дерзкого, промолвил:
– Ты, земля, возьми свое рожденье!! –
И ушел он в землю по колени.
И взревел, руками потрясая:
– Победил я! нет мне равных в мире! –
Но Господь поднял свои зеницы,
И ушел под землю он по пояс.
И в ужасной злобе заметался
И, колебля стонущие горы,
Угрожал карающему Богу.
Но Господь приподнял тихо руку
И... земля дошла ему до груди.
И, когда он мучась не сдавался,
Погрузил Творец его по плечи.
И умолк безумный в диком страхе
И затрясся и заплакал горько
И, с мольбой протягивая руки,
Зарыдал: – Владыка мой! Помилуй!! –
И вперил Господь светила-очи,

Опустил карающую руку
И покрыл страдальца облаками.
И раздался Голос необъятный:
– Ты спасен страданьем и слезами:
Больше в землю ты не погрузишься.
Спи и жди, пока не призову я.
Час придет: земля рождать устанет
И ее источники иссякнут,
До краев наполнив чашу Жизни.
И тогда возьму твои я слезы
И с последней каплей вылью в чашу
И ее над миром опрокину.
И земля исчезнет в этом ливне,
И огонь пожрет его бесследно
И зажжет сиянье новой жизни:
В жизни той и ты найдешь прощенье.
Жди в земле и лей немолчно слезы:
Пусть они стекают в чашу жизни.
Посмотри: вот знак! –

и поднял очи

Великан, исполненный смущенья.
И увидел огненное око
Все в слезах над чашею хрустальной.
Слезы в чашу капали, сверкая,
И она кипела влагой алой.

.....

Все исчезло. Тучи опустились.
Исполин приник к земле и плакал,
И поныне спит и плачет, плачет,
И струятся слезы светлой речкой
Между рук, простертых над долиной.
Голова ушла глубоко в плечи,

И под шлемом спит он и вздыхает
Под покровом снега и тумана,
А по нем снуют малютки люди,
Что родились после великанов.

У

Есть еще легенда:

был отшельник.

На Масисе жил он в келье тесной,
Жил, снося невзгоды и лишения,
Жил, питаясь скудным подаяньем,
Жил, молясь и днем и ночью Богу.
Был он чист душою, как ребенок.
Диких коз прикармливал с ладони,
Горных змей ласкал без опасенья.
С ним в снегах орлы вели беседу,
С ним немые камни говорили
И читал он в знаках звезд небесных.

Ночь была. Луна светила ярко.
На снегу чернели резко тени.
Как алмазы, звезды отливали.
Как струна, был чуток горный воздух
В тишине прозрачного пространства.
Вышел он из кельи и молился,
Говоря с Незримым, как с собою:
Исходил я гору до вершины,
Но не видел Ноева ковчега:
Где его Ты, Боже, скрыл от смертных?
Исходил я гору до вершины,
Но не видел жертвенника Ноя:
Где он, Боже, чтоб возжег я жертву?

Исходил я гору до вершины,
Перечел священные преданья,
Переслушал древние сказанья:
Не нашел я места, где Ты, Боже,
Дал любви завет для человека,
Где сказал склонившемуся Ною:
– "Отдаю тебе всю эту землю
Все живое, только кроме крови,
Только кроме крови человека, –
Крови той, что Каином пролита,
Крови той, чей голос громче бури,
Крови той, чье пламя ярче ада,
Крови той, что смерти холоднее". –
Не нашел я места на Масисе,
Где сказал Ты радостному Ною,
Что потопа более не будет,
Где Ты в знак любви Твоей завета
Над землею радугою воздвигнул,
Как врата чертога новой жизни,
Семицветный символ врат небесных,
Из которых в мир пришло спасенье.
Где то место, Боже мой любимый?
Где то место? – Дай мне поклониться!
Дай припасть с молитвенным лобзаньем!
Дай увидеть знаменье святое,
Чтоб я мог спокойно лечь в могилу!
И еще молю я, Вседержитель:
Дай мне знак, что Ты меня услышал!
Дай его, как знак того, что будет!
Дай, как знак, что кровь не будет литься,
И не будет брат идти на брата,
И земля утихнет от проклятий! –

И упал пустынный на колени,
И Господь послал ему виденье:

В ореоле лунного сиянья
Он ковчег увидел на Масисе,
И увидел жертвенник возженный
И людей увидел преклоненных.
И один, седой и величавый,
Тихо, тихо поднял руки к небу,
На котором радуга светилась,
А в вратах ее сверкали звезды.
И собрались звезды в крест алмазный,
И Незримый Кто-то в небе звездном
Поднял длани с чашею прозрачной:
В чаше той светилась кровь рубином
И слезинки капали в ту чашу,
И катились звезды золотые.
А вверху сиял победным светом
Крест из звезд и блеск его алмазный
Отражал блестящий снег Масиса.
А на скале, — там, где две воронки,
Как холмы разрытые, чернеют,
Раскрывались два огромных глаза,
Точно чьи-то огненные очи,
Точно сам Масис от сна очнулся,
Созерцая знаменье в небе,
И вздыхал придавленной грудью.
И тихонько вздрагивали горы,
А из глаз раскрытых рвалось пламя,
Польхая вспышками в потемках.

.....

Вдруг удар подземный прокатился...

.....
Все исчезло... Снова стало тихо.
Также горы стали неподвижно,
Также ночь прозрачная мерцала.

.....
Долго старец плакал и молился,
А на утро людям он поведал
То, что видел ночью на Масисе,
И скончался светлый и спокойный.

VI

И теперь рассказывают люди,
Что бывает: летом на Масисе
Иногда белеют пятна снега,
Точно крест, сияющий на солнце.
А когда луна восходит ночью,
Этот крест мерцает огоньками.
А бывает это очень редко, —
Очень редко: в дни великих бедствий
И великой радости для мира.
Было в ночь Христова Воскресенья:
Крест тогда был чист и лучезарен
И лежал у западного склона.
Было в дни нашествия ислама,
Но тогда тот крест светился кровью.
И смотрел на северные дали.
А теперь, совсем, совсем недавно
Этот крест опять видали люди,
Но смотрел он в сторону османов,

Белый, четкий... А над ним краснелись,
Точно кровь, оттаявшие скалы.
И толкуют люди в Айястане^(*),
Что опять возносится из крови
Крест незримый в небе над Масисом
И Багдад своей уж кроет тенью.
И в селеньях верят христиане,
Что конец владычеству ислама:
— То Господь крестом нас осеняет. —
Но никто не знает в Айястане,
Скоро ль день, когда Масис проснется
И раскроет огненные очи
И увидит знаменье в небе
И упершись страшными руками,
Потрясет всю землю, подымаясь,
А Господь поднимет чашу жизни
И ее над миром опрокинет.

Музей Ов. Туманяна, КП №1072/2740. Автограф.

^(*) Айястан — Армения.

А Н А Р Х И Я

В вертепах, в тюрьмах, в дебрях нищеты,
Питает гневом, голодом и ленью,
Она, подобно страшному виденью,
Вползает в глубь народной темноты,

И, шевелясь чудовищною тенью,
Шатает все опоры и щиты
И изрыгает войны и бунты
И яд развала, гибели и тленья.

И горе — ей поддаться на мгновенье:
Гибка, подвижна, зла и горяча,
Она, как гидра, свертывает звенья.

И рубит Власть ей головы сплеча,
Но новые к ней тянут пасть гиенью,
И взявший меч сам гибнет от меча.

1 февраля 1919 г.

ОВАННЕСУ ТУМАНЯНУ

20-го февраля 1919-го года

СОНЕТ АКРОСТИХ

О чем грустишь, задумчивый поэт?
В твоих глазах мы видим тень укора.
Армянский бард! Ты грустен, что не скоро
Народам Бог пошлет покой от бед.

Но это будет: стихнут волны спора,
Едва в сердцах забрезжит новый свет —
Святой огонь... Уже полсотни лет
Тоска о нем твои туманит взоры.

Уныл наш мир, как темный, жуткий лес,
Могила грез, святилище обмана.
А все ж и в нем сквозит лазурь небес.

Нет! не померкнет солнце Айастана! —
Яснеет даль: ты видишь, Ованнес?..
Не умолкай: нам нужно Туманяна!!

А К М Э.

ПЕРВЫИ
СБОРНИКЪ
ТИФЛИССКАГО
ЦЕХА ПОЭТОВЪ.

*А. Антоновская, Р. Асилъ-
янцъ, Г. Баммель, Н. Бѣль-
Конь-Любомірская, А. Гербс-
манъ, С. Городецкій, Н. Гра-
ціанская, Ю. Данцигеръ, М.
Де-Капрелсонъ, В. Зоти, О.
Камаева, Н. Капрановъ, А.
Кулебякинъ, Майя, С. Мели-
кова, К. Образцовъ, Т. Пояр-
кова, В. Пруссакъ, А. Ра-
дике, С. Рафаловичъ, В. Са-
пожниковъ, Н. Семейко.*

Тифлисъ,
1919.

Титульный лист сборника "Акмэ".

АРАКС

Играющий Аракс в разливе красных вод
Течет глубоким коридором.
Вверху уступы скал — граниты всех пород,
И мох ползет по ним узором.

И сводчатой дугой коричневый карниз
Навис, как слой руды железной,
И вереска кусты из трещин смотрят вниз,
И гнезда птиц видны над бездной.

Шумит, шумит река, кричат, зовут орлы
И плавно в воздухе кружатся.
От солнечных лучей на смутном фоне мглы
Косые отсветы ложатся.

Немолчный гул воды, неясный полусвет
И ветра замкнутого вздохи. —
На всем утрюмый тон, оттенок бездны лет,
Печать таинственной эпохи.

Из сумрака времен события встают,
Немые тени оживают,
И кажется порой, что камни вопиют,
А волны кровь переливают.

* * *

Я видел сон: ушли в туман года.
Весь род людской истаял понемногу,
Изжив себя и опостылев Богу,
И зверь вошел в пустые города.

Дремучий лесь все спрятал без следа.
В обломках стен медведь нашел берлогу
И лев с семьею вышел на дорогу,
И океан не колыхал суда.

Сливали зори сумрак, тьму и свет,
Рои существ сменялись чередою,
Всемирный Разум вел их в вихре лет,

И, рдея жизнью вечно молодою,
Земля без нас мирам иных планет
Сияла той же светлою звездой.

★ ★ ★

Сквозистый лес тенит зеленый склон.
Ручей с горы торопится к ущелью.
Над ним валун, обшитый мхом и цвелью,
Стоит в траве, как памятник времен.

В сторожке мать поет над колыбелью
И нить напева тянется как лен,
А на лужайке, в солнышко влюблен,
Пастух овец пасет своей свирелью.

Кругом леса, вершины, речки, села,
Ковер долин, залитый синевой.
Прозрачный воздух, солнца блеск веселый:

Лишь уголочек жизни мировой.
И тишина, а в ней Твои глаголы...

.....

Назвать Тебя не смеет голос мой. —

ДЖЕЙРАНЪ

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

СЕРГѢЯ ГОРОДЕЦКАГО.

- Обанесь Гуманянъ
- Даніэль Варужанъ
- Александръ Кулебякинъ
- Имля Гашъ.

Батумское Армянское Издательство
ԲԱՏՄՈՒՄԻ ՀԱՅՈՍՏ ԻՐԱԾԱՐԱԿՆԵՐՈՒՄ.

1919

Типографія Г. С. Таварткиладзе
въ Батумѣ.

Титульный лист сборника "Джейран".

Александр Купеликинъ.

НАНЭ

(Ахлатская поэма).

ОВАНЕСУ ТУМАНЯНУ.

I

В Ахлате девушка жила
При матери своей.
Как роза вешняя, цвела
Она среди полей.

Тонка, красива и стройна,
Как свежий стебелек,
Резва и в солнце влюблена,
Как летний мотылек.

Ее очей горячий взгляд
Сверкал и в темноте,
И знал досужливый Ахлат
О юной красоте.

Но стройный юноша Ован
Ее не замечал,
Хотя не раз в толпе крестьян
Красавицу встречал.

Ей мать сказала про него:
— В тебя он не влюблен. —
А дочь сказала: — Ничего!
И мне не нужен он. —

Однако часто вечером
У дома своего
Бедняжка плакала тайком,
Кто знает, — отчего.

Не скрыть от матери кручин:
— О чем грустишь, Нанэ? —
А дочь, на спину взяв кувшин:
— Ах, мама! Скучно мне. —

— Зачем лукавишь? — Я не лгу. —
— Я знаю все. Ну что-ж?,
— Не плачь: не стоит! — Не могу. —
— Нанэ! Он не хорош. —

— Чем не хорош? — Он у паши
Отнять задумал дочь:
Старик не чаёт в ней души. —
Нанэ с кувшином прочь...

II

Прекрасен Ван, когда весной
В садах цветет миндаль,
И веет ясной тишиной
Лазоревая даль,

И в зелень свежую апрель
Окутает сады,
И пастушок свою свирель
Наладит у воды,

Когда цветы собирать пора,
И в поле спит народ,
И дивно ясны вечера
Над ширью Ванских вод,

Когда все дышит и растёт
И радуется вновь,
И сердце горе не гнетет,
И царствует любовь.

III

Паша над Ваном дом имел
С аллеей тополей.
За садом в рощице краснел
Старинный мавзолей.

За домом был овраг, и в нем
Пещерный городок,
Где многих ходов даже днем
Никто узнать не мог.

Ахмет был властен и жесток,
Удачлив и богат.
Его походы знал Восток,
Им славен был Ахлат.

Он дочь по своему любил,
Но страшно ревновал:
Из-за нее домашних бил, —
Порой и убивал,

И лишь Ован служил при нем
Нукером с юных лет:
Своим слугою и конем
Доволен был Ахмет.

IV

Айше Ахлатский знал народ
И знала вся страна:
Как персик, щеки; вишня — рот;
Стыдлива и скромна.

Жила под взорами отца,
Как в клетке золотой,

От чуждых глаз черты лица
Скрывая под фатой.

И лишь Ован в счастливый час
Свидетелем бывал,
Как ветерок с любимых глаз
Фату приоткрывал.

К ней Сгертский сватался султан:
Отец был свадьбе рад,
А от нее узнал Ован,
Что ей милее яд.

V

Румяный теплился закат,
Меняя тоны вод.
Несло с дороги пыл от стад
И с поля шел народ.

Ован цветов принес паше
Приветствовать его,
А с кровли юная Айше
Смотрела на него.

Их глаз безмолвный разговор
Старик не разгадал:
— Айше! За твой единый взор
Всю жизнь-бы я отдал. —

— Ован! Любимый! Подожди!-
Был пламенный ответ:
— Когда стемнеет, приходи!
Одной мне счастья нет. —

— Приду, приду! — сиял Ован.
И вот взошла луна

И успокоившийся Ван
Обняла тишина.

Мерцали волны серебром,
Мережились огни.
У мавзолея под бугром
Увиделись они.

Их речи слышала листва,
А ветер позабыл,
Но знает юность их слова
И те, кто молод был.

И им внимала тишина
Под лепет Ванских струй
И тень подслушала одна
Счастливый поцелуй.

VI

Когда целуются цветы
В объятиях ветерка,
И теплый дождик с высоты
Роняют облака,

Глядишь, — и ветер их унес,
И солнце греет вновь.
Блестит в цветах огнями слез
Счастливая любовь.

Когда от сердца их нарвать
И милой дать букет,
Им долго свежим не бывать,
Но в этом горя нет:

Они умрут, но скажут ей:
— Люби. Люби его:

Мы вянем для любви твоей
И счастья твоего. —

Когда-ж цветов не любишь ты,
И некому их дать,
Щади в них счастье красоты:
Дай в поле увядать:

Они цветут не для тебя,
Не для твоей весны,
Они умрут, других любя,
Другим поднесены.

Но если ревность будит месть,
И ты на кровь готов,
Страшись: у нас поверие есть:
Не рви, не рви цветов:

Они тебе-ж отомстят
За гнев твой и за кровь
И, умирая, не простят
Разбитую любовь.

VII

Шушаной звали мать Нанэ.
Легла уснуть она
И вот увидела во сне,
Что дочь ее больна:

Лежит, а рядом на ковре
Не тронута еда.
Пылают угли в тондыре,
В котле кипит вода.

Коптит светильня чирака
Потемки, тишина,
И только песня родника
За стенкою слышна.

Печальна мать: — недобрый знак:
Нанэ не ест, не пьет.
Из всех цветов лишь красный мак
На столик подает.

И вот племянник мой Асон
Ходить к нам перестал:
Должно быть он в Нанэ влюблен,
Но ей не нужен стал.

И замечаю я давно,
Что к ней и труд нейдет:
В руке кружит веретено,
А нитку не прядет.

В ногах мурлычит черный кот,
Глаза горят огнем.
Мак — кровь и мрак: незрелый плод
И сердце девы в нем. —

Вдруг видит мать: исчезла дочь,
И все окутал мрак,
В окошко кровли смотрит ночь,
В углу алеет мак.

Она проснулась: на дворе
Чуть брезжился рассвет.
Зола остыла в тондыре,
Простыл и дочки след.

Шушана вышла: пел петух,
Просвечивала мгла
И лунный лик в горах потух...
Нанэ домой пришла.

Смолчала мать, а дочь взялась
За свой обычный труд,
Но злая тайна ворвалась
В домашний их уют.

VIII

— Нанэ! — Асон! — Нанэ, прости:
Я видел вещей сон...
Я в монастырь хочу уйти... —
— Когда? Зачем, Асон?..

А монастырь какой? — Нарек:
За озером в горах.
Живет там Божий человек,
Святой один монах.

Зовут Григорием его;
Он звал меня во сне...
Подруга сердца моего!
Прощай, моя Нанэ!

Других сердец не нам цветы:
Не рви их, берегись:
К огню чужому рвешься ты:
Смотри, не обожгись! —

— Асон! Ведь я тебя люблю... —
— Не любят так... Прощай!
Но об одном тебя молю:
Одно мне обещай! —

— Асон! — Нанэ! люби того,
Чье сердце для тебя:
Пусть он не я, но для него
Будь счастлива, любя,

И в сердце ревность заглуши!... —
— О чем ты говоришь? —
— Оставь Овану дочь паши,
А то сама сгоришь. —

.....

Над темным Ваном реял сон
В рассветной тишине...
Вздыхал взволнованный Асон
И плакала Нанэ.

IX

Большой овраг. Крутой обрыв.
Ручей из под горы.
Горбатый мостик. Рощи ив.
Постройки и дворы.

Обрыв пещерами изрыт,
И люди в них живут,
К иным-же ход давно закрыт,
И там для птиц приют.

В одной пещере, где скала,
Как выступ на стене,
Колдунья древняя жила,
И к ней пришла Нанэ.

Пещера. Ночь. Неровный свод.
В полу дымит очаг.

Луна глядит в открытый вход.
Внизу во мгле овраг.

Сидит старуха над огнем:
— Привет! Садись, Нанэ!
Ты погадать пришла о нем? —
— Ах! Что ты скажешь мне?.. —

— Пстой! Всего сказать нельзя:
Все мысли унеслись.
Темна незримая стезя
В неведомую высь.

Есть тайны страшные в огне
Пылающих сердец:
Три тени вижу на стене
И огненный венец.

Он окружает их, — смотри:
Пылает вся стена.
А вот сейчас; их было три, —
Растаяла одна.

И эти две ушли за ней...
Я вижу кровь в огне:
Любовь и смерть в душе твоей...
Ты плачешь? Плачь, Нанэ!

Х

Прекрасен Ван, когда во мгле
Закатится луна,
И в спящих водах, как в стекле,
Вся высь отражена,

И звезды страшно высоки
И с небом говорят,

И в дальних селах огоньки
За озером горят.

В такую пору в темноте
Так сладко отдохнуть,
Отдаться Божьей Красоте
И в грезах потонуть.

В такую пору тянет всех
К любви и тишине.
В такую ночь тяжелый грех
Задумала Нанэ.

XI

Глухая тьма. Миндальный сад.
Чуть плещет в береге Ван.
Вдали безмолвно спит Ахлат.
Не спит один Ован.

Исправил лодку он давно,
Приладил парус к ней
И вставил лестницу в окно
Возлюбленной своей.

Ован стучит... — Любимый. Ты. —
-Я, сердце!.. Я готов. —
— Ован! Мне страшно темноты:
Кто там среди кустов? —

— Там никого, родная, нет:
Чужой не смотрит глаз. —
— Скорей, а то блеснет рассвет:
Заметить могут нас... —

Звенит окошко... Легкий стук:
Упало что-то вниз...

Он деву выпустил из рук
И в воздухе повис.

И кто-то лестницу убрал.
И вдруг залился пес...
Ован невесту не украл:
Едва себя унес.

XII

К пещере, где укрылся он,
Дорога не вела:
Кругом была со всех сторон
Отвесная скала.

К ней снизу не было пути
По ровной крутизне,
Но сверху подступы найти
Придумала Нанэ.

XIII

В пещере тлеет огонек,
Над ним стоит таган
И, сев на каменный порог,
Задумался Ован:

— Уж мало пищи, и вокруг
Все заняты пути:
Абро, любимый брат и друг,
Не сможет подойти.

Что с бедной сделали Айше?
О, я хотел-бы знать;
Кто мог тогда помочь паше
Так ловко нас поймать?

Кто снизу лестницу стянул,
И я повис в окне?
Кто лодку с берега толкнул?
О, тяжко, тяжко мне! —

Огонь погас. Уснул Ован.
Уже белел рассвет.
В проеме выхода туман
Прорезал силуэт.

Ован лежал в тяжелом сне.
И вот зарделся день:
Над ним склонилась Нанэ,
Как трепетная тень.

Она шептала: — Жизнь моя.
Огонь желанный мой.
К тебе нашла дорогу я,
И ты теперь со мной.

Опал мой бедненький цветок
В измученной руке,
И вот последний лепесток
На смятом стебельке.

Он — сердца пламенного знак...
И вдруг поднялся он:
— Нанэ? Нанэ?.. И красный мак...
Нанэ: Ужели сон?.. —

— Да! Я — Нанэ... — Как ты взошла? —
— Должно быть как и ты. —
— Что мне ты снизу принесла? —
— Два хлеба и ... цветы... —

— А что с Айше? — .. Нанэ бледна.
— Ты знаешь? Что-же с ней? —
Нанэ дрожит: — Она... она...
Уж скоро... девять дней... —

— Что это значит? Умерла?
Убили? Да? Нанэ!! —
— Нет! Яд... Я... хлеба принесла. —
— Он хуже яда мне! —

— Я принесла тебе цветок:
Цветок моей любви. —
— Твой мак? да он в крови намок!
Он весь намок в крови!

Ты мне накликала беду. —
— Ован! — Молчи, змея:
Я слышал голос твой в саду:
Теперь все понял я. —

— Ован!! — Уйди! — Ован!!.. — Уйди!! —
— Я вся твоя Нанэ! .. —
— Убью!! .. — Мой! Сильный! Пощади:
Ведь мы на крутизне... —

— Уйди!..... — Нанэ в слезах ушла,
Хватаясь за карниз,
Но видно силы не нашла
И оскользнулась вниз.

Ован услышал стон вдали
И бросился за ней.

.....
Тела разбитые нашли
Внизу между камней.

XIV

Их схоронили над водой,
Насыпали курган.
И сказку жизни молодой
Рассказывает Ван.

Айше поставили гумбет:
Цела его резьба.
Айше, Нанэ, Ована нет:
Печальна их судьба.

И каждый день весна цветет,
И каждый, каждый год
На их могилах мак растет
У лона светлых вод,

Свирель у берега грустит,
И чуткая трава,
Вздыхая с ветром, шелестит
Забытые слова.

ПАМЯТИ ЛЕВОНА ЛИСИЦИАНА

(19/II 1921 г.)

В годину бед, когда вся жизнь — ничто,
Одна есть ценность — дух неистребимый.
Жив человек, — толпа проходит мимо,
Один, быть может, спросит: — это кто? —

Работник сильный скромн у станка,
Но за него горда его работа.
Знаток посмотрит, скажет: — сделал кто-то,
Но видимо способная рука. —

А он попал под зубья колеса
И превращен в кровавый слепок мяса:
Он не предвидел гибельного часа,
Когда взмахнет жестокая коса.

Но нет! ты жив: твой подвиг налицо.
Ты жив, герой! я в смерть твою не верю.
Ты заплатил собою Року — зверю,
Но от тебя осталось деревцо.

Ты из зерна на вспаханном пути
Вспоил росток его грядущей жизни.
Его плоды оценятся в отчизне,
И ты ее за кровь твою... прости!!...

П Е Р Е В О Д Ы

ПОСЛЕДНИЙ ДЕНЬ

О. В. ТУМАНЯНА

(Подстрочно и дословно)

На берегу Евфрата, став друг против друга,
бились жестоко, наносили и принимали удары,
незнающие отступления армянские хумбы (четы)
с полчищами курдов и турок кровожадных.
Когда же устали от долгой битвы,
когда устали крепко-кованные длани —

— Гей, товарищ! сказал бодрый хумбапет
(начальник хумба, атаман)

гей, товарищ! сказал, подымись скорей,
подымись на самую высокую вершину
высоких гор армянских и взгляни,
где — ты взгляни — конец врага?"

Поднялся жилистый гайдук-армянин,
поднялся на высокую вершину горы
и рукой усталой свой лоб осенил.

— Хумбапет! сказал, хумбапет-товарищ!

Вижу я далекие горизонты темные
вниз по зеленым долинам Евфрата —
до синих гор Тавроса,
до туманной цепи Понтоса,
до высочайших скал страны Мокац...

Дым подымается из долины Муша,
дым подымается из гор Сасуна,

дым подымается со стороны Вана,
дым подымается из полей Абага,
пламя стоит над Зейтуном.

Враг со всех сторон, колонна за колонной,
надвигается на нас и не видно,
не вижу я конца его рядам.

– Гей, товарищ! сказал хумбапет тогда,
гей, товарищ! сказал – а ну, оглянись назад,
оглянись назад, посмотри, из дальних стран армяне
не идут ли на помощь нам?

И усталой рукой лоб осенил,
оглянулся назад молодец гайдук.

– Хумбапет! *сказал, хумбапет-товарищ!
вижу вот я, как на ладони,
от Черного моря до моря Гирканского,
до снежной стены Кавказа, –
идут хумб за хумбом армяне поспешно,
идут поспешно на помощь нам.

Спускаются с вершин темных гор Сюника,
подымаются из недр глубоких ущелий Гугарка, –
от полей Ширака вплоть до Айрарата,
и вдоль берегов матери Аракса
все поднялось, в движенье пришло.

Идут со всех сторон Кавказа,
идут из стран далеких,
идут-возвращаются томившиеся на чужбине,
идут-возвращаются молодцы,
идут, развернув знамя родное.

– Гей, товарищ! сказал хумбапет бывалый,
гей, товарищ! сказал, остры глаза твои,
взгляни на север, далеко вперед посмотри,
не движется ли север могучий?"

И глаза в темную даль устремил гайдук,
дальнозоркие очи орлиные.

– Хумбапет! сказал, хумбапет-товарищ!

Глаз не охватит, откуда и докуда
движеньем общим весь север объят.
Валом вздымается русское море,
волной разливается, тяжело и грозно,
во все стороны, до дальних берегов,
и могуче дыша паром и огнем,
поезда, нагоняя поезда,
извиваясь по степям и долинам,
идут как черные драконы.

– Гей, товарищ! крикнул доблестный хумбапет,
гей, товарищ! крикнул, сойди же вниз скорей,
Возьми ружье, сойди в поле скорей,
сойди на священный берег Евфрата –
это последний день вековой борьбы,
последняя агония векового преступления...”*

– Хумбапет! крикнул, хумбапет-товарищ!
Хумбапет! крикнул молодой гайдук,
над высокими армянскими горами
слышатся глубокие, смутные голоса;
содрогается глухое небо в вышине
от хора тех бесконечных, бесчисленных глосов.

– Гей, товарищ! воскликнул старый хумбапет,
гей, товарищ! воскликнул, осени себя крестным
знаменем, –

* После этой строки кем-то подчеркнуто и на полях по-армянски написано: "здесь следует закончить – остальное лишнее" (Ан.З.).

то замученных в жизни, в муках умерших
бессчетных, бесчисленных, бездольных армян
мятежные души, что с воплем и стоном,
кровавой бурей к небу вознеслись.
Взывают к Богу,
протестуют перед небесами –
то хор их немолчного протеста,
что доходит вниз, до слуха армян...
Гей, товарищ! сказал, осени себя крестным знаменем,
возьми ружье, в поле сойди скорей,
сойди на священный берег Евфрата –
это последний день великих страданий!

1915 г.

Музей Ов. Туманяна, КП №1073/2751. Рукопись.

ЧЕТВЕРОСТИШИЯ ОВАННЕСА ТУМАНЯНА

I

Промчали...

Прошли мои годы, промчали
В стенаниях, вздохах, в печали
Мне сердце изъели... промчали.

II

Окончилось...

И вся моя жизнь износилась, окончилась.
И все упования дымом развеялись,
И всякая радость печалью окончилась.

III

Подняли торжество неизъяснимое
Певцы мои, певцы мои незримые.
Кто ныне ваше пение послушает,
Любовь моя, кузнечики родимые?

IV

Не воротился...

Ушел, скрылся, не воротился.
Несытой смерти, могиле черной
Попал в неволю... не воротился...

У

Куда вы пропали?

Куда вы, мои дорогие, пропали?
И сколько ни плакал и как ни зывал я,
Вы мне не ответили... молча пропали...

УІ

О, сколько смертей в моем сердце,
Престолов пустых в моем сердце!
Ты также — подверженный смерти:
За жизнь твою страх в моем сердце.

УІІ

Вернитесь!
Весенней разливной рекою вернитесь!
Любовь моя, счастье, минувшие годы,
Все вместе ко мне прилетите, вернитесь!

УІІІ

В старый наш мир ежедневно
Тысячи новых людей появляются.
Тысячелетние опыты вновь повторяются,
Вновь, ежедневно.

ІХ

Кто знает, куда мы попали?
На сколько мы времени в гости попали?
И, если мы с сердцем любовь потеряли,
В огонь мы попали, напрасно попали.

Х

О сколько я рук обжигался!
Сам жег и в огонь обращался!
В огонь обращался и светом светил
И, светом светя, истощался!

XI

О, сколько несчастья в жизни я видел!
О, сколько измен и коварства я видел!
Все это сносил и прощал и любил я
И в зле окружающем доброе видел.

XII

Ко мне во сне овца пришла,
Вопрос такой мне задала:
— Пусть Бог хранит твое дитя!
Вкусна ли дочь моя была?

XIII

Твердыня могучая — нам!
Победное шествие — нам!
Все нам уступили, ушли,
И близится очередь... нам!

XIV

Улыбается душа моя всему.
Злу и благу улыбается, — всему.
Озаряет мою пройденную жизнь
И дорогу в неизведанную тьму.

XV

Что рвешься ты, буйное сердце мое,
К предметам бесчисленным, сердце мое?
Ужель я успею на тысячу мест?
О, как ты стремительно, сердце мое!

ХУІ

В остром и чутком слухе моем
Голос глубокий слышится вечно.
Он призывает душу мою
С неусыпимой тоской бесконечной.

ХУІІ

О, если б видеть край такой,
Где у ребенка сон невинный,
Где в грезе светлой, безкручинной
Спокойный, дружный род людской.

ХУІІІ

Подстрелил я однажды птичку.
Улетела раненая птичка.
Растерянно вьется в моем сердце
С окровавленным крылышком птичка.

ХІХ

Рядышком две молчаливых могилы.
Холодно им, неуютно и сиро.
Думают обе соседки уныло, —
Что ж они взяли из этого мира?

ХХ

Кто меня несметными руками
Издалека манит, призывает?
Джан мои, леса мои родные,
Это ваш призыв меня хватает.

То же

Кто это издали манит меня,
Множеством рук призывает меня?
Джан! Это вы, родные леса,
В сердце свое зовете меня.

XXI

- В осеннем облачном тумане
В раздумье, с качки на поляне
Лорийский жавронок глядит, —
Мою дорогу сторожит.

XXII

Поют, щебечут, заливаются
На нивах жаворонки мирно,
С моею юною душою
Носясь в лазурности эфирной.

XXIII

Несмыслен людоед с кровавым ртом от века
Убийцею людей едва лишь стал с веками
И бродит в темноте с кровавыми руками,
Но путь его еще далек... до человека.

XXIV

Они ушли, они скончались.
И жизнь и смерть в одно смешались.
И не пойму я: в этом мире
Они исчезли, иль остались?

XXV

В Эдемы Востока спустился пылающий вечер
Там ждут мою душу волшебные чудо-чертоги.
Что делаю я в этой мрази и в шуме безумном?
Ах, вновь бы домой очутиться на этой дороге!

XXVI

Поэт неведомый, невиданный очами!
Бессловной песнею ты льешься перед нами.
И я счастливейшим теперь себя считаю,
Что в эти песни так глубоко проникаю.

XXVII

Эй, ты жадный, ненасытный,
С мыслью длинной, с жизнью краткой! проходи!
Как и ты, прошло их сколько
до тебя и пред тобою.
Что они у жизни взяли?
что и ты возьмешь с собою?
В этот путь твой, путь двухдневный
мирно, весело иди!!

XXVIII

Свободный во времени, вольный в любви,
щедро всем одаренный,
Он ждет, скорбит, недовольный всегда
и всегда удрученный.
Безумный! когда же ты позволишь другим
быть довольными жизнью?
Когда же ты сам будешь жить,
красотой упоенный?

XXIX

Во сне, иль бодрствуя, мои мгновения,
как сновидения, прошли.

И быстро сны мои, неуловимые
и тонкие, прошли.

Промчались все мои мечтанья, упованья, —
ничего я не достиг.

- И так все дни мои легко проигранною
ставкою прошли.

XXX

В каком из миров я богаче?
все думаю: тут, или Там?

Стою посредине, — гадаю:
загадочно, — тут, или Там?

Что делать? — в таком же сомненьи
и Бог не надумает сам:

Что взять? что оставить? что лучше?
где именно? — тут, или Там?

П И С Ь М А.
Д О К У М Е Н Т Ы

№ 1

$\frac{29}{I}$ 1917 г. Тифлис

Многоуважаемый
Ованес Фаддеевич!

На днях я получил новую книжку "Персидские лирики X—XV вв." из предпринятого в Москве большого издания: "Памятники мировой литературы". Посылаю эту книжку Вам для прочтения, надеясь, что она Вас заинтересует, если не по достоинствам, то по содержанию и идее. С удовольствием повидался бы с Вами, но к сожалению пока никак не могу выбрать времени. Завтра хочу пойти на последний вечер Игоря Северянина, чтобы иметь собственное представление о нем. В Тифлисе вероятно пробуду не позже 3-4 февраля. Кажется не придется послушать В. Брюсова, а жаль. Будьте здоровы! Привет Вашей семье. Жена кланяется Вам.

Искренне Ваш А. Кулебякин

P.S. Прилагаю еще 66 моих переводов из Омара Хайяма, которые можете оставить у себя; простите за рукопись. Хотел переписать их для Вас на машинке, да нет под рукой. Некоторые из этих переводов найдете в книге "Персидские лирики" в обработке г. Умова: 1, 2, 4, 6, 7, 8, 9, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17. Им соответствуют в порядке NN мои: 12, 43, 19, 29, 26, 17, 16, 55, 21, 31, 13, 34, 11, 28.

А.К.

№ 2

Многоуважаемый
Ованес Фаддеевич!

С признательностью возвращаю Вам Вашу книжку "Собрание стихотворений Виктора Гюго". Простите, что задержал. Жалею, что мало пришлось повидаться. Сегодня уезжаю в Игдырь. Книжка стихотворений о Ване скоро выйдет. Хотелось бы лично познакомиться с В.Я.Брюсовым, но не знаю, удастся ли мне приехать к Пасхе: зависит от наших военных дел.

Привет Вашей семье. Жена моя кланяется Вам.
Всего лучшего!

Искренне Ваш А. Кулебякин

19²⁸/_{II}17

Тифлис

Музей Ов. Туманяна, КП №1072/2742. Автограф.

№ 3

ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА

Генерал-майора Кулебякина
национальному бюро Армении

Мне поручается составить военно-исторический очерк: "Участие армян в мировой войне 1914—1918 гг." для представления его на предстоящей мирной конференции. Срок составления — 3 месяца. Срок этот для труда,

обнимающего более чем 4-летний период величайшей из войн, только что закончившейся, ввиду отсутствия в настоящий момент в одном месте готовых, полных и систематизированных материалов, безусловно, мал. В такой срок закончить такой важный труд во всей его полноте, со всеми приложениями, не упустив ни одной важной подробности, невозможно: на одно только собирание и систематизацию материалов должно уйти не менее года. Но серьезная цель представления на мирной конференции народов не позволяет продлить этот срок. Нужно мириться с этим обстоятельством и сообразно составить программу труда, дабы читатели могли получить наиболее полное представление о сути изложения при возможной его краткости.

Участие армян в истекшей войне разделяется на 3 главных периода: 1) период народных восстаний и добровольческих дружин; 2) период регулярных батальонов и стрелковых полков по день ухода с фронта русских войск и формирования национального корпуса и 3) период последней борьбы армянских войск с турками в районах Карса, Эривани и Баку после ухода русских. Кроме того вкратце необходимо обрисовать общее политическое положение и русские военные операции, в которых принимали участие армяне, а также роль их в рядах союзников англо-французов, указав количество участвовавших армян, фамилии виднейших деятелей, характер боевой работы, потери и т.п. При такой обширной программе, в виду краткости срока и необходимости большую часть его потратить на исследование материалов, изложение придется по возможности сократить, усилив его выпуклость в той мере, как это будет нужно для того, чтобы возможно ярче представить конференции деятельность армян в истекшую великую войну.

Сообразно с изложенным разработку всех материалов по указанным выше периодам должны взять на себя 3 моих помощника со своими сотрудниками, которые не позже как к середине второго месяца работы должны составить перечневые указатели источников, с указанием к какому времени каждый относится, а также хронологические ука-

затели боевых и других важных для истории событий для каждой армянской части и сведения, в каких операциях и в составе каких войсковых соединений какая часть участвовала. Кроме того каждый мой помощник к означенному времени должен настолько изучить касающийся заданного ему периода материал, чтобы иметь возможность по краткому конспекту доложить его мне в присутствии других моих помощников для окончательной оценки и развития уже в моем изложении. Работа моих помощников должна вестись в общем контакте не только между нами, но и с историком ЛЕО, обрабатывающим историю общих событий той же войны. Работа эта должна вестись самым интенсивным образом, т.к. времени мало, а подробности программы ее будут разрабатываться постепенно в зависимости от хода дела. Необходимость сохранить срок сбора материалов, невольно заставляет увеличить состав сотрудников, т.к. иначе не управиться. Настоящее весьма трудное в экономическом отношении время, по моему мнению, основанному на моей беседе с моими предположенными помощниками, требует вознаграждения работающих согласно с их положением в работе и постольку, поскольку это вознаграждение по требованиям настоящей жизни является достаточным, выделив из основного содержания деньги разъездные, которые желательно установить посуточно с отдельной оплатой железнодорожных, автомобильных и экипажных переездов согласно представленных счетов. При сем прилагаю на утверждение составленный мною совместно с моими помощниками проект штата и сметы руководимой мною комиссии по составлению порученного мне военно-исторического очерка.

Г.-М. Кулебякин
9/XII 1918

№ 4

БЮРО
ПО УСТАНОВЛЕНИЮ
ПОТЕРЬ АРМЯН
О III
ВСЕМИРНОЙ ВОЙНЫ

Милостивый государь
Александр Парфеньевич

22 января 1919
N17

Настоящим "БЮРО ПО ИССЛЕДОВАНИЮ ПОТЕРЬ АРМЯН ОТ ВСЕМИРНОЙ ВОЙНЫ" сообщает Вам, что согласно постановлению названного БЮРО Вам поручается руководство военно-историческим отделом для составления очерка об участии армян во всемирной войне. При производстве Вашей работы Вы имеете руководствоваться сметой, представленной Вами и утвержденной постановлением БЮРО. Согласно постановлению Вы приглашаете по своему усмотрению трех помощников и 6 сотрудников, с вознаграждением в пределах утвержденной сметы. Сообщая Вам об этом, БЮРО просит незамедлительно приступить к работе.

Председатель	Туманян
Секретарь	
С подлинным верно	
За секретаря	С. Сарикян

№ 5

БЮРО
ПО УСТАНОВЛЕНИЮ
ПОТЕРЬ АРМЯН
О ПИ
ВСЕМИРНОЙ ВОЙНЫ

МИЛОСТИВЫЙ ГОСУДАРЬ
Христофор Герасимович
[Араратов]

17 января 1919 г.
№9

БЮРО ПО УСТАНОВЛЕНИЮ ПОТЕРЬ АРМЯН ОТ ВСЕМИРНОЙ ВОЙНЫ поручило мне заведывание военно-историческим отделом для составления очерка: "Участие армян в мировой войне 1914—18 гг.

Вы участвовали в формировании частей армянского корпуса и в его боевых действиях против турок.

Крайне необходимо и ценно было бы получить для составления названного очерка имеющиеся у Вас письменные материалы (как официальные, так и частные) о деятельности частей, находившихся под Вашим командованием, а также Ваше краткое описание событий в хронологическом порядке с Вашим заключением и впечатлениями. Кроме того желательно было бы при возможности личное освещение Вами тех или иных фактов мне или моим сотрудникам.

Сбором материала ведают мои помощники — г-н Валадян, ген. шт. пол. Сергеев и кап. Абазов со своими сотрудниками. Материалы должны быть собраны в возможно кратчайший срок. Ваш ответ благоволите сообщить мне по адресу: Тифлис, Коргановская ул. №18, кв. 2, ген. м. Кулебякину.

Вашим содействием этому делу Вы окажете родине такую же услугу, какую Вы всегда оказывали ей на поле брани.

С искренним уважением и преданностью,
готов к услугам

А.П.Кулебякин

№ 6

БЮРО
ПО УСТАНОВЛЕНИЮ
ПОТЕРЬ АРМЯН
*Օ Մ
ՎՏԵՄԻՐՈՒՄ ԵՐԱՅԻՆԻ*

21 января 1919
N15

ВАШЕ ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВО
милостивый государь
ЕВГЕНИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ
[ЛЕБЕДИНСКИЙ]

БЮРО ПО УСТАНОВЛЕНИЮ ПОТЕРЬ АРМЯН ОТ ВСЕМИРНОЙ ВОЙНЫ приступило к составлению Военно-исторического очерка: "Участие армян в мировой войне 1914–1918 гг.". Эта работа поручена особой комиссии под председательством ген.-майора Кулебякина.

Под Вашим боевым начальством в разное время состояли разные армянские части. Было бы особенно ценно получить Ваш письменный отзыв о деятельности этих частей и их начальников, а также Ваше заключение о боевой роли армян в истекшей войне.

Было бы желательно, если бы Вы нашли возможным осветить следующие вопросы: 1) Как и при каких условиях какие части формировались и какие при этом возникали затруднения. 2) В каких боевых делах какие части участвовали, какие на них возлагались задачи и как они их выполняли. 3) Важно приложение главных и наиболее характерных Ваших или высшего начальства приказов и других документов, касающихся армян.

Ваш отзыв не откажите препроводить в возможно краткий срок на имя Председателя названного Бюро Ованнеса Туманяна (Тифлис, Вознесенская ул. №18).

В глубокой уверенности, что Вы не откажете Вашим ценным участием прийти на помощь делу составления названного очерка, остаюсь <искренно уважающий Вас>

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ БЮРО О. Туманян

С подлинным верно

За секретаря

С. Сарикян

№ 7

БЮРО
ПО УСТАНОВЛЕНИЮ
ПОТЕРЬ АРМЯН
О ПИ
ВСЕМИРНОЙ ВОЙНЫ

Заведывающему военно-
историческим отделом
генералу Эсадзе

22 января 1919
N16

"БЮРО ПО УСТАНОВЛЕНИЮ ПОТЕРЬ АРМЯН ОТ ВСЕМИРНОЙ ВОЙНЫ" поручило генералу А. П. Кулебякину составить исторический очерк участия армян в этой войне. Для исполнения этой работы ему необходимы материалы, находящиеся во вверенном Вам Военно-историческом отделе. БЮРО просит не отказать разрешить, как генералу Кулебякину, так и его сотрудникам, которым будут выданы соответствующие удостоверения за подписью последнего, разрешить работать в архиве порученного Вам отдела и пользоваться вышеупомянутыми материалами.

Председатель БЮРО

О. Туманян

С подлинным верно
За секретаря

С. Сарикян

№ 8

Председателю Бюро
по установлению потерь армян
в мировой войне

Докладная записка

Бюро еще в начале декабря минувшего года поручило мне составление военно-исторического очерка "Участие армян в мировой войне", с целью представления его на предстоящей мирной конференции в Париже. Вместе с моими сотрудниками я тотчас же приступил к собиранию материалов. Работа эта была прервана армяно-грузинской войной и фактически могла возобновиться лишь в середине января. До настоящего времени труды комиссии выразились в следующем: 1) посланы письменные обращения ко всем виднейшим деятелям русско-турецкой войны с просьбой дать свои впечатления и материалы, освещающие боевую деятельность армянских частей. Некоторые из этих лиц уже сотрудничают с комиссией в этом деле (генералы — Морель, Пирумов, Бежан-бек, Лебединский, Багратуни и др.). Также обещали дать свои отзывы генералы Пржевальский, Берхман, Абациев и др., 2) уже собраны и систематизированы важнейшие материалы по первому периоду войны до отступления из Вана в июле 1915 года, 3) собрана часть материалов в Тифлисе по истории 1, 2, 5 и 6-го стрелковых батальонов, 4) рассмотрены и излагаются материалы архива армянского военного союза и комиссариата кавказского фронта. Работы в Тифлисе продолжаются, но командировать сотрудников в Баку и Эривань, где сосредоточены важнейшие материалы по истории последней борьбы армянского корпуса и народа с турками, пока еще не удалось за неимением материальных средств. Данного мне для окончания всего труда 3-х месячного срока при настоящих условиях, конечно, мало, но во всяком случае более сжатое описание с освещением важнейших фактов может быть представлено

в течение марта, если не будет продолжаться задержки с отпуском денежных средств. До настоящего времени комиссией не только не получено всего причитающегося сотрудникам содержания, но нет денег даже на необходимые командировки и гонорары посторонним сотрудникам. Кроме того нет полной уверенности, что работы комиссии будут доведены до конца и не прервутся из-за отсутствия денежных средств. Между тем, капитальная важность предпринятого военно-исторического труда вполне очевидна: для армянского народа необходимо, чтобы на мирной конференции перед лицом всех наций и мировой истории он мог представить фактические доказательства своего активного, кровью и бесчисленными жертвами запечатленного участия в мировой войне на стороне союзных нам держав до самого конца, даже когда он остался совершенно одинок в этой неравной борьбе. Таким образом, разрабатываемый мною очерк имеет не только специально военно-историческое, но в данный момент также и исключительное политическое значение для дела армянского народа.

Очень прошу о скорейшем отпуске дальнейших денежных средств для успешного завершения начатого исторически важного дела.

Председатель военно-исторической комиссии
генерал-майор (подпись) Кулебякин

5 февраля 1919г. (н.с.)

Тифлис

№2

ЦГИА РА, ф. 221, оп. 1, д. 37, л. 13-14 и об. Автограф. См. также:
Հ. Ա զ Ե տ ի յ ի շ ի. Указ. раб., с. 267-269.

Председатель
военно-исторической
Комиссии
12 февраля 1919
N4
Тифлис

Председателю Бюро
по установлению
потерь армян в мировой войне

При дипломатической миссии Республики Армении в Грузии, в ведомости полковника Долуханова в Тифлисе в доме Арамянца находился военный архив, в котором хранилась часть документов армянского военного министерства. Этот архив во время армяно-грузинской войны был взят особым грузинским отрядом и вывезен в неизвестное место. До настоящего времени получить этот архив и приступить к его использованию не удастся. Полковник Долуханов пока не знает, когда и от кого он может получить этот архив, а между тем его материал срочно необходим для комиссии. Прошу сношения Бюро через правительство Армении с грузинским правительством для скорейшего возвращения названного архива и допущению к его рассмотрению.

Генерал-майор

А.Кулебякин

№ 10

N56

15 февр<аля> 1919 г.

УДОСТОВЕРЕНИЕ

Дано сие Капитану Николаю Сергеевичу А б а з о в у в том, что он командируется от БЮРО ПО УСТАНОВЛЕНИЮ ПОТЕРЬ АРМЯН ОТ ВСЕМИРНОЙ ВОЙНЫ в г. Эривань и др. места Республики Армения для сбора Военно-исторических материалов, в качестве Члена Военно-исторической Комиссии по составлению очерка: "Участие армян в мировой войне 1914—1918 гг."

Бюро просит всех начальствующих лиц и учреждения оказать Капитану Н. С. Абазову возможное содействие.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ БЮРО

О.Туманян

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОЙ КОМИССИИ ген. Кулебякин

(печать)

ЦГИА РА, ф. 221, оп. 1, д. 38, л. 67. Заверенная копия. Машинопись.

№ 11

1919 года февраля 26-го дня, в городе Тифлисе, КОМИССИЯ ПО ИССЛЕДОВАНИЮ НАСИЛЬСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ НАД АРМЯНАМИ за время всемирной войны допрашивала нижепоименованного в качестве свидетеля и он показал:

Я, Александр Парфеньевич Кулебякин, 48-ми лет, православный, генерал-майор, живу в городе Тифлисе, по Коргановской улице N 18.

20-го октября 1914 года, я с русскими войсками перешел русско-турецкую границу и находился на театре военных

действий вплоть по ноябрь месяц 1917 года, последовательно занимал должности с командира полка до начальника дивизии включительно, причем 5 месяцев, в 1917-м году временно командовал четвертым Кавказским корпусом.

В Турецкой Армении лично посетил Ванский вилайет, был в Муше, Сурб-Карапете, Копе, Ахлате, Ардануше, Баязете, Каракилисе — Алашкертской, Эрзеруме и Пассинской долине.

Во многих местах лично видел следы разгрома и избиения армян. Насколько помню, зверства эти чинились, главным образом, курдами, а со стороны турок, конечно, было попустительство. Видел много трупов женщин и детей, избитых, как мне говорили жители-армяне, курдами. Так в селении Солук, за мостом через Евфрат, около города Муша, есть вместительная постройка, в которой при мне находилось до сотни человеческих костяков, по всем признакам останков женщин и детей. Как мне рассказывали казаки-лабинцы, сюда, при взятии нами Муша, укрылось много армянок с детьми и турецкие войска их здесь перебили. Снимки с этой картины воспроизведены были корпусным фотографом четвертого Корпуса Пароходовым. Кроме того много трупов армян при мне находилось, осенью 1915-го года, в ущелье реки Бен-димаху, к югу от Бегри-Кала. Картину эту я описал в стихотворении "Бен-димаху", помещенном в сборнике "Отзвуки Вана". Как мне рассказывали не только местные жители-армяне, но и русские офицеры, сюда бежали из Вана армяне после июльского отступления русских войск в 1915 году и будучи настигнуты здесь курдами все были перебиты. Часть бежавших по этому пути армян перебита была курдами у селения Гюлли, между Ваном и Панзом, на берегу Ванского озера. Я посетил в 1915 и в 1916 годах Варакский монастырь, все армянские церкви города Вана, Ахтамарский монастырь и Сурб-Карапет. Все эти церкви начисто разрушены и ограблены, особенно дикую картину самого варварского разгрома я нашел в монастыре Сурб-Карапете и Варакском монастыре. Здесь все было дочиста ограблено и сильно разрушено. Свои впечатления я изложил в стихотворениях "Старый Ван", "Оборона Вана", "Гибель Вана", "Аванц", "Ахтамар" и др., помещенных в сборнике "Отзвуки Вана". Вообще

все армянские церкви, которые я посетил, носили следы разгрома и разрушения. Города Муш, Ван, Каракилиса, Ахлат, Коп, Мелязгерт я застал в состоянии полного разрушения. — В Мелязгерте остались, в буквальном смысле, одни камни. Лично я, будучи занят боевыми задачами, никаких расследований о зверствах над армянами не производил и очевидцем зверств не был. У меня имеется четыре снимка с разрушений: два снимка монастыря Сурб-Карапет, и два снимка Ахтамарского монастыря, которые я храню для своего литературного труда об Армении. Снимки эти сняты фотографом четвертого Корпуса Пароходовым, у которого имеется много других снимков. Зачеркнуты: в стихотворной форме, и городе Маку. Прочитано. Больше показать не имею. А. Кулебякин. 26-II. Допрашивал А. Лонгинов.

ЦГИА РА, ф. 200, оп.1, д.199, л. 151 и об. Отпуск. Машинопись.
См. также: ф. 221, оп. 1, д. 8, л. 4-5 и об. Автограф.

№ 12

Председателю Бюро по установлению потерь
армян от мировой войне

У г. М. Арзуманова имеется доклад генерала Деева (коменданта крепости Карс) о последних днях Карса в 1918 году, а также, по-видимому, и другие важные для работы вверенной мне комиссии исторические документы. В виду того, что, несмотря на неоднократные обращения к г. М. Арзуманову мне до сих пор не удалось получить от него этих обещанных им документов, из которых, как несомненно существует и по сути своего значения, мне особенно важен первый, прошу Вашего распоряжения теперь же получить эти документы от г. Арзуманова через Бюро для снятия копии. С этим надо поспешить, т.к. г. Арзуманов

на днях уезжает из Тифлиса. Кроме того решайте напомнить еще раз о моем уведомлении Вам просьбы получить от Грузинского Правительства арестованный им во время армяно-грузинской войны архив военного представительства при армянской миссии в Тифлисе, который, несмотря на обращение и ликвидацию войны, до сих пор не возвращен.

Председатель военно-исторической комиссии
генерал-майор Кулебякин

6.Ш.1919 г.

Тифлис

№14

ЦГИА РА, ф. 221, оп. 1, д. 37, л. 17 и об. Автограф.

№ 13

ДОКЛАД

Военно-исторической комиссии
БЮРО ПО УСТАНОВЛЕНИЮ ПОТЕРЬ АРМЯН
ОТ ВСЕМИРНОЙ ВОЙНЫ
о состоянии ее работ к 22-му марта 1919 г.

I — Фактически комиссия могла приступить к собиранию военно-исторических материалов с 20-го января. До этого времени она имела только два заседания, которые затем были прерваны армяно-грузинской войной, создавшей в Тифлисе всем известную обстановку и совершенно прекратившей всякое сообщение с Эриванью, куда комиссия с самого начала своих работ предполагала командировать сотрудника для сбора важнейших документов.

Но и после 20-го января работа комиссии не могла

идти продуктивно по причине отсутствия денег. Так например, командировка капитана Абазова в Эривань могла состояться, да и то не с полным ассигнованием средств, лишь во второй половине февраля. Сотрудники теряли много времени на отыскание себе денег, что отражалось на их работе.

В Тифлисе до сих пор не удалось получить архив военной миссии, арестованный грузинами. Кроме того, за невозвращением капитана Абазова из Эривани пока нет еще сведений о действиях: 1-ой дружины за май — апрель 1915 года; 2-ой дружины за декабрь 1915 г., январь-март 1916 года; 4-ой дружины — с января по июнь 1916 года; 7-ой дружины — с января по июнь 1916 года; отсутствует: что-либо о 6-ой дружине; 2-м и 3-м стр. батальоне и — все подробности по последнему периоду армяно-турецкой борьбы от Эрдзинджана до Каралис и Эривани, по обороне Баку и о действиях ударного отряда Андраника. /О Баку лишь 18-го сего марта получены от генер. Баградуни сравнительно краткие и неполные документы, по которым восстановить общую картину явится возможность только с возвращением из Баку С. Пирумова/.

Согласно постановления Бюро, посланного на утверждение правительства Армении, на расходы по работе комиссии было ассигновано с расчетом на 3 месяца — 100000 руб. В эту сумму входило содержание: 1 председателя, 3 помощника по отделам, 6 сотрудников, 1 секретарь, 3 письмоводителя (по отделам), 1 реминктонистка, 2 сторожа, оплата квартиры (с расчетом 1000 руб. в мес.), обзаведение инвентарем, канцелярские расходы, суточные по командировкам и гонорары посторонним сотрудникам. Из этого штата не были приглашены 2 сотрудника (а с 1-го марта из наличных еще убыл 1), 3 письмоводителя, 2 сторожа, а реминктонистка приглашена лишь 19-го сего марта. Кроме того, совсем не нанималось помещение и работы происходили частью по квартирам председателя и его помощников, частью же у секретаря Лисициана.

Никакого инвентаря не покупалось, гонораров пока упрочено лишь 500 руб. генер. П.К. Пирумову и предполагается еще уплатить ген. Морелю и Арешеву и в общем, все канцелярские расходы сокращены до минимума.

Таким образом, до полного исчерпания всей сметы с удовлетворением членов комиссии по 1-ое апреля, останется еще половина не израсходованных денег (около 50000 руб.), которые с пользой могут быть обращены на дальнейшее продолжение работы, невольно замедленной выше указанными обстоятельствами. Довести ее до конца — необходимо, тем более что с фактического начала работ (20-ое января — протокол № 3) прошло только 2 месяца, а самое писание по добытым материалам начинается именно теперь.

- II — Систематизировано и уже изложено с некоторыми, подлежащими дополнению, проблемами следующее:
- 1) Вступление и общий краткий обзор событий до начала войны. Формирование добровольческих дружин и распределение их по фронту до вступления в Турцию. — 12 страниц.
 - 2) С начала войны до формирования Араратского отряда (январь 1915 г.). Описание действий 1-ой, 2-ой и 3-ей дружины (4-ая за этот период пока отсутствует). — 40 страниц.
 - 3) Поход Араратского отряда на Ван весной 1915 года, с значительными пробелами в подробностях, подлежащими пополнению из поступающего материала. — 20 страниц.
 - 4) Движение от Вана по южному берегу озера до июльского отступления 1915 года, включая Шатах-Мокусскую операцию. — 25 страниц.
 - 5) Ликвидация июльского отступления 1915 года и новое выдвижение к западу по обоим берегам Ванского озера по взятию Битлиса 19-го февраля 1916 года включительно. — 44 страницы.
 - 6) Хизанская экспедиция Амазаспа в марте 1916 года. — 13 страниц.

- 7) Бои после взятия Битлиса за период с 20-го февраля по 29-ое марта. — 15 страниц.
- 8) /По 2-му периоду:/ С начала формирования батальонов. Общая картина формирования и деятельности 1-го стрел. батальона до начала революции. — 22 страницы.
- 9) Написано, но еще не проредактировано около 40 страниц текста о действиях 4-го и 6-го батальонов.
- 10) /По 3-му периоду:/ От Эрдзинджана до Эрзерума, декабрь 1917 г., январь-февраль 1918 г. — 91 страница.
- 11) Общая картина развала фронта, уход русских войск и формирование армянского корпуса. — 29 страниц.

Помимо этого до настоящего времени собраны и систематизированы материалы за исключением перечисленных выше пробелов; имеются также документы по истории армянских восстаний в Турции в течение этой войны (не полные).

К сожалению об участии армян в войсках союзников имеются лишь краткие газетные сведения.

III — Таким образом, в общем пока составлено около 350 страниц листового формата, из которых еще не все эпизоды связаны между собою. Этот материал, однако, ввиду поступающих новых документов, подлежит еще окончательной переработке, после того как будет перелен.

Работа в сущности только теперь начинает двигаться непрерывно, а главная масса документов (особенно по последнему периоду) еще ожидается из Эривани.

Труд в общем должен выйти хотя и довольно компактным, но во всяком случае — не совсем полным в подробностях, все по той же причине недостатка материалов и времени, — и не разобранности русского архива кавказской армии за 1914 — 18 гг., находящегося сейчас в хаотическом состоянии. Кроме того, недостаток времени не позволяет дать к этому труду достаточное количество документальных и графических приложений: карты, схемы и т. п.

Однако и при этих вынужденных недочетах составляемый очерк, при всей своей схематичности, приобретает серьезное значение как военно-историческое исследование, важное не только для представления на мирной конференции, но и для удовлетворения общего исторического интереса, и как первый опыт составления, хотя бы частичной, истории войны на Армянском и Кавказском фронтах.

Было бы печально бросить эту работу в самом разгаре ее, тем более, что другого случая для ее продолжения в ближайшем будущем может и не представиться, а множество пока еще живых свидетелей великой эпопеи, равно как и многие интересные документы, навсегда будут потеряны для истории.

Думаем, что для окончания очерка комиссии еще понадобится работать в течение всего апреля.

Председатель комиссии,
генерал-майор

Кулебякин

Секретарь

Л. Лисициан

22 марта 1919 г. (с.г.)
Тифлис

ЦГИА РА, ф. 221, оп. 1, д. 143, л. 19–20 и об. Подлинник. Машинопись.

№ 14

Председатель
военно-исторической
комиссии
25 марта 1919 г. (н.с.)
N36
Тифлис

Председателю Бюро
по установлению
потерь армян от мировой войны

По мере накопления добытых материалов главная масса работы по разбору, систематизации и переписке их по-

степенно нарастает у меня и секретаря, у которого теперь начинает даже не хватать времени на исполнение всей текущей переписки. Такая напряженность труда у него длится уже весь текущий март месяц, отнимая у него и много лишнего времени, т.к. ему приходится присутствовать при всех редакционных чтениях и ходить по городу для добывания различных справок. Ходатайствую о разрешении увеличить ему с 1 сего марта содержание до размеров оклада моих помощников, а также придать одного сотрудника, хотя бы взяв для этой цели одного из работающих уже членов комиссии, не увеличивая получавшегося ими содержания. Полагаю, что этот расход не превысит установленной Бюро сметы. Ходатайствую исключительно в видах пользы дела, которое надо спокойно закончить нам возможно скорее и успешнее.

Генерал-майор

КУЛЕБЯКИН

ЦГИА РА, ф. 221, оп. 1, д. 37, л. 19 и об. Автограф.

№ 15

Сердечно уважаемый
Ованнес Фаддеевич!

Очень сожалею, что опять беспокою Вас просьбой за мою историческую комиссию. Хотел переговорить лично, но не застал Вас.

Сегодня Валадян подал мне письменный отказ от дальнейшей работы с 1 апреля из-за неплатежа денег, и в таком же положении находятся и все остальные сотрудники, о чем они настоятельно просят меня довести до Вашего сведения. Дальше так дело продолжаться не может. Фактически я и теперь уже остался почти без сотрудников, если не считать прекрасно работающего Лисициана и Сергеева (Валадян выбыл, Абазов и Пирумов отсутствуют, Григорян только что вернулся из Баку в самом тяжелом материальном состоянии, мешающем ему работать, и еще хуже обстоит с Петросяном, который на днях уезжает на

службу в Батуми). Денежный вопрос тормозит всю работу.

Сердечно прошу Вас как можно скорее помочь всем нам в этом отношении, ибо и мое положение тяжело и материально и еще более нравственно, т.к. я стою во главе комиссии.

Будьте любезны, — не откажите завтра сделать все возможное и через Лисициана (телеф. 16-45) уведомить меня: я буду ждать ответа.

Кроме удовлетворения сотрудников есть еще другие не менее срочные платежи, совершенно не терпящие отлагательства. Положение критическое. Простите за причиняемое беспокойство, но Ваша всегдашняя длительная отзывчивость дает мне надежду на удачу в Ваших хлопотах за нас. Знаю, что в таком же положении находятся и другие комиссии, но я по своему долгу не могу не ходатайствовать о своих сотрудниках.

Искренне Вам всегда преданный

А.Кулебякин

31.Ш.1919 г. (н.с.)

Тифлис

Вознесенская, 18.

Музей Ов. Туманяна, КП №1072/2743. Автограф.

№ 16

Дорогой Ованнес Фаддеевич!

Сердечно приветствую Вас и семью Вашу из Москвы. Вы, вероятно, уже знаете, что я арестован 28 апреля 1920 года в Баку, а с 24 октября нахожусь в Москве. До 23 апреля 1921 г. сидел в Кожуховском лагере, а затем переведен в Брестский госпиталь, палата № 2 (пресненский Камерколлежский вал, 39). Здесь я перенес тяжелую операцию глубокого взреза икры левой ноги, с которой могла приключиться гангрена, т. к. нога сильно отекала от общего истощения и голодовки (весь опух), но теперь, слава Богу, дело идет на поправку. С освобождением все обещают, но пока сижу. Просьба Вашей семье навестить мою бедную жену. Сердечно Ваш всегда любящий А. Кулебякин.

Напишите, как живете.

11/ V. 1921 г.

МЛИ, ф. Ов. Туманяна, № 760. Автограф.

С Т А Т Ь И

А. П. КУЛЕБЯКИН – ДВЕРЬ МХЕРА. ОТЗВУКИ ВАНА

Прежде чем говорить об этой книге, выскажем вообще наш взгляд на фольклор и наше отношение к собиранию цветов народного творчества.

Каждая песня, каждый миф каждого народа для нас священны, ибо произведения народа – это тайна, недостижимая для творчества единоличного.

Собирать эти сокровища можно только одним способом: записывая фонографически, чтобы ни одно слово, ни одна нота не исказились. Каждый вариант драгоценен. В таком виде и должны храниться произведения народного творчества.

Мы сознаем, что такой взгляд слишком суров и аскетичен, что для поэзии "поэтов" большой соблазн использовать поэзию народа, что многие классические поэмы являются обработкой сырого народного материала. И все же мы лично всегда предпочтем точную фонографическую запись самой блестящей обработке.

Распространенная точка зрения на этот предмет охотно допускает обработку народных легенд отдельными поэтами. На той же точке зрения стоит и А. П. Кулебякин.

Поэма его "Дверь Мхера" и является такой обработкой известной легенды о Давиде Сасунском и его сыне Мхере.

Сначала о ее технических недостатках. Первый это то, что поэт нарушил единство времени: он сначала описывает ванский памятник, как он есть, потом переносит читателя в древность, показывая самый процесс этого перехода.

Это глубокая ошибка. Надо было сразу и решительно ввести читателя в древность и рассказать легенду изнутри ее, а не снаружи. Наружный подход к легенде очень

ослабляет эффект этой сильной по содержанию легенды.

Вторая ошибка в том, что поэт рассказал поэму не как связное цельное повествование, а в виде ряда стихотворений — всего 33 части. Эти мелкие части, кроме того, написаны разным размером. Вышла в итоге не поэма, а цикл стихотворений на тему о Давиде и Мхере.

Еще одно замечание, и можно перейти к достоинствам работы: слова "езжай" в русском языке нет, это слово из кавказского жаргона и употреблению в литературе не подлежит.

Стих А. П. Кулебякина хотя и не богат и грешит некоторым однообразием рифм, тем не менее легок, иногда звучен, всегда честен и грамотен. Это большое достоинство при слабой вообще технике стиха в России.

Несомненно воодушевление автора своей темой; он пережил ее, вдумался в нее и оттого в поэме есть сильные места. Укажем на встречу отца с сыном, Ахлатский бой, изгнание Мхера. Но именно от того, что поэт разбил свою тему на куски, утерялась эпическая цельность поэмы, раздробился ее горизонт.

Для читателя поэма, несомненно, представит большой интерес, особенно теперь, когда Россия начинает узнавать и любить Армению.

Вторая часть книги это "Отзвуки Вана", т. е. ряд отдельных стихотворений. И здесь поэт грешит внешним подходом к теме, будь то переживание природы или легенда. И досадна эта ошибка тем более, что в чем-чем, а в искренности чувства А. П. Кулебякину отказать нельзя никак.

Он умилен и природой, и стариной Вана. Часто он бывает трогателен в своем умилении, например, когда говорит о разбитых иконах Варагского монастыря:

И с иконы обветшало,
Тайны прошлого храня,
Ты с улыбкою усталой
Грустно смотришь на меня.

Лучшее стихотворение в книге это – "Слепая", описывающее действительно потрясающий случай из этой войны.

Книга снабжена примечаниями, очень дельно и интересно составленными.

В общем, если она и не удовлетворит всем требованиям, какие представляет современная поэзия своим сынам, то, во всяком случае, развлечет, заставит задуматься и обогатит душу своего читателя.

СЕРГЕЙ ГОРОДЕЦКИЙ

"Кавказское слово", 11 августа 1917. См. также: С. Городецки й. Об Армении и армянской культуре, с. 54 – 55.

ՀԱՅԵՐԻ ՍԱՄՆԱԿՅՈՒԹՅՈՒՆԸ 1914 – 1918 ԹՎԵՐԻ ՀԱՄԱՇԽԱՐՀԱՅԻՆ ՊԱՏԵՐԱԶՄԻՆ

ՌԱԶՄԱ – ՊԱՏՄԱԿԱՆ ՏԵՍՈՒԹՅՈՒՆ

ՆԱԽՆԱԿԱՆ ԾԱՆՈԹՈՒԹՅՈՒՆ

1918 թվի աշնանը ընդհանուր զինադադարը կնքելուց հետո և Փարիզի կոնֆերանսի նախօրյակին հայկական զանազան շրջանակներում այն միտքը սկսեց արժարժվել, որ անհրաժեշտ է խնամքով ժողովել հայոց ռազմական գործողությանը վերաբերող բոլոր նյութերը և պատրաստել համաշխարհային պատերազմին նրանց ցույց տված մասնակցության ընդհանուր պատմական նկարագրությունը: Այդ, ինքնըստինքյան արդեն հետաքրքրական ու արժեքավոր աշխատանքը ավելի ևս կարևոր էր դառնում այն պատճառով, որ հայ ժողովուրդը կանգնած էր իր ուրույն

պետական կյանքի շեմին և մեծ կարիք էր զգում իր բոլոր ուժերի և ազգային կարողության կշռադատության ու գիտակցության:

Բացի այդ, հայոց զորականության և դաշնակիցների <1 անընթեռնելի> հանդեպ նրա մատուցած խոշոր ծառայությունների պատմական այդպիսի մի տեսությունը կարևոր փաստաթուղթ պետք է դառնար դաշնակիցների սեղանի վրա հայ ժողովրդի պահանջները դնելու և նրա իրավունքները պաշտպանելու համար:

Երիտասարդ հայ զորականության պատմությունը լավագույն ապացույցը պետք է լիներ հայ ժողովրդի իրական ուժերի, իսկ նրա անսահման զոհաբերություններն ու կորուվի պայքարը՝ անժխտելի առհավատչյան նրա իրավունքների ու արդար պահանջների իրագործման համար:

Թիֆլիսում այդ միջոցին կազմվում էր «քննիչ Հանձնաժողով» արձանագրելու ու վիճակագրելու համար հայ ժողովրդի պատերազմից կրած կորուստները՝ խաղաղություն կնքելու միջոցին հատուցումն պահանջելու նպատակով Տաճկաստանից և նրա դաշնակիցներից:

Ահա այդ «քննիչ Հանձնաժողովին» կից, նրա նախագահի ու անդամների — Հովհաննես Թումանյանի, Տիգրան Բեզգաղյանի, Խրիստ. Վերմիշյանի, Տ. Հովհաննիսյանի և պ. Լեոյի նախաձեռնությամբ որոշված էր՝ վիճակագրական, քրեական և պատմական բաժիններին կից հիմնել նաև հատուկ ռազմապատմական մի հանձնախումբ:

Իբրև նախագահ և գլխավոր խմբագիր ռազմապատմական այդ հանձնախմբի հրավիրված էր զորավար Ալեքսանդր Կուլեբյակինը, հայտնի իբրև բանաստեղծ ու վիպական գրող, որը հրատարակված ուներ արդեն մի քանի բանաստեղծական գրվածքներ Հայաստանի մասին: Չորավար Կուլեբյակինը ինքը Թերեքի կողակ լինելով հանդերձ, մեծ համակրանք ու հետաքրքրություն էր տածում միշտ դեպի հայ ժողովուրդը, զգում էր ու հարգում նրա ձգտումներն ու ցավերը և հայտնի էր իբրև անաչառ մտքի ու պայծառ հոգու տեր մարդ: Այն ժամանակ նա անմիջական մասնակից է եղել ամբողջ պատերազմին ռուս-տաճկական ճակատում սկզբից մինչև վերջին շրջանը, և, ունենալով արտակարգ հիշողություն ու մեծ գրողի մեծ շնորհք, իրոք որ պետք է հարմարագույնը համարվեր հիշյալ ռազմական պատմությունը կազմելու համար:

Նշանակություն ուներ նաև այն հանգամանքը, որ զորավար Կուլեբյակինի նման չեզոք մի մարդու և հեղինակավոր զորականի տված պատմական նկարագրությունն ու գնահատությունը առանձնապես հեղինակավոր ու վստահելի պետք է լիներ ամենքի համար:

Հանձնախմբի կազմի մեջ հրավիրված էին բացի զորավար

Կուլեբյակիինից հիշյալ անձինք. փ. գնդապետ ընդհանուր շտաբի – Ս. Սերգեն, գլխապետ Ն. Աբազյան, պ. Մ. Վալադյան իբրև ավագ աշխատակիցներ, Ս. Փիրումյան, տեղակալ Ա. Տեր-Մկրտչյան, փ. տեղակալներ Թ. Պետրոսյան և Յ. Տեր-Գրիգորյան – իբրև կրտսեր աշխատակիցներ: Զարտուղարի պաշտոնով հրավիրված էր փ.-տեղակալ Լ. Լիսիցյանը:

Ամբողջ աշխատանքը բաժանված էր երեք գլխավոր մասերի.

Ա. Կամավորական շրջան՝ 1914-1916 թվեր, Բ. Հրածիզ գումարտակների շրջան՝ 1916-1917 թվեր, Գ. Առանձին հայկական զորամասերի շրջան՝ 1917-1918 թվերը: Շրջաններից ամեն մեկը հանձնված էր մի ավագ աշխատակցին իր օգնականներով և թվում էր, որ ամբողջ աշխատանքը կարելի կլինի վերջացնել մի կես տարվա ընթացքում: Սենակ աշխատանքի ընթացքում պարզ եղավ նրա ամբողջ բարդությունը: Կամավորական շրջանի համար գլխավոր աշխատակիցն էր պ. Մ. Վալադյանը, գումարտակների համար – փ. գնդապետ Սերգենը և հայկական զորամարմնի շրջանի համար – գլխապետ Աբազյանն ու Ս. Փիրումյանը:

Հանձնախումբը սկսեց աշխատել 1919 թվի հունվարի 20-ից: Պատմական նյութեր ու տվյալներ հավաքվեցին՝ Ազգային բյուրոյի, Ազգային խորհուրդի, Զինվորական խորհուրդի, Անդրանիկի, Համազասպի և այլ հնադարաններից:

Գլխապետ Աբազյանը ուղարկվեց Երևան Հայկական Զորամարմնի հնադարանից նյութեր քաղելու և ընդօրինակելու համար, որոնք նույնպես օգտագործվեցին զորավար Կուլեբյակիինի կողմից: Առանձին զորամասերի վերաբերյալ նկարագրություններ տվին մախսիկն զորամասերի պետերից մի քանիսը և այդ նույնպես գործածվեց իբրև նյութ հանձնախմբի կողմից: Զորավար Մորելը մանրամասն նկարագրություն տվեց «Երզնկայից մինչև Կարս» վերնագրով:

Հանձնախումբը շարունակեց իր աշխատանքները երեք ամիս մինչև 1919 թվի մայիսը, երբ նյութական միջոցների բացակայության պատճառով ստիպված էր ընդհատել իր աշխատանքները: Աշխատակիցները ցրվեցին, Հայկական ռազմական մախարարությունը, ծանոթանալով ձեռնարկված գործին, հանձն առավ հոգալ սկսված աշխատության ծախսերը: Մինչ այդ, Հանձնախմբի օրով պատրաստ էին արդեն սենակ Ա և Բ շրջանների որոշ առանձին մասերի նկարագրությունները, իսկ Գ շրջանը, որը ամենակարևորն էր, գրեթե չէր շոշափված:

Զորավար Կուլեբյակիինը, որ արդեն նայում էր հանձն առած պատմական աշխատությանը իբրև իր հարազատ գործին և այդ գրական ավարտումը նկատում էր իբրև իր՝ հեղինակի պատվի ու ինքնասիրության

խնդիր, ամբողջ մի տարի ևս շարունակեց իր աշխատանքը բացառապես ծանոթանալով հայոց առանձին գորամասերի և հայ-տաճկական կովի պատմության վրա ռուս հեղափոխությունից հետո, չնայած որ գուրկ էր որևէ նյութական օգնությունից:

Այժմ գորավար Կուլեբյակինը, ընկնելով բոլշևիկների տիրապետության շրջանի մեջ, աշխատանքի խոշորագույն մասը կատարելուց հետո, այլևս կտրված է իր ուսումնասիրությունն ավարտելու հնարավորությունից: Քանի որ մենք զգում ենք ներկա ուսումնասիրության մեծ կարևորությունը մեր երիտասարդ գորականության պատմության, հայության մարտական ավանդների ու ժողովրդի գիտակցության ամրապնդման համար, մենք պիտի աշխատենք պատրաստել գորավար Կուլեբյակինից ստացված բնագիրները հայերեն տպագրության համար, հնարավոր եղածին չափ լրացնելով այն բացերն ու պակասավոր մասերը, որ մնացել են ընդհանուր նկարագրության մեջ նյութերի կամ ժամանակի պակասության պատճառով:

Չորավար Կուլեբյակինի բնագիրը մենք պիտի տանք անփոփոխ, նրան վերապահելով հեղինակի իրավունքներն ու պատասխանատվությունը: Երբ մեր կողմից մտցված փոփոխություններ, հավելումներ կամ լրացումներ լինեն, այդ ամեն անգամ առանձին մատնանշվի:

Ներկա ուսումնասիրությունը հետապնդում է ամենից առաջ ռազմապատմական նկարագրության նպատակներ. քաղաքական դեպքերը, հասարակական լայն հուանքներն ու տրամադրությունները – այնքան տեղ են գտել այս ուսումնասիրության մեջ, որքան այդ անհրաժեշտ է ճակատի դրությունը հասկանալու համար: Այդ պատճառով ներկա ուսումնասիրության քաղաքական մասերից չպետք է սպասել ոչ մանրամասնություններ, ոչ էլ դեպքերի նկարագրություն:

Բուն ռազմապատմական նկարագրությունը դեռ շատ պակասավոր կողմեր ունի: Ամենից առաջ պետք է մատնանշել այն մանրամասնությունների բացակայությունը, որ տալիս են ամեն մի նկարագրության կենդանություն ու գունեղություն: Չկան, օրինակի համար, բազմաթիվ նշանավոր կռիվների մանրամասնությունները:

ԼԵՎՈՆ ԼԻՍԻՑՅԱՆ

СО Д Е Р Ж А Н И Е

К читателю	7
Глава I. Полководец А. Кулебякин в Западной Армении	8
Глава II. Армения в поэзии А.Кулебякина	21
Глава III. А. Кулебякин и Ов. Туманян	28
Глава IV. А. Кулебякин и армянские общественные организации.	40
Послесловие	55
Резюме (на арм. яз.)	57
Резюме (на англ. яз.)	58
<i>Сочинения. Переводы. Письма. Документы. Статьи</i>	
"Дверь Мехера. Отзвуки Вана"	60
Предисловие к "Двери Мехера"	63
Дверь Мехера	65
Предисловие к Ванским стихотворениям	100
Ак-Кепри	101
Топрак-Кала	102
Старый Ван	105
Айгестан (Новый Ван)	108
Оборона Вана (апрель 1915 года)	109
Гибель Вана (июль 1915 г.)	112
Аванц	113
Лезк	115
На Ванском о́зере	117
Ванская скала: I — Надпись Ксеркса	118
— " — II — Пещера царя Менуаса	119
— " — III — Северный склон	120
— " — IV — Крепость	121
— " — V — Хорхорские пещеры	123
Вечер над Ваном	124
Ардамет	125
Ахтамар: Монастырь	127
— " — Легенда	130

На лодке по Вану	138
Слепая	139
Бен-димаху	142
Колыбельная песня (1915 г.)	143
Варагский монастырь: I, II, III, IV	144
Востан	149
Торжествующий Ван	151
I Примечания (к "Двери Мехера")	153
II Примечания (к Ванским стихотворениям)	158
<i>Сочинения</i>	
Крест Масиса. Две легенды	165
Анархия	175
Ованнесу Туманяну. 20-го февраля 1919-го года. Сонет акростих.	176
Аракс	178
Я видел сон	179
Сквозистый лес	180
Нанэ (Ахлатская поэма)	182
Памяти Левона Лисициана (19/II.1921 г.)	198
<i>Переводы</i>	
Последний день	199
Четверостишия Ованнеса Туманяна	203
<i>Письма. Документы.</i>	210
<i>Статьи</i>	
Сергей Городецкий. — А. П. Кулебякин — Дверь Мхера. Отзвуки Вана	231
Левон Лисицян. — Участие армян в мировой войне 1914 — 1918 годов. (на арм. яз.)	233

ЗАКАРЯН АНУШАВАН АЗАРАПЕТОВИЧ

АЛЕКСАНДР КУЛЕБЯКИН
И
АРМЕНИЯ

Формат 60x84^{1/16}, печ. л. 15. Тираж 350.
Бумага офсетная № 1. Цена договорная.
ООО "Зейтун"

Анушаван Азарапетович ЗАКАРЯН родился в 1954 г. в селе Парака Ордубадского района Нахичеванской АССР. В 1971 г. окончил Ереванскую среднюю школу им. Н. Крупской, в 1975 г. — филологический факультет Армянского государственного педагогического института им. Х.Абовяна. В 1975—1976 гг. служил в Советской Армии (Хабаровский край, г. Облучье).

В 1977—1979 гг. работал редактором в Издательстве Академии наук Армении. С 1980 по 1993 гг. являлся ответственным секретарем

журнала "Вестник общественных наук" АН. С 1999 г. — ответственный секретарь "Историко-филологического журнала" Национальной АН РА.

С 1993 г. возглавлял различные структурные подразделения аппаратов Верховного Совета, затем — Национального Собрания, Правительства Республики Армения (заведующий издательским отделом, заместитель заведующего протокольно-издательским отделом, руководитель канцелярии, заместитель начальника секретариата, исполнительный директор "Официальных ведомостей Республики Армения"). С 2000 г. — заведующий издательским отделом аппарата Национального Собрания РА.

Кандидат филологических наук (1985). Автор монографий "Русские писатели в Закавказье и армянская литературная жизнь (1914—1920)" (Ереван, 1984, на арм. яз.), "Русские литераторы и армянская действительность (10-е гг. XX в.)" (Ереван, 1994, на рус. яз.) и более 60 научных статей.

С 1989 г. преподает в вузах г. Еревана. Член Союза журналистов Армении (1986).

Женат, имеет троих детей.